

Банзаровъ

4 $\frac{167}{844}$ *Л. К. И.*

$\frac{801-18}{2434}$

ЧЕРНАЯ ВЪРА

или

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ И ДРУГІЯ СТАТЬИ

ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ И ЦІОГРАФІЕЙ.)

ИЗДАНО НА СРЕДСТВА ЧАСТНЫХЪ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГРАФ. ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Г. Н. Потанина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

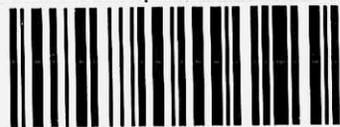
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

Намѣреніе издателя вначалѣ было перепечатать только одну статью Банзарова „Черную вѣру“, приложивъ къ ней біографію этого замѣчательнаго бурята. Имѣлось въ виду отчасти доставить лицамъ, занимающимся миѳологіей и фольклоромъ сибирскихъ инородцевъ, возможность вновь пріобрѣтать статью Банзарова, которая стала библиографическою рѣдкостью; но главная цѣль была напомнить бурятамъ объ ихъ замѣчательномъ соплеменникѣ, а также и русской публикѣ объ этомъ одинокомъ случаѣ, оставшемся въ продолженіи тридцати лѣтъ безъ повторенія.

Вотъ какъ оцѣнивалось тридцать лѣтъ тому назадъ на языкѣ того времени неожиданное появленіе среди русскихъ ученыхъ образованнаго монгола: „Влескъ примѣчательной личности, — писалъ ориенталистъ Савельевъ въ біографіи Банзарова, — отражается и на народѣ и буряты отнынѣ пріобрѣли право на большее вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дорджи Банзаровъ“ *).

*) О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова. СПб. 1855. Стр. 38.

2011121254

136370

Однако въ настоящее время имя Банзарова среди самих бурятъ извѣстно только въ самомъ ограниченномъ кружкѣ лицъ; еще менѣе оно извѣстно русскимъ (за исключеніемъ, конечно, ориенталистовъ). Среди бурятъ его еще помнятъ селенгинскіе буряты, между которыми и до сихъ поръ еще живутъ его близкіе родственники; болѣе же отдаленные отъ Селенги буряты едва-ли слышали объ этомъ имени. Въ настоящее время среди бурятъ изрѣдка появляются лица съ среднимъ образованіемъ, читающіе русскіе журналы; имъ было бы любопытно и поучительно прочесть біографію интереснаго земляка, о которомъ современники отзывались съ такой симпатіей, но біографія Банзарова и его собственныя статьи помѣщены въ ученыхъ изданіяхъ, которыя въ глухой провинціи трудно достать. Удовлетворить этой потребности, вотъ въ чемъ состояла собственно цѣль настоящаго изданія.

Денежныя средства на изданіе далъ одинъ образованный буряты съ тѣмъ, чтобы на вырученныя отъ продажи деньги было предпринято новое изданіе, относящееся къ бурятамъ же. Такъ какъ литературное наслѣдство, оставленное Банзаровымъ, не велико, то въ послѣдствіи было рѣшено расширить изданіе и включить въ него кромѣ „Черной вѣры“ и другія статьи Банзарова. Расширеніе потребовало увеличенія издержекъ; новыя средства были найдены; одновременно съ этимъ назначеніе выручки отъ изданія было измѣнено; рѣшено обратитъ изданіе въ пользу Восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества, дѣятельность котораго по

изслѣдованію бурятскаго племени за послѣднее время усилилась.

Для біографическаго очерка намъ пришлось почти ограничиться статьей Савельева: „О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова“. Въ этого матеріала намъ удалось получить только самыя краткія сообщенія отъ гусино-озерскаго хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева, Ю. Л. Лумбунова, М. В. Загоскина и г. Гантимурова. Эти послѣднія такъ незначительны, что вмѣсто переработки очерка, сдѣланнаго Савельевымъ, слѣдовало бы просто перепечатать эту статью; къ сожалѣнію это оказалось невозможнымъ, такъ какъ статья Савельева на половину состоитъ изъ изложенія статей Банзарова, и помѣстить ее цѣликомъ было бы излишне рядомъ съ самими статьями.

Хотя біографическій очеркъ сухъ, но онъ все-таки даетъ нѣкоторые факты и русскій читатель найдетъ въ немъ матеріалъ для размышленія. Иностранецъ, вовлеченный въ русское умственное движеніе, — такихъ фактовъ русская жизнь знаетъ не много, а въ жизни бурятскаго племени это примѣръ единственный, послѣ того не возобновлявшійся. Въ сороковыхъ годахъ Банзаровъ становится въ ряды ученыхъ ориенталистовъ, а теперь мы рѣдко когда встрѣтимъ буряты, учившагося въ гимназіи или даже въ учительской семинаріи. Русскіе патріоты сороковыхъ годовъ въ родѣ ориенталистовъ Григорьева и Савельева увидѣли въ Банзаровѣ явленіе, вызванное прогрессивнымъ ходомъ русскаго просвѣщенія; но тотъ, кто прочтетъ біографію Банзарова, убѣдится, что образованность Банзарова была чистая случайность. Вотъ

почему въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ не было другого Банзарова. Захватъ бурятскаго племени общимъ русскимъ стремленіемъ къ образованію еще впереди; теперь онъ только что начинается. Въ настоящее время дѣйствительно въ бурятскомъ народѣ пробуждается желаніе учиться у русскихъ учителей; по послѣднимъ даннымъ въ народныхъ школахъ учатся 517 мальчиковъ-бурятъ; нѣкоторые учатся въ русскихъ школахъ, но есть и улусныя бурятскія школы, въ которыхъ все учащіяся буряты. Другіе мальчики учатся въ учительской семинаріи въ Иркутскѣ; встрѣчаются буряты и въ гимназіяхъ иркутской и читинской. Нѣкоторые буряты начинаютъ уже принимать участіе въ сибирской мѣстной прессѣ, другіе примыкаютъ къ мѣстному Отдѣлу Географическаго Общества; въ изданіяхъ послѣдняго мы встрѣчаемъ имена бурятъ М. Н. Хангалова, С. А. Пирожкова, И. В. Вамбоцэрэнова.

Въ одномъ письмѣ къ пріятелю Банзаровъ проситъ увѣрить ориенталиста Григорьева, что онъ, Банзаровъ, сталъ всеѣмъ русскимъ. Несомнѣнно, по своимъ привязанностямъ и стремленіямъ Банзаровъ былъ совершенно русскій человекъ; онъ былъ членъ русскаго интеллигентнаго круга; этому нисколько не могли мѣшать сохранившіяся въ немъ симпатіи къ своему добродушному племени и принадлежность къ буддѣйской вѣрѣ. Если-бы такихъ Банзаровыхъ было не одинъ, а много, какая прочная связь образовалась бы между бурятскимъ племенемъ и русскимъ и какъ бы это благотворно отразилось на бурятской жизни! Паосъ приведенной фразы

Савельева можно не раздѣлять; можно сказать, что одна личность еще не можетъ служить общей характеристикой племени, но вѣрно то, что память о Банзаровѣ не можетъ пропадать безслѣдно для его сородичей и что напоминанія о немъ должны пробуждать въ нихъ хорошія стремленія.

Приобщеніе бурятскаго племени къ общей русской духовной жизни лучше всего можетъ быть достигнуто научной разработкой быта бурятъ и ихъ старины, и изданіемъ книжекъ, посвященныхъ описанію ихъ родины, ихъ исторіи и современной жизни. Такая литература создастъ духовное общеніе между русской интеллигенціей и бурятской средой. Въ этомъ же родѣ должна сослужить службу и наша книга.

Портретъ, приложенный къ нашему изданію, есть увеличенный посредствомъ фотографіи переснимокъ съ очень мелкаго портрета, снятаго дагерротипомъ въ сороковыхъ годахъ и приложеннаго Савельевымъ къ собранію писемъ Банзарова, напечатанному въ Трудахъ Археол. Общества, т. III, 1856 г. Намъ приходилось выбирать изъ двухъ: или дать художнику предварительно перерисовать его или прямо отпечатать фототипическимъ способомъ; въ первомъ случаѣ мы приложили бы къ изданію портретъ, который удовлетворялъ бы художественному вкусу будущаго владѣльца книги, но изображеніе потеряло бы вѣрность подлиннику. Во второмъ случаѣ рисунокъ сохранилъ бы ту грубость штриха, которая неизбежно является при увеличеніи снимка, но

мы избѣгли бы обвиненія въ искаженіи чертъ лица. Мы предпочли послѣднее.

Исправленіемъ восточныхъ текстовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, редакция ея обязана любезности монголиста А. М. Позднѣва.

Г. П.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Дорджи Банзарова.

Дорджи¹⁾ Банзаровъ происходилъ изъ бурятъ селенгинскаго вѣдомства, перваго Табангутскаго рода, изъ поколѣнія Урянхай, «до нынѣ пользующагося почетомъ во всей степи» по выраженію біографіи, написанной Савельевымъ; родился онъ въ урочищѣ Учётуѣ, находящемся въ долинѣ рѣки Джиды. Отецъ его, Банзаръ Боргоновъ, былъ урядникомъ, пятидесятикомъ бывшаго Ашегабатскаго полка. Мать Дорджи звали Цоли. У Банзара Боргонова было пять сыновей, именно Нансолама-цзондуи, Даалама-цыдунъ, Цыдэнъ, Бадма и Дорджи, будущій ученый. Изъ нихъ до сего времени живъ 75-лѣтній Даалама-цыдунъ Банзаровъ²⁾. На 10-мъ году отъ роду (въ 1832 г.) Дорджи былъ отданъ въ Кяхтинскую войсковую русско-монгольскую школу³⁾, гдѣ онъ выказалъ блестящія способности.

Этимъ, по всей вѣроятности, и окончилось бы его образованіе, если бы слѣдующій счастливый случай не далъ ему возможности продолжить его и блистательно закончить. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: въ 1834 году было обращено особенное вниманіе на преподаваніе восточныхъ языковъ (арабскаго, персидскаго, турецкаго, татарскаго и монгольскаго) въ Первой

1) «Дорджи» по русски значитъ «алмазъ».

2) Сообщено г. Гомбоевымъ.

3) Сообщено г. Лумбуновымъ.

Казанской гимназіи съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, приготовить переводчиковъ для службы при нашихъ миссіяхъ на востокѣ, при начальникахъ пограничныхъ съ Азією областей и при ханахъ и султанахъ, находящихся въ подданствѣ Россіи, а съ другой, чтобы дать образованіе и дѣтямъ татаръ, бурятъ и другихъ инородцевъ. Тайша селенгинскихъ бурятскихъ родовъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, прислалъ прошеніе, въ которомъ, указывая на необходимость для степныхъ думъ основательнаго знанія русскаго языка, ходатайствовалъ о принятіи въ Казанскую гимназію нѣсколькихъ малолѣтнихъ бурятъ и съ ними одного лама. Такъ рассказываетъ Савельевъ. Едва ли тайша того времени могъ помимо начальства узнать о предстоящихъ преобразованіяхъ Казанской гимназіи; вѣроятно же, инициатива этого дѣла принадлежала какому-нибудь образованному чиновнику въ Забайкальи или еще вѣрнѣе, все это предпріятіе было административной мѣрой, внушенной министерствомъ. Ходатайство тайши было уважено: «Тѣмъ охотнѣе согласился я, — писалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ¹⁾, — на удовлетвореніе сей просьбы, что при поддержаніи сего перваго порыва можно ожидать многочисленнаго прилива азіатцевъ въ наши учебныя заведенія».

Въ числѣ мальчиковъ-инородцевъ, назначенныхъ тайшою въ будущіе писаря степной думы, находился и Дорджи Банзаровъ.

Въ 1835 году онъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками и командированнымъ въ Казань биликту-ламою²⁾ Бунтумурскаго дацана³⁾ Галсаномъ Никитуевымъ⁴⁾, прибылъ въ Казань, гдѣ и былъ принятъ вмѣстѣ съ своими земляками въ первую Казанскую гимназію, на казенномъ содержаніи. Оторванные отъ всего родного и близкаго и, не будучи въ силахъ освоиться съ новымъ обра-

зомъ жизни и непривычными климатомъ и обстановкою, сверстники Дорджи зачали на чужбинѣ и только крѣпкая и здоровая натура Дорджи выдержала трудную борьбу.

Объ этомъ времени изъ жизни Банзарова коротенькую замѣтку, написанную синологомъ В. П. Васильевымъ, находимъ въ 23 выпускѣ «Критико-біограф. словаря» г. Венгерова.

«Я уже второй годъ учился въ казанскомъ университетѣ монгольскому языку, пишетъ В. П. Васильевъ, когда зимой 1834 г. привезли изъ Забайкалья четырехъ бурятскихъ мальчиковъ въ первую гимназію. Съ ними пріѣхалъ въ качествѣ практическаго преподавателя монгольскаго языка лама (собственно гецуль) Никитуевъ; потому меня вмѣстѣ съ другимъ студентомъ (Сергѣемъ Протопоповымъ) перевели жить въ гимназію для практики въ монгольскомъ языкѣ. Наша комната была подъ Никитуевской, мальчики приходили къ нему въ свободное отъ уроковъ время и, разумѣется, я зналъ ихъ всѣхъ. Одинъ, казавшійся тупымъ, скоро умеръ; другой, болѣе симпатичный (Цокто) и не уступавшій Дордже (по мнѣнію г. Васильева такъ слѣдуетъ писать это имя) въ ученіи, тоже не выдержалъ; остались Будаевъ и Банзаровъ. Первый смотрѣлъ дикаремъ, но съ товарищескими наклоностями; послѣ моего отъѣзда уже онъ былъ отданъ въ солдаты за дѣло съ инспекторомъ гимназіи Скорняковымъ. Дордже Банзаровъ казался всѣхъ моложе, сухощавымъ, но крѣпко сложеннымъ; учился отлично, наряду съ лучшими учениками изъ русскихъ. Когда я уѣзжалъ въ Китай, онъ былъ, кажется, въ 5-мъ классѣ» (стр. 88).

Блестящія способности Банзарова скоро обратили на себя вниманіе учителей и онъ, пробывъ въ гимназіи 6 лѣтъ, съ успѣхомъ и отличіемъ окончилъ полный гимназическій курсъ и поступилъ въ 1842 году въ Казанскій университетъ. О поступленіи юнаго монгола-буддиста студентомъ въ университетъ, какъ о замѣчательномъ и выдающемся явленіи, графъ Уваровъ довелъ до свѣдѣнія Государя, и отецъ Банзарова, за успѣхи своего сына, совершенно неожиданно былъ удостоенъ Высочайшаго

1) Журн. Мин. Нар. Пр., 1836, т. X, стр. LXX.

2) «Биликту-лама» — почетное званіе, даваемое въ буддійскихъ монастыряхъ.

3) «Дацанъ» — буддійскій монастырь.

4) Сообщ. г. Лумбунова.

вниманія. Вотъ подлинныя слова всеподданнѣйшаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1842 годъ: «Принятый въ 1835 году въ первую Казанскую гимназію на казенное содержаніе, пзъ «забайкальскихъ бурятъ», Дорджи Банзаровъ, окончилъ въ семь заведеній курсъ ученія съ отличіемъ и по желанію поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ университетъ. Я имѣлъ счастье доводить до Высочайшаго свѣдѣнія о семь первомъ еще у насъ явленіи, свидѣтельствующемъ, что основательное просвѣщеніе можетъ быть принадлежностью и полудикихъ сыновъ степенъ монгольскихъ. Ваше Императорское Величество, благосклонно принявъ представленіе мое, изволили удостоить Всемилостивѣйшаго вниманія отца студента Банзарова, и столь лестное поощреніе, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть благотворное вліяніе на его соплеменниковъ»¹⁾.

Поступивъ въ университетъ, Банзаровъ продолжалъ ревностно заниматься изученіемъ восточныхъ языковъ.

Къ сожалѣнію, объ университетской жизни Банзарова мало сохранилось свѣдѣній.

Извѣстно только, что онъ кромѣ обязательныхъ занятій находилъ возможность удѣлять время переводамъ нѣкоторыхъ монгольскихъ надписей, а также много помогать покойному А. А. Бобровникову въ составленіи его монголо-калмыцкой грамматики. Сидя по бурятски на полу и попивая «карымскій» чай, — сообщаетъ намъ въ письмѣ М. В. Загоскинъ — они читали «Гысыра» и другія монгольскія сочиненія, и Бобровниковъ выпытывалъ у Банзарова тайны монгольскаго языка. Плодомъ этихъ занятій и была образцовая грамматика, за которую Бобровниковъ получилъ демидовскую премію и магистерскій дипломъ.

Въ этотъ же періодъ университетской жизни Банзаровъ перевелъ на монгольскій языкъ съ французскаго перевода «Странствованія китайскаго буддиста IV вѣка, по имени Фа-Сяня», опи-

1) См. Журн. Мин. Народн. Просв., 1843 г., т. XXXVIII, отд. I, стр. 53.

савшаго состояніе буддійскихъ государствъ Верхней Азіи. Незвѣстно, отослалъ ли онъ этотъ трудъ свой къ землякамъ, которымъ хотѣлъ показать имъ, что и въ странѣ «герсовъ» (противниковъ Будды) онъ не оставилъ «ученія» Будды и все также уповаетъ на «три сокровища» душеспасенія, при помощи которыхъ буддисты думаютъ спастись, т. е. слиться съ верховнымъ началомъ. Въ университетѣ же онъ написалъ на монгольскомъ языкѣ для своихъ одноплеменниковъ «Всеобщую географію» и «Грамматику монгольскую» (рукописи эти находились у профессора О. М. Ковалевскаго¹⁾).

Университетъ Банзаровъ кончилъ съ кандидатскимъ дипломомъ и былъ назначенъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ одной изъ казанскихъ гимназій. Диссертация, написанная имъ въ 1846 году на полученіе ученой степени кандидата, обратила на себя большое вниманіе и возбудила въ русскомъ ученомъ мірѣ всеобщій интересъ, показавъ въ авторѣ ся, — говоритъ Савельевъ, — почти еще юношѣ, только-что оставившемъ университетскую скамью, замѣчательную начитанность, зрѣлый и трезвый умъ и свѣтлый философскій взглядъ на вещи. Сочиненіе это называется «*Черная спра или шаманство у монголовъ*» и до сихъ поръ представляетъ одно изъ лучшихъ сочиненій о сибирскомъ шаманствѣ. Главное положеніе статьи Банзарова заключалось въ томъ, что шаманство могло возникнуть самостоятельно, а не произошло отъ буддизма или Зороастрова ученія, какъ думали нѣкоторые ученые, а нѣкоторые думаютъ и теперь. «Нѣтъ пужды, говоритъ Банзаровъ, отыскивать такъ далеко начало шаманства, стараться выводить его изъ религіозныхъ системъ вовсе ему

1) Изъ писемъ Дорджи Банзарова». П. Савельевъ (Тр. Археол. Общ., т. III, 1856 г.). Рукописи извѣстнаго монголиста О. Ковалевскаго погибли во время польскаго возстанія 60-хъ годовъ. Ковалевскій жилъ въ Варшавѣ въ томъ самомъ домѣ Замоискаго на улицѣ Новый Свѣтъ, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ по намѣстнику. По распоряженію варшавскихъ властей все имущество обитателей дома было вынесено на мостовую и сожжено. Ковалевскій не присутствовалъ при разгромѣ дома, а когда услышалъ о событіи и бросился къ намѣстнику съ просьбой о спасеніи рукописей, было уже поздно. Рукописи сгорѣли; въ томъ числѣ сгорѣли вѣроятно и рукописи Банзарова.

чуждыхъ». Черная вѣра монголовъ сложилась, какъ и другія древнія первоначальныя религіи, изъ наблюденій надъ природой и явленіями духа человѣческаго, и есть результатъ взаимодѣйствія этихъ силъ; она сама собою могла возникнуть въ народѣ. Банзаровъ не пытается поддержать своего положенія опроверженіемъ мнѣній тѣхъ ученыхъ, которые въ шаманствѣ видѣли отголоски болѣе сложныхъ религіозныхъ системъ Азіи, онъ ограничился только тѣмъ, что обратился къ здравому смыслу читателя, — зачѣмъ искать вліяній китайскихъ, индійскихъ или иранскихъ, когда дѣло можетъ быть объяснено проще, самостоятельностью монгольскаго народа? До тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано научнымъ образомъ, что шаманскій обрядъ и вѣрованія шаманистовъ есть обрывки китайской или иранской религіи, мнѣніе Банзарова будетъ единственнымъ, которое можно допустить. На сколько намъ извѣстно, никто не пытался доказывать подобное послѣ диссертациі Банзарова.

Матеріалъ, которымъ располагалъ Банзаровъ при составленіи этой диссертациі, былъ не великъ; онъ состоялъ въ личныхъ воспоминаніяхъ, въ разсказахъ Никитчуева и Гомбоева, природныхъ бурятъ, бывшихъ лекторами при Казанскомъ университетѣ, въ нѣкоторыхъ монгольскихъ рукописяхъ, и въ свидѣльствахъ древнихъ и новыхъ европейскихъ путешественниковъ. Личныя воспоминанія Банзарова не могли обогатить его сочиненіе, потому что онъ оставилъ родину 13-ти лѣтъ; рукописи, которыя поименованы имъ въ началѣ статьи, не значительны по величинѣ и содержанію; свидѣльства путешественниковъ отрывочны. Изъ такого отрывочнаго и весьма разрозненнаго матеріала Банзаровъ составилъ свою диссертацию, которая, по словамъ синолога В. П. Васильева, была замѣчательна для своего времени. Савельевъ, біографъ Банзарова, изложилъ выводы Банзарова, заключаетъ свой отзывъ такими словами:

«Такъ вѣрно, свѣтло и философически понималъ свой предметъ юный кандидатъ, только-что оставившій университетскую скамью, а десять лѣтъ тому назадъ — дитя природы, росшій

среди стадъ родимыхъ степей! Какая разница между этимъ разумнымъ воззрѣніемъ на шаманство и взглядомъ покойнаго отца Такинѣа, который довольствовался извлеченіемъ изъ манджурскаго устава описанія обрядовъ и штатовъ китайскихъ шамановъ¹⁾. Можно подумать, что два писателя о шаманствѣ имѣли въ виду различную публику, и одинъ писалъ для Европы, а другой для Пекина, и при томъ монголь смотрѣлъ какъ европеецъ, а европеецъ — какъ монголь»²⁾.

Диссертациія Банзарова не совсѣмъ утратила значеніе и для нашего времени, какъ по фактическому своему содержанію, исключительно только въ ней находящемуся, такъ и по общему взгляду сочинителя на предметъ³⁾. Главное положеніе Банзарова, что нѣтъ никакой надобности выдавать шаманство за искаженіе культа высшаго порядка, напримѣръ буддизма, остается и до сихъ поръ въ силѣ; шаманство объяснимо, какъ творчество народа, стоящаго на ступени, близкой къ первобытному состоянію; эта простѣйшая форма вѣрованія могла возникнуть самостоятельно и у монголовъ и у китайцевъ и у тунгусовъ; поэтому нѣтъ тоже надобности почитать его заимствованіемъ у китайцевъ; китайское шаманство очень древне, но и сибирское шаманство отнюдь не новѣе китайскаго, хотя о немъ и нѣтъ такихъ древнихъ лѣтописныхъ указаній, какъ о китайскомъ.

Когда Банзаровъ окончилъ университетскій курсъ — въ немъ азіатскаго оставалась только одна наружность, имѣвшая чисто-

1) См. «Китай, его жители и пр.». СПб. 1840 г. стр. 314—328.

2) «О жизни и трудахъ Дорджи-Банзарова». П. Савельева. СПб. 1855 г.

3) Послѣ диссертациі Банзарова явились общія обозрѣнія шаманства въ книгѣ финляндскаго ученаго Кастрена *Vorlesungen über die finnische Mythologie*, St. Petersburg, 1853, въ статьѣ Шашкова «Шаманство въ Сибири», напечатанной въ *Запискахъ Географ. Общ.*, 1864, № 2, и въ одной главѣ книги В. В. Радлова «*Aus Sibirien*», Leipzig, 1885, озаглавленной: «*Das Schamanenthum und sein Kultus*». Сырые матеріалы о сибирскомъ шаманствѣ вообще и о монголо-бурятскомъ въ частности къ настоящему времени накопились порядочные. Шаманству у бурятъ посвящены статьи: Агапитова и Хангалова, «Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири» въ *Изв. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ.*, 1883, т. XIV, № 1—2 и Хангалова, «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ», *Записки того же Отдѣла по Этногр.*, т. II, в. 1.

монгольскій типъ съ его характерными выдавшимися скулами и темнымъ цвѣтомъ лица; во всемъ остальномъ онъ былъ вполне по-европейски образованный и развитый человѣкъ, стоявшій во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ требованіями времени. Онъ зналъ, кромѣ монгольскаго и манджурскаго языковъ, русскій, какъ второй природный, и свободно понималъ французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій языки; кромѣ того онъ былъ знакомъ съ турецкими языками, которыми намѣревался усленно заняться, желая сравнить ихъ съ монгольскимъ. Помимо этого ему не чужды были, благодаря его необыкновенной даровитости и любознательности, самые утопченные вопросы и требованія науки и идеи, интересовавшія тогда европейское общество.

Въ концѣ 1847 года онъ пріѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ хлопотать объ освобожденіи изъ казачьяго сословія. Онъ по своему рожденію принадлежалъ къ той части бурятскаго народа, которая зачислена въ составъ Забайкальскихъ казаковъ. По казачьему положенію Банзарову предстояло вернуться въ Забайкалье и прослужить двадцать пять лѣтъ въ казачьей службѣ. Дарованіе и счастливое начало ученой карьеры давали право Банзарову надѣяться на исключеніе его изъ казачьяго сословія; по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ представленъ императору Николаю Павловичу, но такъ какъ исключеніе Банзарова изъ казаковъ было бы изъятіемъ изъ закона, Сенатъ затруднился это сдѣлать, хотя и соглашался освободить Банзарова отъ обязанности нести двадцатипятилѣтнюю службу; рѣшеніе дѣла было перенесено въ Государственный Совѣтъ.

Ожиданіе этого рѣшенія задержало Банзарова въ Петербургѣ, такъ что онъ здѣсь прожилъ полгода (съ конца 1847 года по іюнь 1848 года). Пребываніе въ столицѣ могло имѣть только благотворное значеніе для него; здѣсь онъ былъ возлѣ такого книжнаго богатства, какого нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Россіи нѣтъ; знакомый уже со всѣми казанскими ориенталистами, здѣсь

онъ могъ встрѣтиться и съ столичной группой русскихъ ориенталистовъ. Этими двумя группами исчерпывался тогда весь мірокъ русскихъ дѣятелей въ ориентальной наукѣ.

Въ Петербургѣ Банзаровъ занимался, главнымъ образомъ, изученіемъ монгольскихъ и манджурскихъ книгъ и рукописей, хранящихся въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ и въ Публичной бібліотекѣ. Проведя утро въ одномъ изъ этихъ мѣстъ, онъ шелъ обѣдать куда-нибудь въ гостиницу, а послѣ обѣда уходилъ домой (онъ снималъ квартиру у портного въ Столярномъ переулкѣ) и здѣсь съ трубкою во рту обрабатывалъ и соображалъ сдѣланныя имъ выписки. Вскорѣ, благодаря своему общительному характеру, онъ перезнакомился съ петербургскими ориенталистами и даже подружился съ многими изъ нихъ, что принесло не малую пользу, благодаря взаимному обмѣну мыслей, какъ ему самому, такъ и его знакомымъ, охотно признававшимъ авторитетъ Банзарова въ дѣлѣ его специальности. Однимъ словомъ, этотъ оригинальный человѣкъ, монголь съ европейской ученостью, какъ выражается Савельевъ, сдѣлался «львомъ» общества ориенталистовъ. В. В. Григорьевъ, редактировавшій тогда «Извѣстія Географическаго Общества», посвятилъ ему цѣлую страницу въ своемъ изданіи. «Въ то время, какъ въ Германіи восхищаются такъ негритянскимъ *джентльменомъ*,¹⁾ — писалъ Григорьевъ — здѣсь въ Петербургѣ находится монгольскій «селертергъ» въ полномъ значеніи этого слова. Это г. Дорджи Банзаровъ, монголо-бурятъ, буддистскаго вѣроисповѣданія. Онъ привезенъ былъ въ Казань съ нѣсколькими такими же монголенками, лѣтъ двѣнадцати отъ роду, чтобы учиться въ тамошней гимназіи, гдѣ, окончивъ курсъ ученія, перешелъ въ казанскій университетъ по отдѣленію восточныхъ языковъ и тутъ въ 1846 г. получилъ степень кандидата, написавъ весьма примѣчательную диссертацию «О черной вѣрѣ монголовъ». Физиогномія этого молодого ученаго

1) Дѣло идетъ о молодомъ негрѣ Аквасси Боахи, ашантійскомъ принцѣ, получившемъ блестящее европейское образованіе и выѣхавшемъ въ Европу изучать горныя науки.

слишкомъ явственно изобличаетъ происхождение его отъ одной кости съ Чингисомъ и Батыемъ; но по складу, какой получилъ его умъ чрезъ воспитаніе, онъ могъ бы надѣтъ съ честью докторскій колпакъ въ любомъ европейскомъ университетѣ». Г. Бётлингъ сообщилъ о немъ извѣстіе для иностранныхъ читателей въ бюллетенѣ Академіи Наукъ. «Наставники и друзья его, писалъ Бётлингъ, возлагаютъ на него большія надежды и ожидаютъ отъ него со временемъ важныхъ открытій»¹⁾.

Дѣло Банзарова въ государственномъ совѣтѣ было рѣшено въ положительномъ для него смыслѣ, т. е. онъ былъ уволенъ изъ сословія казаковъ и опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, съ переименованіемъ въ чинъ коллежскаго секретаря. Но требовалось еще утвержденіе государя, что могло случиться не ранѣе, какъ чрезъ четыре мѣсяца.

Поэтому Банзаровъ рѣшилъ ѣхать въ Казань и тамъ дожидаться конца своего дѣла, а потомъ отправиться на родину, въ Сибирь. Археологическое Общество, узнавъ объ отъѣздѣ Банзарова и желая, чтобы пребываніе ученаго монгола въ Сибири послужило на пользу науки, и для того, чтобы, по возможности, облегчить Банзарову доступъ къ изученію оставшихся древнихъ памятниковъ, еще никѣмъ достаточно не объясненныхъ, поручило Банзарова, какъ своего корреспондента, вниманію генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, который отвѣтилъ, что охотно исполнить желаніе Общества и предоставить Банзарову возможность посѣщать мѣста, любопытныя для археологическихъ изслѣдованій.

Это было время перваго разцвѣта русской ориенталистики. Разомъ тогда выступилъ рядъ именъ, составившихъ впоследствии ея славу: Григорьевъ, Савельевъ, Сенковскій, Ковалевскій и др. Когда перелистываешь хронику того давно промелькнувшаго времени, оно представляется очень дѣятельнымъ, кипучимъ.

1) Seine Lehrer und Freunde setzen in ihn ein grosses Vertrauen und erwarten mit der Zeit etwas Tüchtiges von ihm.

чимъ. Можетъ быть тутъ есть преувеличеніе вслѣдствіе исторической перспективы, обыкновенно сгущающей краски, но несомнѣнно, въ сравненіи съ предыдущимъ это было живое время для русскихъ ориенталистовъ. Нашествіе монголовъ на двѣсти лѣтъ связало нѣкогда судьбу нашего народа съ судьбами востока и потому ближайшей задачей перваго поколѣнія русскихъ ориенталистовъ было обогатить русскую исторію пособіями изъ восточныхъ источниковъ; Тохтамышевы ярлыки, монеты, битвы въ Сараѣ, исторія Золотой Орды и завоеваній Чингисъ-хана сдѣлались предметомъ живѣйшаго изученія, которое время отъ времени оживлялось горячей полемикой, переносившейся иногда изъ ученыхъ журналовъ въ литературные. И вотъ въ это-то время, когда мы заинтересовались востокомъ изъ патріотическихъ побужденій, является въ Петербургѣ монголъ Дорджи Банзаровъ. Понятно, что его встрѣтили, какъ желанное явленіе; въ особенности ему обрадовался горячій ревнитель русскаго востоковѣдѣнія Савельевъ¹⁾.

Кружокъ русскихъ ориенталистовъ, въ который попалъ Банзаровъ въ Петербургѣ, тотчасъ же повлекъ его въ полемику, которую онъ велъ съ нѣмцемъ Шмидтомъ, академикомъ-монголистомъ, и которая только что затихла вслѣдствіе смерти Шмидта. Противники еще стояли надъ свѣжей могилой академика съ непопущенными коньями, когда пріѣхалъ Банзаровъ. Споръ шелъ о томъ, какимъ письмомъ была написана надпись на серебряной дощечкѣ (пай-цзы), найденной въ Сибири. Григорьевъ говорилъ, что это особое тангутское письмо; Шмидтъ оспаривалъ его мнѣніе и признавалъ его за такъ называемое квадратное. Банзаровъ

¹⁾ Григорьевъ въ своей биографіи Савельева говоритъ о послѣднемъ: «Надо было видѣть, какъ привязался онъ къ Банзарову, когда открылъ неожиданно въ этомъ бурятѣ душу и образованіе нѣмецкаго геллертера!» (Жизнь и труды П. С. Савельева, Спб., 1861, стр. 138). Нѣсколько ниже онъ прибавляетъ: «Воображаю, въ какой-бы восторгъ пришелъ Савельевъ, если бы дожидъ до свиданія съ султаномъ Чоканомъ Валихановымъ!» Въ настоящее время не безполезно процитировать эти мѣста, показывающія, какъ люди относились къ инородцамъ въ то болѣе мирное время, когда національные инстинкты еще не были доведены до ослабленія.

примкнулъ къ мнѣнію Григорьева; кромѣ того, къ удовольствію русской партіи, Банзаровъ нашелъ Шмидта не правымъ и въ томъ, что онъ оспаривалъ правильность перевода надписи, сдѣланнаго о. Аввакумомъ.

Банзаровъ имѣлъ еще и другой случай выказать свои преимущества надъ академикомъ; въ Забайкальи была найдена лапидарная надпись, которая теперь извѣстна подъ именемъ «надписи Чингисхана». Исторія переводовъ этой надписи, изложенная въ свое время Савельевымъ, перепечатана нами ниже (стр. 102—105). Въ какой мѣрѣ этотъ походъ противъ академика съ намѣреніемъ, какъ выражается Банзаровъ въ одномъ своемъ письмѣ, посрамить кости нѣмца, былъ чистъ отъ узко-патріотическихъ тенденцій, судить не беремъ, но несомнѣнно, что Банзаровъ смотрѣлъ на свою задачу серьезно, и велъ нападеніе на нѣмца не изъ угодничества къ русскому кружку, который кажется обижался, что академическое кресло занималъ «сарептскій толмачъ». Онъ видѣлъ тутъ не больше, какъ прекрасный случай выказать свои знанія въ языкѣ и смѣтливость.

Привести въ окончательный видъ это изслѣдованіе во время пребыванія въ столицѣ Банзаровъ не успѣлъ; онъ здѣсь только собралъ всѣ необходимыя для будущей статьи матеріалы; онъ проводилъ, рассказываетъ Савельевъ, цѣлые дни у камня, копируя надпись въ подлинную ея величину, черта въ черту, на прозрачной бумагѣ; сдѣлавъ вѣрный снимокъ, онъ принялся за ея чтеніе и переводъ. «Филологическія трудности не разъ останавливали его и приводили въ отчаяніе, но наконецъ онъ добился вполне отчетливаго чтенія и смысла надписи. Съ торжествующимъ лицомъ триумфатора забѣжалъ онъ къ своимъ пріятелямъ, чтобы сообщить имъ свое *сериаль*» Запасшись касающимися выписками изъ литературы, онъ весь этотъ матеріалъ увезъ потомъ съ собою изъ Петербурга и готовую статью выслалъ только уже изъ Сибири.

Въ Петербургѣ ему пришла также мысль приготовить къ изданію текстъ монгольской лѣтописи Алтанъ-тобчи и переводъ

ея съ критическими примѣчаніями¹⁾, но для этого въ Петербургѣ онъ не имѣлъ достаточно времени. Кромѣ подготовительныхъ работъ къ занятію исторіей Монголіи, состоявшихъ въ чтеніи и дѣланіи выписокъ, Банзаровъ былъ занятъ по порученію Академіи Наукъ составленіемъ каталога манджурскихъ книгъ и лѣтописей, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ. Всего было рассмотрѣно Банзаровымъ болѣе ста сочиненій.

Вообще это время было лучшею порою жизни Банзарова. И послѣ онъ часто вспоминалъ о немъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, особенно о томъ кружкѣ, въ которомъ онъ бывалъ. Въ Петербургѣ Банзаровъ провелъ самый дѣятельный, плодотворный и интересный періодъ своей жизни; занимаясь въ библіотекахъ и музеяхъ, онъ открывалъ новые факты для науки, дѣлился своими открытіями съ авторитетами и находилъ въ нихъ достойную оцѣнку. Особенно доставляли ему удовольствіе, вѣроятно, петербургскія библіотеки, которыя должны были показаться ему книжнымъ моремъ сравнительно съ Казанью, гдѣ онъ не могъ достать исторію Д'Оссона, хотя Казань тогда была центромъ нашего востоковѣдѣнія. Впрочемъ въ его письмахъ изъ Петербурга онъ не обнаружилъ восхищенія отъ этого города; за то въ письмахъ, писанныхъ изъ Казани, встрѣчаются сожалѣнія о столицѣ и столичномъ кружкѣ знакомыхъ. Въ письмахъ изъ Петербурга онъ только съ оригинальнымъ юморомъ, прикинувшись правомыслящимъ буддистомъ, подшучиваетъ надъ столпцей, жители которой все отрасли шимнусовъ, безстыдно пишущіе на стѣнахъ о томъ, кто что дѣлаетъ; одинъ хвалится, что онъ «убиваетъ быковъ» и т. д., словомъ «сюда, кажется, еще не проникло ученіе Будды».

Въ августѣ 1848 года Банзаровъ былъ уже опять въ Казани. Въ ожиданіи полученія мѣста въ Восточной Сибири онъ готовился къ будущей своей службѣ; онъ былъ прикомандированъ къ штату губернаторскихъ чиновниковъ въ Казани, учился

1) Рукопись эта была впоследствии переведена Гомбосвымъ и напечатана въ Трудахъ Восточн. Отдѣл. Археолог. Общества, ч. VI.

писать доклады, даже разъѣзжалъ съ ними по дѣламъ по губерніи. Это отнимало у него много времени, тѣмъ не менѣе, въ короткій срокъ пребыванія въ Казани до отъѣзда въ Сибирь, онъ успѣлъ написать нѣсколько статей. Для Археологическаго Общества имъ были написаны двѣ статьи, одна о най-цзы, найденной въ Екатеринбургской губерніи, другая о монгольскихъ названіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ вооруженій. Въ это время въ Казани ориенталистъ И. И. Березинъ издалъ татарскую лѣтопись Шейбани-намѣ, порусски названную Шейбаниадой. Банзаровъ далъ для этого изданія нѣсколько мелкихъ замѣтокъ: о происхожденіи именъ Монголь, Уйгуръ и Ойратъ, о имени Чингисъ-ханъ и о легендарной мѣстности Эргэнэ-хонъ, изъ которой будто бы вышелъ монгольскій народъ.

Въ 1849 году Банзаровъ уѣхалъ на родину. По пріѣздѣ въ Сибирь, онъ прежде всего отправился въ долину Джиды повидаться съ матерью и родными послѣ пятнадцатилѣтней разлуки и провелъ съ ними цѣлый годъ. Затѣмъ онъ по разнымъ порученіямъ начальства жилъ въ Читѣ и Кяхтѣ, и только два года спусти по пріѣздѣ въ Сибирь онъ переселился въ Иркутскъ¹⁾. Исполняя порученія начальства, ему приходилось разъѣзжать по улусамъ и заживаться въ нихъ. Эти поѣздки по улусамъ, по отзыву знавшихъ Банзарова въ Сибири, сгубили его. Заѣхавши въ улусъ, Банзаровъ превращался въ старосвѣтскаго бурята, одѣвался побурятски, пилъ кумысъ или тарасунъ и забывалъ о службѣ. Бывало, что за нимъ посылали особаго чиновника, который и привозилъ Банзарова съ собою²⁾.

1) Банзаровъ въ Иркутскѣ жилъ и умеръ въ домѣ казачьяго урядника Бутакова, который находился въ Любарскомъ переулкѣ между Граматинской и Ланинской улицами и въ пожаръ 1879 года сгорѣлъ. На этомъ мѣстѣ въ настоящее время находится домъ финляндскаго уроженца Павл. Як. Васильева. *Сообщ. г. Гантимуровымъ.*

2) Былъ слухъ,—сообщилъ намъ одинъ современникъ Банзарова,—что ламы нарочно спаивали его, такъ какъ онъ относился къ нимъ, если не враждебно, то проницески; онъ мягче относился къ шаманству, чѣмъ къ буддизму. Въ веселыя минуты онъ даже любилъ изображать изъ себя шамана и не рѣдко доходилъ до экстаза.

Поѣздки по улусамъ съ ихъ попойками послужили причиною тому, что Банзаровъ сталъ понемногу забрасывать научныя занятія и университетскаго Банзарова трудно было узнать въ чиновникѣ Банзаровѣ.

Къ казанскимъ и петербургскимъ друзьямъ своимъ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, проведенныхъ въ Сибири, онъ едва написалъ нѣсколько коротенькихъ писемъ, не смотря на ихъ запросы и побужденія. Когда учредился въ Иркутскѣ Сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, его въ первое же собраніе избрали въ члены-сотрудники (1 декабря 1851 года), но рѣдко видѣли его въ засѣданіяхъ Отдѣла; онъ присутствовалъ только тогда, когда кто-нибудь за нимъ заѣзжалъ и насильно тащилъ съ собою въ засѣданіе¹⁾. Въ протоколахъ Отдѣла имя Банзарова явилось только дважды, по случаю представленія имъ отзыва объ одной статьѣ и перевода съ монгольскаго *Путешествія Зая-Хамбы въ Тибетъ*.

Въ Иркутскѣ Банзаровъ докончилъ свою статью: «О монгольской надписи съ племенемъ Чингисъ-хана», по вѣроятію это былъ трудъ первыхъ лѣтъ его пребыванія въ Иркутскѣ. Потомъ онъ сталъ лѣниться и ничего не писалъ. Но едва-ли онъ совершенно забросилъ думать объ ученыхъ вопросахъ.

Не задолго до смерти онъ сказалъ Сельскому, правителю дѣлъ Отдѣла Геогр. Общества: «Знаете ли, я удивлю васъ! Я докажу вамъ ясно, что предки Чингисъ-хана жили у насъ—гдѣ бы вы думали? въ Баргузинской степи». Эта фраза показываетъ, что онъ во время бурятскихъ пооекъ въ баргузинской степи успѣвалъ собирать народныя легенды, или продолжалъ перечитывать и обдумывать выписки, сдѣланныя въ петербургскихъ библіотекахъ.

Не участвуя непосредственно въ трудахъ Отдѣла, говорить Савельевъ, по своей начитанности Банзаровъ все-таки былъ полезенъ многимъ изъ своихъ сочленовъ сообщеніемъ имъ той или

1) Сообщено было Савельеву правителемъ дѣлъ Отдѣла Ю. И. Штубендорфомъ.

другой мысли о древностяхъ и топографіи южной Сибири и такому изустно выраженному мнѣнію Банзарова наука обязана открытіемъ мѣста рожденія Чингисъ-хана въ предѣлахъ Россіи. Членъ-сотрудникъ Отдѣла Юренскій, отправляясь въ поѣздку по нерчинской Дауріи, обратился за совѣтомъ къ Банзарову, который и направилъ его на мѣстность, гдѣ должно отыскивать мѣсто-рожденіе великаго монгольскаго завоевателя. Мѣсто рожденія Чингисъ-хана у лучшаго историка монгольскихъ родовъ и династій Рашидъ-Эддина названо *Дилмонъ-Булдакъ*¹⁾; такъ же и у Хондемира²⁾. У Сананъ-сэцэна *Демилмонъ-Булдокъ*³⁾. Имя это по нынѣшнему монгольскому произношенію *Дэмонъ-Болдокъ*, значитъ «Селезенка-холмъ». У Абуль-гази оно искажено въ *Белмонъ-Юлдукъ*⁴⁾ и *Бекунъ-Ялдукъ*⁵⁾; у китайцевъ *Тьливынь* (Дэлигюнъ)-*Панъто* (Болдокъ)⁶⁾. По соображеніямъ Банзарова эту мѣстность слѣдовало искать не вдалекѣ отъ такъ называемаго помонгольски «Большаго острова» (Экѣ-аралъ). Юренскій, осмотрѣвъ наши пограничные караулы и объѣхавъ побережье рѣки Онона, дѣйствительно нашелъ мѣстность, доселѣ сохраняющую названіе *Демонъ-Болдокъ*; она находится на правомъ берегу Онона въ семи верстахъ отъ Экѣ-арала или Большаго острова, выше по теченію рѣки въ трехъ верстахъ отъ Кочуевского караула. Осмотрѣвъ эту мѣстность, путешественникъ сдѣлалъ ея топографическое описаніе и передалъ его Банзарову, который составилъ особую записку о мѣстѣ рожденія завоевателя. Записка эта была передана о. Аввакуму, но куда дѣвалась, неизвѣстно.

1) دیلون بولداق.

2) Григорьева, «Истор. Монгол.», стр. 13. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Хондемира неправильно *دیلون بولداق* *Дилмонъ-Ялдакъ* (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, т. XLIV, отд. II, стр. 36).

3) *Ssanang-Ssetsen*, ed. Schmidt, p. 379.

4) *Bloun-Youldouk*, *Блунъ-Юлдукъ*, по старинному французскому и русскому переводамъ Абульгази.

5) *بكون بولدوق* по печатному казанскому изданію текста, стр. ۴۱.

6) Такинава, «Исторія четырехъ хановъ», стр. 38.

Когда Банзаровъ умеръ, перемѣну, происшедшую въ немъ, старались объяснить или просто пьянствомъ, которымъ онъ долженъ былъ кончить неизбежно, такъ какъ это, утверждали, порокъ его родного племени, или находили въ его концѣ сходство съ судьбою африканскихъ или американскихъ дикарей, которые, получивъ европейское образованіе, съ годами, особенно столкнувшись вновь съ своими единоплеменниками, совершенно теряли вкусъ къ цивилизованной жизни и обращались къ образу жизни своихъ предковъ.

Первое мнѣніе, конечно, несправедливо. Бурятскій народъ не болѣе зараженъ пьянствомъ, чѣмъ и русскій. Спиритологъ В. П. Васильевъ, въ своей замѣткѣ, написанной для «Словаря» г. Венгерова, также отвергаетъ это мнѣніе. «Пьянство въ то время, говоритъ онъ, было развито и въ гимназіяхъ и въ университетахъ». Видно уже и изъ писемъ Банзарова, что попойки бывали уже и въ Казани, и уже тогда мѣшали ученымъ занятіямъ. Кромѣ того мы имѣемъ другой примѣръ ученаго, спившагося въ Иркутскѣ—это Щаповъ, который не принадлежалъ къ бурятскому племени или, по крайней мѣрѣ, родился и выросъ въ русской семьѣ.

Савельевъ въ своей біографіи объясняетъ эту перемѣну такимъ образомъ: «Банзаровъ отъ природы былъ добръ до безхарактерности и мягокъ до слабости. Въ обществѣ ученыхъ, въ Казани и Петербургѣ, онъ былъ ученый, преданный своему дѣлу, и по идеямъ космополитъ съ монгольской фізіогноміей. Въ Иркутскѣ, ни съ кѣмъ еще не знакомый, не встрѣчая, можетъ быть, того сочувствія, которое составляетъ необходимую поддержку личностей слабыхъ, онъ сталъ дичать; браться лишь съ грязными бурятами, къ которымъ влекло его чувство національности; чуждаться всякаго общества и знакомства. Любопытно было бы, въ психологическомъ отношеніи, прослѣдить этотъ обратный ходъ изъ европейца въ бурята... Оставленный въ европейской средѣ, нашъ бурятъ окончательно перешелъ бы въ европейца; образованіе вошло бы въ кровь и плоть. Вступивъ

же въ соприкосновеніи съ людьми полудикими, но родными ему по лицу, по языку, по вѣрѣ, по преданіямъ, дорогими по неизгладимымъ воспоминаніямъ дѣтства, Дорджи невольно увлекся чувствами. Къ понятному сочувствію къ своимъ родичамъ примѣшивалось, конечно, и сознаніе собственнаго достоинства и чувства самолюбія, потому что соплеменники смотрѣли на него, какъ на чудо, уважали и чтили его, не смотря на его европейскую одежду и стриженую голову безъ косы».

Часть правды есть въ словахъ Савельева, когда онъ говоритъ о возвращеніи Банзарова къ чувствамъ дѣтства, прошедшаго въ кочевой обстановкѣ. Если иногда встрѣчаются цивилизованные люди, привыкшіе съ дѣтства къ городской жизни, которымъ однако правится кочевая обстановка и они находятъ полной поэзіи жизнь въ юртѣ, когда въ открытыя двери видна степь съ бродящимъ скотомъ и далью, упирающеюся въ отдаленныя горы, когда за тонкой стѣнкой юрты журчитъ по мелкимъ камнямъ горный ручеекъ, совсѣмъ спрятавшійся въ густой и высокой заросли, и ароматы стѣнныхъ травъ свободно вливаются черезъ рѣшетчатыя стѣнки юрты, то для человѣка, проводившаго среди такихъ картинъ свое дѣтство, онѣ должны имѣть тѣмъ большее обаяніе. Европейскіе путешественники часто, странствуя между номадами, переодѣваются въ костюмъ туземцевъ и переходятъ на кочевое положеніе, но отъ этого опрощенія въ костюмѣ и мебели до опрощенія въ ученыхъ потребностяхъ разстояніе еще большее.

Намъ кажется, что Банзаровъ до опрощенія въ послѣднемъ смыслѣ не дошелъ. Онъ просто сплелся, какъ спиваются и русскіе люди. Если онъ сталъ избѣгать общества образованныхъ людей, то не потому, что утратилъ интересъ къ наукѣ и вкусу къ европейской обстановкѣ, а что началъ стыдиться своего порока. Пьяницы бываютъ обыкновенно робки, мнительны и недодимы, потому что теряютъ самоувѣренность. Болѣзнь эта у Банзарова началась еще въ Казани, а въ Иркутскѣ она развилась, потому что мѣстная жизнь этому благоприятствовала.

Русская жизнь имѣетъ другой примѣръ образованнаго чело-

вѣка изъ сибирскихъ инородцевъ—это киргизъ Чоканъ Валихановъ, по которому мы можемъ провѣрить наше мнѣніе. Онъ также былъ отнятъ отъ кочевой жизни, какъ и Банзаровъ; при этомъ надо замѣтить, что образъ жизни у бурятовъ ближе къ осѣдлому, у киргизъ же кочевой характеръ быта чище. И однако у Валиханова не было замѣтно никакого возвращенія къ кочевому мышленію. Онъ былъ менѣе оторванъ отъ степи, каждое лѣто онъ проводилъ въ ней, живя въ юртѣ и одѣваясь киргизомъ, но до послѣдней минуты жизни жилъ интересами европейскаго общества.

Намъ кажется, что кромѣ разницы въ темпераментѣ, въ несходствѣ киргизскаго быта съ бурятскимъ и другихъ подобныхъ причинъ, различная судьба этихъ двухъ инородцевъ въ значительной степени зависѣла отъ ихъ положенія въ русской средѣ. Съ Валихановымъ судьба поступила снисходительнѣе; его привезли десятилѣтнимъ мальчикомъ въ Омскъ и отдали въ кадетскій корпусъ; одинъ изъ преподавателей, К. К. Гутковскій, служившій въ мѣстномъ военномъ штабѣ, человѣкъ очень образованный, сталъ его брать къ себѣ по праздникамъ; впоследствии, когда Валихановъ вышелъ изъ корпуса офицеромъ, гостепримство, которымъ онъ пользовался въ домѣ Гутковскихъ, перешло даже въ родственную любовь. Судьба Валиханова заботила Гутковскихъ, какъ будто это былъ ихъ родной сынъ. Такимъ образомъ у Валиханова было двѣ семьи, одна въ степной юртѣ, другая въ городѣ. Возвращаясь въ городъ изъ степей, онъ находилъ здѣсь друзей, которыхъ интересовали мельчайшія подробности его ученыхъ работъ и жизнь его сердца.

У Банзарова не было такой европейской семьи. Онъ былъ мальчикомъ оторванъ отъ семьи и выращенъ въ далекомъ городѣ, въ 6000 верстахъ отъ родины. Школа конечно дала ему товарищей, но жизнь разлучила его съ ними, такъ какъ онъ долженъ былъ пойти по особой отъ нихъ дорогѣ. Впоследствии онъ приобрѣлъ друзей между ориенталистами, но эти друзья остались въ Петербургѣ и Казани. Приѣхавъ въ Сибирь, онъ нашелъ здѣсь

✓ только одинъ теплый кровъ—это свою степную семью; въ Иркутскѣ же для него была совершенная чужбина. Конечно были тогда въ Иркутскѣ люди образованные, любители ученыхъ занятій, можетъ быть даже интересовавшіеся той самой специальностью, въ которой былъ силенъ Банзаровъ, но онъ не нашелъ себѣ здѣсь такого друга и покровителя, какого Валихановъ имѣлъ въ Гутковскомъ.

Въ Иркутскѣ въ это время основался Отдѣлъ Географическаго Общества, который впоследствии поддержалъ нравственно не одного начинающаго научнаго работника, но всѣ наши провинціальныя ученныя общества и теперь еще не освободились отъ бюрократическаго веденія дѣла, а въ то время Отдѣлъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ особой канцеляріей генераль-губернатора по ученой части. Генераль-губернаторомъ тогда былъ графъ Муравьевъ-Амурскій; это было неизмѣримо лучше, чѣмъ Гасфордъ, который былъ при Валихановѣ въ Омскѣ. Но графъ Муравьевъ думалъ только о государственныхъ интересахъ, интересы мѣстной общественной жизни его заботили очень мало. Все вниманіе было обращено на пріобрѣтеніе Амура; и мѣстное сельское населеніе, и капиталы, и умственные дарованія, и наука, все было направлено на службу Амуру. Въ этой кипучей амурской дѣятельности Банзаровъ былъ не нуженъ и онъ не былъ обласканъ и пристроенъ, какъ слѣдуетъ, а графъ Муравьевъ умѣлъ обласкать, въ комъ нуждался. Еслибъ вмѣсто Муравьева былъ Сперанскій, Банзаровъ нашелъ бы болѣе теплое участіе къ себѣ. И въ этомъ отношеніи для Валиханова обстоятельства сложились выгоднѣе. Гутковскій былъ потомъ назначенъ товарищемъ губернатора, управлявшаго областью сибирскихъ киргизовъ; Валихановъ пригодился ему при составленіи административныхъ проектовъ и новыхъ положеній своимъ знаніемъ степнаго обычнаго права. Банзарову же, кажется, не оказалось другаго дѣла, какъ производить слѣдствія о злоупотребленіяхъ.

✓ Русскіе политическіе кружки, въ которыхъ Валихановъ и Банзаровъ провели свою молодость, то есть тѣ года, когда скла-

дываются общественныя идеи у человѣка, были различны. Политическія убѣжденія Валиханова сложились подъ вліяніемъ петрашевца Дурова и С. Я. Капустина. О казанскомъ кружкѣ, въ которомъ выросъ Банзаровъ, мы мало знаемъ, но полагаемъ, что онъ мало похожъ на друзей Валиханова. Яснѣе для насъ характеръ петербургскихъ друзей Банзарова, Савельева и Григорьева. Они тоже, какъ и друзья Валиханова, увлекались социализмомъ (вѣроятно и Банзаровъ не остался непосвященнымъ въ эту идею), но въ мѣру. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая выписка, которую мы дѣлаемъ изъ біографіи Савельева, составленной Григорьевымъ: «Социализмъ, какъ направленіе, пришелся ему (Савельеву) несравненно болѣе по сердцу, нежели либерализмъ; но въ возможность осуществленія социалистическихъ утопій и въ благо, имѣющее произойти оттого для человѣчества, онъ, какъ человѣкъ знакомый съ исторіей, не вѣрилъ, а проповѣдниковъ социализма, съ которыми имѣлъ случай сходитья довольно часто и близко, не жаловалъ почти столько же, какъ и либераловъ, потому что и тутъ актерства и фанфаронства видѣлъ въ десять разъ болѣе, нежели глубокаго убѣжденія и истиннаго увлеченія»¹⁾. Намъ кажется, была разница въ степени искренности того участія, съ которымъ русскіе друзья относились къ тому и другому инородцу. И это тоже вѣроятно могло отражаться на будущей судьбѣ Банзарова и Валиханова.

Наконецъ Валиханова могло спасти направленіе его работъ.

Валихановъ записывалъ сказки и пѣсни киргизъ съ цѣлью познакомить русское общество съ этими произведеніями народнаго творчества; во времена Банзарова къ этому предмету еще не пробудилось того интереса, который обнаружился къ нему позднѣе; на Банзарова, уѣзжавшаго въ Сибирь, возлагались надежды, что онъ объяснитъ монгольскія древности южной Сибири, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе истребляемыя временемъ, но тутъ, кажется, разумѣлись не устные древности, а lapidaries, и вообще вещественныя. Отправляя Банзарова въ Си-

1) Григорьевъ, Жизнь и труды П. С. Савельева. Спб. 1861, стр. 83—84.

бирь, слѣдовало бы поставить ему въ задачу собраніе устныхъ памятниковъ у бурятъ; это занятіе было бы болѣе исполнимо въ глухой провинціи. Между тѣмъ Банзаровъ былъ приготовленъ къ кабинетнымъ занятіямъ, которыя можно вести только при большихъ книжныхъ средствахъ. Слишкомъ спеціальныя вопросы, надъ которыми любилъ Банзаровъ задумываться, мало кого могли заинтересовать въ Иркутскѣ; въ немъ не было для Банзарова самой крошечной аудиторіи¹⁾.

Хотя нѣкоторые ученые современники Банзарова, какъ напримѣръ Савельевъ, уже тогда объясняли гибель Банзарова тѣмъ, что онъ не нашелъ въ провинціальномъ обществѣ нравственной поддержки, то есть объясняли безжизненнымъ, неподвижнымъ состояніемъ нашего общества, другимъ не мѣшало въ то же время по поводу біографіи «монгола во всеоружіи учености» приходиться въ неоправдываемый патріотическій экстазъ. Такъ одинъ рецензентъ, давая въ «Москвитинѣ» отчетъ о брошюрѣ Савельева, т. е. о написанной имъ біографіи Банзарова²⁾, писалъ: Кромѣ ученаго своего значенія, Банзаровъ замѣчательнъ и тѣмъ, что представляетъ собою живой примѣръ благотѣльного вліянія Россіи на подвластныхъ ей инородцевъ. Это, какъ мы сказали, монголъ во всеоружіи современной учености, благодаря вліянію Россіи. А укажите мнѣ въ Англіи просвѣщенныхъ ею индійцевъ или въ Парижѣ ученыхъ алжирцевъ! Таково ли вліяніе этихъ двухъ державъ на принадлежащихъ имъ инородцевъ? (то есть таково ли, какъ вліяніе Россіи). Заботятся ли онѣ о просвѣщеніи ихъ, толкуя о цивилизаціи?»³⁾.

1) Во время Банзарова въ Иркутскѣ было только два лица, знавшія монгольскій или бурятскій языкъ и занимавшіяся литературой этого племени: Сычевскій и свѣщ. Стуковъ; кромѣ того тогдашній иркутскій епископъ Нилъ также изучалъ монгольскій языкъ, интересовался буддизмомъ и впоследствии написалъ о немъ книгу. Впрочемъ, если сравнить прошлое время съ настоящимъ, то сравненіе выйдетъ не въ пользу послѣдняго. Теперь въ Иркутскѣ тоже только два лица, занимающіяся изученіемъ бурятскаго языка и бурятской жизни: свѣщ. Копыловъ и молодой свѣщ. Подгорбунскій; послѣдній кончилъ курсъ въ Казанск. духовн. академіи.

2) Москвитинишъ, 1855, т. V. (19—20), стр. 164.

3) Въ то самое время, какъ это писалось, или даже немного ранѣе того

Изъ многочисленныхъ сибирскихъ инородческихъ племенъ только два, буряты и киргизы, выставили своихъ представителей въ ряды русскаго образованнаго общества; изъ бурятской среды вышелъ Дорджи Банзаровъ, изъ киргизской Чоканъ Валихановъ. Хотя со смерти одного изъ нихъ прошло уже около 35 лѣтъ, а со смерти другого 25, эти два случая такъ и остались до сей поры исключеніями въ сибирской жизни. Въ настоящее время наберется можетъ быть уже не одинъ десятокъ киргизъ, кончившихъ курсъ въ среднихъ (и даже высшихъ) учебныхъ заведеніяхъ; вѣроятно скоро подобныя же ученники появятся и въ бурятской средѣ. Эти новые факты инородческой жизни имѣютъ большое общественное значеніе, но на русское общество они не производятъ такого яркаго впечатлѣнія, какъ явленія въ родѣ Банзарова и Валиханова, которые хотя и представляются исключеніями, но получаютъ особый смыслъ благодаря своимъ талантамъ. Эти послѣднія явленія указывали русскому обществу на ошибочность мнѣнія, будто племена, изъ которыхъ вышли эти лица, не имѣютъ другой исторической задачи, какъ только населять негодныя для земледѣлія и незаманчивыя для другихъ высшихъ расъ степи и создавать въ нихъ нѣкоторыя жизненные условія, полезныя для международныхъ сношеній, которыя ведутся черезъ эти пустыни. Эти явленія рождали надежду, что роль этихъ племенъ не ограничится такими скромными рамками, что они могутъ выставить впоследствии рядъ людей, которые примутъ участіе въ русскомъ умственномъ движеніи, образуютъ въ немъ своеобразную струю и обогатятъ русскую науку и русскую литературу оригинальными взглядами. Если-бъ Банзаровъ и Валихановъ не умерли такъ рано, они могли бы сдѣлаться

(въ 1854) въ Бенгаліи было основанныхъ англичанами пять коллегій, кромѣ того Sanskrit College и мусульманское медресе; въ сѣверозападныхъ провинціяхъ пять коллегій; въ бомбейскомъ президентствѣ три коллегіи; въ мадрасскомъ высшая школа (High School). См. Минаевъ, Очерки Цейлона и Индіи. Спб. 1878, ч. II, стр. 191. Во время путешествія Минаева, т. е. въ семидесятыхъ годахъ, въ Индіи было уже три университета, учрежденныхъ для оцѣнки обученія, получаемаго въ коллегіяхъ и для раздачи ученыхъ степеней.

Катамовъ?!

впослѣдствіи посредниками между своимъ племенемъ и русскимъ образованнымъ обществомъ. Потребность въ этомъ посредничествѣ уже чувствовалась и въ то отдаленное время; на это указываетъ то теплое радушіе, съ которымъ русское общество привѣтствовало появленіе въ его средѣ и того и другого. Едва ли справедливо появленіе ихъ считать преждевременнымъ на томъ основаніи, что роль ихъ остается столь долго никѣмъ не замѣщенной; эта незамѣщенная пустота вѣрнѣе можетъ быть объяснена угнетеннымъ положеніемъ инородческаго вопроса.

Оба нашихъ инородца, Банзаровъ и Валихановъ, получили образованіе въ русскихъ школахъ, вскормлены были тѣми идеями и тѣми умственными интересами, которыми жило въ ихъ пору русское общество, и потому, если по психической природѣ они и сохраняли особенности своего племеннаго типа, то по своему умственному развитію оба они были вполне русскими образованными людьми; они волновались тѣми же литературными и научными вопросами, какими волновались русское общество, возжелѣнія, надежды и слава послѣдняго были и ихъ возжелѣніями, надеждой и славой; въ нихъ жило сознаніе, что и улучшеніе положенія ихъ сородичей, которыхъ оба они несомнѣнно любили, зависитъ отъ общаго просвѣщенія Россіи. Если-бъ такихъ Банзаровыхъ и Валихановыхъ было больше, еще разъ повторяемъ, глубокое духовное родство образовалось бы между инородческой средой и русскимъ обществомъ. Для русскаго патріота и для человѣка, по добротѣ сердца интересующагося судьбой инородцевъ, истиннымъ огорченіемъ должно казаться, что вмѣсто такого внутренняго родства, коренящагося въ общности духовныхъ интересовъ, единственной связью, соединяющею инородцевъ съ русскимъ обществомъ, служитъ одно только чувство общей административной зависимости.

Смерть и похороны Банзарова описаны у Савельева слѣдующимъ образомъ.

Здоровье Банзарова было давно разстроено. Страдая какою-

то скрытою болѣзью, онъ перемогался, не довѣрялъ врачамъ и самъ составлялъ для себя лекарства по бурятскимъ рецептамъ. Такимъ образомъ онъ часто прихварывалъ и выздоравливалъ и никто не подозрѣвалъ, чтобы онъ носилъ въ себѣ зародышъ преждевременной смерти. Въ послѣднихъ числахъ февраля одинъ изъ членовъ Сибирскаго Отдѣла зашелъ къ нему съ разными научными запросами, — и былъ пораженъ, увидѣвъ его мертвого на кровати. Кончина его была скоростыжная.

Въ Иркутскѣ не было ламы; но благопріятный случай далъ возможность устроить великолѣпныя буддійскія похороны, еще не виданныя въ Иркутскѣ.

Не задолго до смерти Банзарова находился въ городѣ и только что выѣхалъ оттуда хамбо-лама или начальникъ буддійскаго духовенства¹⁾. По приказанію генераль-губернатора послали нарочнаго воротить его съ дороги для погребенія Дорджи. Устроена была печальная колесница, на которую поставили гробъ. Колоссальная фигура хамбо-ламы и находившіеся при немъ простые ламы въ желтой одеждѣ, читая буддійскія молитвы, сопровождали тѣло за городъ. Генераль-губернаторъ и чиновники его канцеляріи отдали послѣдній долгъ умершему. Весь Иркутскъ стекая на похороны. Въ числѣ проводившихъ находился и извѣстный нашъ синологъ, отецъ архимандритъ Аввакумъ, уважавшій познанія Дорджи и только что возвратившійся изъ японской экспедиціи²⁾. Это было 2 марта 1855 года³⁾.

1) По иркутскому преданію Банзаровъ ѣздилъ провожать хамбо-ламу и при этомъ простудился.

2) О. Аввакуму Савельевъ и былъ обязанъ сообщеніемъ о смерти и похоронахъ Банзарова.

3) Банзаровъ былъ похороненъ на кладбищѣ, которое находится на горѣ надъ Рабочедомской слободой. М. В. Загоскинъ сообщилъ мнѣ, что его могилу нужно искать подлѣ дорожки, которая начинается у подошвы горы между двумя острогами и поднимается по косоуглу сзади каменнаго острога; первая могила безъ креста, отдѣльно стоящая вправо отъ тропинки, и должна быть могилою Банзарова. Я искалъ ее, но не могъ найти, потому что кладбище разрослось и спустилось внизъ по горѣ, такъ что вправо отъ тропинки теперь много могилъ, и многія изъ нихъ безъ креста. Г. П.

Свою біографію Банзарова Савельевъ кончаетъ слѣдующими строками.

«Какъ изслѣдователь среднеазійской древности, онъ заслужилъ себѣ мѣсто между европейскими ориенталистами; какъ бурятъ, показавъ, что дарованія и просвѣщеніе могутъ быть удѣломъ и этого поколѣнія, которое съ гордостью можетъ приводить его имя, какъ представителя своего въ области науки. Блескъ примѣчательной личности отражается и на народѣ, и буряты отнынѣ пріобрѣли право на большее вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дорджи Банзаровъ».

ПОДРОБНОСТИ О СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ И ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ

Дорджи Банзарова.

ПИСЬМО И. С. СЕЛЬСКАГО КЪ П. С. САВЕЛЬЕВУ.

(Труды Вост. Отдѣл. Им. Археол. Общ., т. III, стр. 174. 1856).

Вы пишете, что любопытно было-бы прослѣдить обратный переходъ Банзарова изъ европейца въ бурята. Это совершилось очень просто. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Казани и Петербургѣ въ сухихъ ученыхъ занятіяхъ, вдругъ онъ возвращается къ своимъ вождѣннымъ табунщикамъ, и тамъ родной кровъ, чудесная весна Боргоской степи, краснощекія землячки, и наконецъ *тарасунгъ*, вдругъ сближаютъ его съ непремѣнными условіями жизни степнаго монгола, и съ той же минуты Банзаровъ весь принадлежалъ своимъ. Цѣлый годъ онъ провелъ на родинѣ.

Въ Иркутскѣ Банзаровъ былъ принятъ превосходно; генераль-губернаторъ очень жаловалъ его¹⁾, многіе съ нимъ были знакомы, а я, завѣдывая Отдѣломъ, видѣлъ въ немъ совершенную для насъ необходимость. Въ Восточной Сибири Банзаровъ былъ нуженъ болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Высокопресвященный Нилъ, знатокъ монгольскаго языка, очень хотѣлъ сблизиться съ

1) Археологическое Общество, съ своей стороны, рекомендовало его господину генераль-губернатору, какъ своего члена-корреспондента (см. Труды Вост. Отд., ч. I, стр. 296 и 299). П. С.

Банзаровымъ и желалъ, чтобы онъ совѣтами своими былъ полезенъ при переводѣ литургіи на монгольскій языкъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, преосвященный пламенно желалъ, чтобы Банзаровъ принялъ христіанство. Монголь сердился за эти попытки, и пересталъ посѣщать преосвященнаго. Думаю, что если-бы Банзаровъ принялъ христіанство ранѣ сего въ Казани, то онъ не сошелся бы потомъ съ своими такъ тѣсно.

Въ теченіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ Банзаровымъ у насъ, онъ совершилъ только нѣсколько временныхъ поѣздокъ по службѣ. Наши виды на него были слѣдующіе: въ одномъ изъ засѣданій Отдѣла я предложилъ, чтобы Банзаровъ занялся исправленіемъ въ особенности на нашихъ картахъ монгольскихъ названій жилыхъ мѣстъ, урочищъ, горъ, рѣкъ, озеръ и проч., искаженныхъ отъ времени. Онъ совершенно раздѣлялъ со мною мысль о пользѣ такого занятія, и въ теченіи года, кое-когда, послѣ большихъ настояній, принимался за дѣло и многое успѣлъ исправить, но большая половина осталась неразсмотрѣнною. Мнѣ хотѣлось также очень, чтобы Банзаровъ осмотрѣлъ остатки древностей Забайкальскаго края, древнія письма и прочіе предметы, для объясненія аборигеновъ тамошняго края. Банзаровъ все обѣщаль сдѣлать, но ни за что не принимался. Но, между прочимъ, онъ отлично пояснилъ на картѣ пункты китайской границы, согласно съ фактами нашими и манджурскими. Онъ совершилъ поѣздку въ Тункинскій край для изслѣдованія происхожденія Сойотовъ и ихъ заграничныхъ сосѣдей, Урянхайцевъ. Онъ занимался объясненіемъ древней надписи Мангутской пещеры; онъ же просилъ г. Юренскаго разыскать Дэлунъ-Болдокъ, мѣсто рожденія Чингисъ-хана, что тотъ и сдѣлалъ; описаніе это теперь находится для просмотра у о. Аввакума. Кромѣ сего Банзаровъ готовилъ исторію перехода изъ-за границы на нашу сторону Байкала различныхъ монгольскихъ племенъ. Не задолго до своей смерти, онъ позвалъ меня и съ торжествомъ сказалъ мнѣ: «Знаете ли, я удивлю васъ? Я докажу вамъ ясно, что предки Чингисъ-хана жили у насъ, — гдѣ бы вы думали? — въ Баргузинской степи».

Но какъ это, такъ и прочіе его порывы и предположенія остались ни при чемъ. Именно я, въ послѣдній назначенный имъ срокъ, пришелъ къ нему за статьей о Чингисѣ, и нашелъ его уже бездыханнаго, и ламу, читающаго надъ нимъ молитвы! Болѣзнь его была кратковременна: онъ обрадовался приѣзду Бандиды-Хамбы-Ламы, въ сообществѣ его наѣлся жирной свинины и пилъ много вина, потомъ поѣхалъ Хамбу провожать, простудилъ желудокъ, и умеръ внезапно. По докладу моему, бібліотека Банзарова и вещи сданы были въ Отдѣлъ; но увы, въ ней, кромѣ книгъ, ничего не оказалось¹⁾.

Не много спустя по смерти Банзарова умеръ здѣсь еще ориенталистъ, нашъ извѣстный синологъ Сычевскій. Послѣ него осталось много драгоценнаго; огромная бібліотека его поступила также въ Отдѣлъ, и я теперь занимаюсь приготовленіемъ его рукописей къ печати.

1) Но въ нѣкоторыхъ книгахъ, какъ мнѣ лично извѣстно, были многочисленные на поляхъ приписки Банзарова, относящіяся къ исправленію монгольскихъ текстовъ и переводовъ съ нихъ г. Шмидта; такими поправками обильныхъ ошибокъ послѣдняго особенно испещрено изданіе Сананъ-Сецена (Gesch. der Ost.-Mongolen). Весьма полезно было-бы издать эти глоссы Банзарова.

Кстати, еще о Банзаровѣ. Во-первыхъ, одно дополненіе къ списку его сочиненій, напечатанному во II-й части Трудовъ (стр. 160): къ нимъ надлежитъ присовокупить его *Замѣчанія о монголизмахъ въ ярыкѣ Тохтамышъ-хана*, напечатанныя на стр. 41—42 и 47—48 изданія князя М. А. Оболенскаго «Ярыкъ хана Золотой Орды, Тохтамышъ, къ польскому королю Ягайлу», Казань 1850, 8°. Во-вторыхъ, о его перепискѣ и портретѣ. Составляя его біографію, я не могъ отыскать его писемъ, изъ которыхъ лучше всего видно, какъ сильно привилась къ нему не только образованность, но и ученая потребность, которая могли заглухнуть лишь въ средѣ, не представлявшей никакой пицци пытливому уму его. П. С.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ

Банзарова

(въ хронологическомъ порядкѣ).

1) Черная вѣра или шаманство у монголовъ. (Ученыя Записки Импер. Казан. Универс., 1846, книжка III, стр. 53 — 120).

2) Разборъ сочиненія: Грамматика Калмыцкаго языка, А. Попова. (Сѣверное Обозрѣніе, 1848, мартъ, отд. критики, стр. 30—32).

3) Ueber zwei mittelasiatische Alphabete, von Dordshi Bansarow. Mit einer Nachschrift von O. Böhlingk. Mit einer lithographischen Tafel. (Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie des sciences, t. V, № 4).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, 3 марта 1848 г.

4) Каталогъ книгамъ на маньчжурскомъ языкѣ, находящимся въ Азіятскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ, составленный Д. Банзаровымъ. (Bulletin de la cl. hist.-philol., t. V, 6).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣла Академіи Наукъ, 31 марта 1848.

5) Списокъ статуямъ и живописнымъ изображеніямъ буддійскихъ божествъ и боготворимыхъ буддистами лицъ, также буд-

дійскимъ вещамъ, находящимся въ Этнографическомъ Музеѣ Импер. Академіи Наукъ.

Представлено въ засѣданіи истор.-филолог. отд. Академіи, 5 мая 1848 г.; не напечатано.

6) Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement, auf den Gütern des Herrn Barons A. Stieglitz ausgegrabenen Silberplatte. Mit einer lithographirten Tafel. (Bulletin de la classe hist. de l'Académie, t. V, № 9).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи, 19 мая 1848.

Дополненіемъ къ этой статьѣ служитъ другая, написанная, по отъѣздѣ Банзарова изъ Петербурга, г. Бётлингомъ и читанная въ собраніи того же отдѣленія, 16 мая 1848, подъ заглавіемъ: Nachtrag zu der in № 9 dieses Bulletins gegebenen Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer Silberplatte, von O. Böhlingk (Bulletin de la cl. hist.-philol., t. V, № 12).

7) Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савельева. (Записки Археол. Общества, т. II, стр. 72—97).

Представлено въ засѣданіи Археолог. Общ. 13 декабря 1848 г.

Переводъ этой статьи на нѣмецкій языкъ напечатанъ въ Mémoires de la Société Impér. d'archéologie, t. V, pp. 328—339, и t. VI, pp. 441—448, подъ заглавіемъ: Paise oder Metallplatten mit den Befehlen der mongolischen Chane als Inschrift.

9) О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій. (Записки Археолог. Общ., т. II, стр. 352 — 358).

Написано въ Петербургѣ, въ 1848 году; напечатано въ 1849 г.

9) О происхожденіи имени Монголь. (Библиотека Восточныхъ Историковъ, изд. И. Березинымъ, томъ I, приложение II, стр. 10 — 14).

10) О происхожденіи слова Чингисъ. (Тамъ-же, приложение III, стр. 1А—1Б).

11) О названіи Эргенè-Хонъ. (Тамъ-же, приложение IV, стр. 11—12).

12) Объ Ойратахъ и Уйгурахъ. (Тамъ-же, приложение V, стр. 13—14).

Эти четыре статьи написаны частью въ Петербургѣ, частью въ Казани, въ 1848 г.; напечатаны въ 1849 году.

13) Объясненіе монгольской надписи на памятникѣ князя Исункè, племянника Чингисъ-хана. (Зап. Археол. Общ., т. III, стр. 268—292).

Представлено въ засѣданіи Археолог. Общества 16 октября 1850 г.

Исслѣдованіе это начато Банзаровымъ въ Петербургѣ въ 1848 г. и окончено въ Иркутскѣ въ 1850 г. Снимокъ надписи сдѣланъ имъ, чрезъ прозрачную бумагу, въ настоящую величину; съ этого снимка сдѣланъ уменьшенный фотографическій снимокъ, съ котораго и отлитографированъ рисунокъ, приложенный къ статьѣ.

Отпечатано и отдѣльно въ числѣ 50 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: Монгольская надпись на памятникѣ князя Исункè, племянника Чингисъ-хана, объясненная Дорджи Банзаровымъ, член.-корресп. Имп. Археолог. Общ., съ предисловіемъ П. Савельева, чл.-основ. и секретаря того же Общ., и съ приложеніемъ снимка съ надписи. С.-Петербургъ, 1851, 8°, 27 стр.

14) Путешествіе Зая-хамбы въ Тибетъ. Переводъ съ монгольскаго.

Представлено въ засѣданіи Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества 23 декабря 1852 года; не напечатано.

15) Замѣчанія о монголизмахъ въ ярлыкѣ Тохтамыша-хана, напечатанныя на стр. 41 — 42 и 47 — 48 изданія князя М. А. Оболенскаго «Ярлыкъ хана Золотой орды, Тохтамыша, къ польскому королю Ягайлу». Казань, 1850, 8°.

ЧЕРНАЯ ВѢРА

или

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ.

(Учен. Записки Казанскаго Университ. 1846, кн. 3.)

Ориенталисты уже издавна занимаются судьбами народовъ средней Азіи; но вниманіе ихъ преимущественно обращалось на военныя дѣла монголовъ, между тѣмъ какъ нравы, обычаи и вѣра ихъ оставались въ сторонѣ и составляли какъ бы посторонній предметъ въ исторіи. Въ особенности та вѣра, которую исповѣдывали монголы до принятія буддизма, не обращала на себя вниманія ученыхъ, и послѣдніе имѣли важную причину умалчивать объ ней: — это недостатокъ данныхъ, по которымъ можно бы было дать ясное понятіе о вѣрѣ древнихъ монгольскихъ племенъ. Первый рѣшившись представить очеркъ этой вѣры, я также затруднился недостаткомъ нужныхъ матерьяловъ. Не только европейцы, но и сами монголы не имѣютъ такого сочиненія, которое бы содержало систематическое и полное изображеніе *Черной вѣры*; все что было говорено объ ней, разбросано по разнымъ сочиненіямъ, изъ которыхъ иногда приходится выбирать по одному слову.

Георгіи въ своемъ «Описаніи обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ» предпринялъ описать шаманство всѣхъ народовъ въ одной статьѣ, которая только заставляетъ насъ жалѣть, что авторъ напрасно вздумалъ соединить въ одно тѣ свѣ-

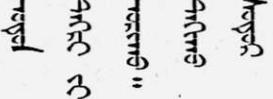
дѣнія, какія онъ имѣлъ о мифологіи разныхъ монгольскихъ, турецкихъ, финскихъ и другихъ народовъ; гораздо любопытнѣе было бы, если бы онъ къ описанію каждаго племени присоединялъ и очеркъ его религиозныхъ повѣрій, съ тѣми отгѣнками и подробностями, которыя необходимо должны встрѣтиться у каждаго народа, и которыя не могли войти въ его статью. Но онъ, описывая какой нибудь народъ, довольствуется нѣсколькими фразами объ его религіи, или просто говоритъ: «слѣдуетъ шаманскому суевѣрію» и т. п.; послѣ чего обращается къ упомянутой статьѣ, въ которой мало любопытнаго и годнаго, въ особенности для этнографа нашего времени. Въ сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ находимъ только отрывочныя и часто ошибочныя извѣстія о шаманствѣ, которыя иногда ни къ чему не служатъ. Въ русскихъ, особенно старинныхъ журналахъ можно встрѣтить много статей о шаманствѣ, но мало полезныхъ для знакомства съ мифологіей монгольскихъ племенъ.

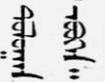
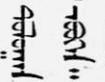
О. Иакиневъ въ своемъ «Китаѣ» помѣстилъ статью о шаманствѣ, слишкомъ краткую и касающуюся народныхъ вѣрованій маньджуровъ.

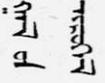
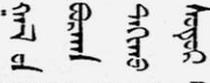
Изъ монгольскихъ сочиненій, находящихся въ Казани, я также не могъ почерпнуть ничего потому, что они чисто буддійскія. Сами монголы, изъ преданности къ буддизму, питаютъ отвращеніе къ стариннымъ своимъ повѣрьямъ и не почитаютъ ихъ достойными вниманія грамотнаго человѣка. Не смотря на это, народъ долго не могъ отвыкнуть отъ старинныхъ понятій, такъ что проповѣдники буддизма, уступая мѣстнымъ требованіямъ, не старались истребить вдругъ шаманскія понятія и обряды. Такимъ образомъ многіе изъ нихъ изъ шаманства перешли въ буддизмъ нѣсколько измѣненными, сообразно съ духомъ послѣдняго. Такъ ламы собрали молитвы, уцѣлѣвшія въ устахъ народа, прибавили къ нимъ новыя, болѣе сообразныя съ новою религіей, и опять распространили ихъ между народомъ. Этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что нѣкоторые остатки древней монгольской мифологіи дошли до насъ на письмѣ. Въ Монголіи много есть такихъ шаманско-буддійскихъ книжекъ, но онѣ составляютъ рѣдкость для того, кто живетъ въ центрѣ Россіи. И такъ я долженъ былъ довольствоваться небольшими

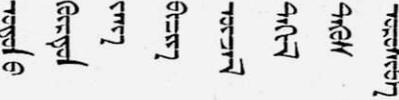
рукописями, которыя сообщены мнѣ почтенными моими наставниками, гг. профессорами монгольской словесности при нашемъ университетѣ.

Весьма полезна была для меня небольшая рукопись:

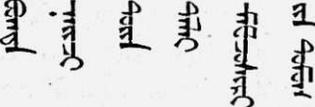
- 1) «Книга о молитвѣ и жертвоприношеніи звѣздамъ и богамъ». (Сообщена пр. А. В. Поповымъ).

Въ началѣ рукописи помѣщена молитва одиннадцати созвѣздіямъ. Далѣе идетъ небольшая легенда, будто бы рассказанная Буддою, о важности созвѣздія *семи старцевъ* т. е. Большой Медвѣдицы, и о необходимости приносить ей жертвы и пр. Въ заключеніи помѣщена любопытная молитва, которую должно читать при жертвоприношеніи геніямъ. Она въ стихахъ; трудный языкъ и простой складъ стиха доказываютъ народное ея происхожденіе. Въ ней упоминаются имена множества геніевъ (тенгри) и описаны качества нѣкоторыхъ изъ нихъ.

- 2) «Молитва огня» и 3) «Книга о жертвоприношеніи богу огня». Первую рукопись обзримъ ниже. Во второй заключается легенда о происхожденіи огнепочитанія, и описаніе обряда, который соблюдается при жертвоприношеніи богу огня. (Сообщены обѣ рукописи пр. О. М. Ковалевскимъ).

- 4) «Чертежъ звѣздъ, ихъ вліяніе (на людей), гаданіе по нимъ и жертвоприношеніе въ честь ихъ». (Сообщено А. В. Поповымъ). Содержитъ почти то же, что рукопись подъ заглавіемъ: книга о молитвѣ и жертвоприношеніи и пр.

- 5) Рукопись безъ заглавія. Въ ней заключается перечисленіе боговъ, горъ и рѣкъ, которымъ должно приносить жертвы, молитва, которую читаютъ во время возліянія богамъ.

- 6) «Биографія святаго Маньджушри Далай Нэйджи тойна». Изъ нея заимствованы мною нѣкоторые историческіе факты. Кромѣ того, я пользовался мон-

гольской лѣтописью Санангъ-Сэцэна, изданною г. академикомъ Шмидтомъ, подъ заглавіемъ: *Geschichte der Ost-Mongolen*.

Для сравненія монгольскаго шаманства съ религіозными понятіями другихъ народовъ служили: китайскіе дзины, въ переводахъ на французскій языкъ; Зендъ-авеста, изданіе Клейкера; на маньджурскомъ языкѣ *Хэсэй токтобуха Манджусай вочэрэ мотэрэ кооли битхэ*. Описаніе обрядовъ съ изображеніемъ сосудовъ, музыкальныхъ инструментовъ и другихъ вещей, употребляемыхъ при маньджурскомъ богослуженіи.

Наконецъ, сочиненія многихъ европейскихъ ориенталистовъ и путешественниковъ доставили мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Съ такъ малымъ числомъ источниковъ я не могъ вполне изобразить мѣлологію монголовъ, многое долженъ былъ пройти молчаніемъ, многое излагать слишкомъ кратко, успѣлъ только объяснить самыя главные вопросы и собрать въ одно цѣлое всѣ извѣстія о религіозныхъ понятіяхъ древнихъ монголовъ, разсыпанные въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ.

Названіе и происхожденіе Черной вѣры.

Древняя народная религія монголовъ и сосѣднихъ съ ними народовъ извѣстна въ Европѣ подъ именемъ *шаманства*, у своихъ же послѣдователей она не имѣетъ особаго названія. Монголы, уже по принятіи буддизма, назвали ее *Черною вѣрою* (хара шаджинъ), т. е. грубою, непросвѣщенною, какъ бы въ противоположность буддизму, который называется *Желтою вѣрою* (шира шаджинъ). По словамъ о. Іакпюа, китайцы имену ютъ шаманство *мяо-шенъ*, пляскою предъ духами. Эти названія не даютъ еще никакого понятія о сущности шаманства. Въ чемъ же оно состоитъ? Откуда получило свое начало? — одни объ этомъ толкуютъ свысока и издали, а другіе вовсе не задавали себѣ такихъ вопросовъ. Нѣкоторые полагали, что шаманство одного начала съ брахманизмомъ и буддизмомъ; другіе находятъ въ немъ что-то общее съ ученіемъ китайскаго философа *Лаодзы*. Вообще думаютъ, что оно состоитъ только въ служеніи злымъ духамъ, и въ привидѣніяхъ, и въ шарлатанствѣ шамановъ, и въ боготвореніи умершихъ шамановъ. Наконецъ,

многіе почитаютъ шаманство боготвореніемъ природы, или сближаютъ его съ зороастровою религіей. Нѣтъ нужды отыскивать такъ далеко начало шаманства и стараться выводить его изъ религіозныхъ системъ, вовсе ему чуждыхъ. Ближайшее знакомство съ предметами показываетъ, что такъ называемая шаманская религія, по крайней мѣрѣ у монголовъ, не могла произойти отъ буддизма или другой какой нибудь вѣры, что она сама собою могла возникнуть въ народѣ, и состоитъ не въ однихъ суевѣріяхъ и обрядахъ, основанныхъ только на шарлатанствѣ шамановъ. Черная вѣра монголовъ произошла изъ того же источника, изъ котораго образовались многія древнія религіозныя системы; внѣшній міръ — природа, внутренній міръ — духъ человѣка, и явленія того и другаго — вотъ что было источникомъ Черной вѣры.

Такая основная идея въ религіи, повидимому, должна быть произведеніемъ духа, вникающаго въ самого себя и наблюдающаго надъ природою, предполагать предварительное усмотрѣніе, чего нельзя ожидать отъ номада. Но вотъ, что говоритъ объ этомъ знаменитый ученый, который лучше всѣхъ долженъ знать дѣйствіе природы на необразованные народы: «то, что у нѣкоторыхъ лицъ, одаренныхъ замѣчательными способностями, говоритъ А. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ», является зачаткомъ философіи природы, разумнымъ созерцаніемъ, у цѣлыхъ народовъ бываетъ произведеніемъ инстинктивной воспримчивости. Такимъ образомъ въ глубинѣ этого тайнаго чувства возникаетъ первое побужденіе къ обожанію, боготворенію воспринятыхъ естественныхъ силъ».

Если такая инстинктивная воспримчивость склоняетъ человѣка къ боготворенію природы, то подобное же неясное предчувствіе поселяетъ въ немъ понятіе о безсмертій души, о содѣйствіи или противодѣйствіи какихъ-то невидимыхъ существъ въ дѣлахъ его. Подъ вліяніемъ этой идеи, фантазія народа изобрѣтаетъ второстепенныхъ боговъ, и производитъ почитаніе душъ усопшихъ. И какъ Черная вѣра не представляетъ ничего разительнаго съ брахманизмомъ или буддизмомъ, а еще менѣе съ прочими религіями востока, то заключаемъ, что она возникла въ народѣ, подъ вліяніемъ природы и дѣятельности духа.

Изъ этихъ двухъ силъ, которыя руководятъ народомъ въ

Стремленіи его къ вѣрованію, природа сильнѣе дѣйствуетъ на младенчествующаго человѣка: отъ того-то у монголовъ небо, какъ высшій представитель силъ природы, приобрѣло величайшее могущество надъ прочими божествами и подчинило себѣ боговъ—представителей духа. Оно является у монголовъ верховнымъ божествомъ, источникомъ жизни, которую земля—второе божество въ Черной вѣрѣ—только проявляетъ и поддерживаетъ; необходимымъ слѣдствіемъ боготворенія неба и земли было почитаніе солнца, луны, звѣздъ, нѣкоторыхъ воздушныхъ явленій;—горъ, рѣкъ и т. п.

Съ другой стороны, къ этимъ предметамъ почитанія народа примыкаетъ рядъ геніевъ или второстепенныхъ боговъ (тэгрпнэръ), которые суть представители нашихъ страстей, способностей и дѣйствій; они вѣчны и произошли отъ неба, подобно душѣ, которой явленія они изображаютъ собою. Наконецъ, темное понятіе о безсмертіи души в будущей жизни произвело онгоновъ (онготъ), которые суть не что иное, какъ обожаемыя души умершихъ людей.

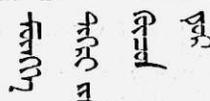
Вотъ въ чемъ замѣчается шаманство! Если его сравнить съ мифологическими системами древнихъ народовъ Азии и Европы, то нашлось бы, можетъ быть, замѣчательное сходство между Черною вѣрою и другими; но сходство случайное или, лучше сказать, естественное, не зависящее отъ сближенія народовъ.

Разсмотримъ, какъ фантазія народа развивала и въ какія формы облекала основную идею шаманства.

Небо.

Монголы, подобно многимъ другимъ народамъ, понятіе о высочайшемъ существѣ соединяли съ понятіемъ о небѣ, которое отъ того является существомъ столько же матеріальнымъ, сколько духовнымъ. Голубое небо, какъ обыкновенно называютъ его монголы, дѣйствующее на воздушныя явленія и на производительность земли, не можетъ быть названо духовнымъ; но отъчное небо, какъ еще называютъ его тѣ же монголы, управляющее міромъ и руководящее дѣлами человѣка, представляется существомъ духовнымъ. Стало быть, при всемъ своемъ могуществѣ

небо такое, какимъ его представляли себѣ монголы, не должно быть признаваемо тождественнымъ съ Богомъ. Между тѣмъ ошибочное толкованіе слова тенгри (небо) и неосновательные толки мусульманскихъ историковъ привели европейцевъ къ заключенію, что татары Чингисовыхъ временъ имѣли понятіе о чистодуховномъ, верховномъ Богѣ. «Они (татары), говоритъ Плато-Карпини, вѣрують въ единого Бога, котораго считаютъ творцемъ всего видимаго и невидимаго; также вѣрують, что онъ есть какъ творецъ блаженства на семъ свѣтѣ, такъ и каратель»¹⁾. Гайтонъ Армянскій говоритъ то же: «ils reconnaissent un seul Dieu immortel et invoquent son nom; mais c'est tout»²⁾. Рубрукъ также увѣряетъ, что татары или моалы (монголы) признають единого Бога, но однако они дѣлають идоловъ и пр.³⁾. Мусульманскіе историки упоминають о единомъ Богѣ, которому поклонялись монголы, и котораго почитать всѣмъ поставляетъ въ обязанность законъ Чингиса. Все, что говорятъ эти христіане и магометане о верховномъ божествѣ, которое почитали татары, относится къ небу. Ошибка произошла отъ того, что европейцы и мусульмане вообразили, что тенгри у монголовъ означаетъ совершенно то самое, что у нихъ значитъ Deus или Алла; отъ этого они увѣряють, что Чингисъ-ханъ выдалъ себя за сына Бога, хотя тотъ называлъ себя сыномъ неба. Если бы монголы имѣли понятіе о верховномъ существѣ, которое бы превосходило могуществомъ небо, то они и обращались бы къ этому существу, дали бы ему особое имя.

Напротивъ, въ грамотахъ Чингисидовъ встрѣчаемъ слово тенгри (небо), какъ названіе величайшаго Бога, отъ котораго зависитъ судьба народовъ и ихъ правителей. Такъ монгольскіе ханы начинали свои грамоты словами: «силою вѣчнаго неба». Европейцы или ихъ переводчики передавали эти словеса такъ: Per praesceptum Dei vivi, или Deo Fortitudo или Les commandements de Dieu éternel etc. Въ самомъ дѣлѣ, монголы приписывали сво-

1) Его путешествіе въ Татарію. Гл. 3.

2) Hist. orientale, p. 71.

3) Его путешествіе, гл. XXVII.

человѣка, который никогда не можетъ укрыться отъ небснаго правосудія; отъ того монголы, чувствуя правоту, восклицали:

天 也 何 言 曰 «небо! ты вѣдай (тебѣ это извѣстно)». 天 也 何 言 曰 «небо! ты будь судьей!»¹⁾ Если народы, цари и даже частные люди дѣлаютъ что ли-

бо противное благости и правосудію неба, то оно гнѣвъ свой на это обнаруживаетъ удивительными явленіями въ природѣ. Китайцы такъ объясняютъ явленіе кометы, неурожая, засухи, наводненія и другія подобныя несчастія: жители средней Азіи совершенно одинаковаго мнѣнія съ ними. Моганъ ханъ (изъ дома Тугю) долго задерживалъ китайскихъ пословъ, отпустилъ ихъ, и заключилъ миръ съ ихъ монархомъ потому, что небо продолжительною грозой изъявило свой гнѣвъ на насилія хана²⁾. Въ XV столѣтіи монголы взяли въ плѣнъ китайскаго императора и осудили его на тяжкое рабство. Однажды ночью увидѣли, что изъ чашки, изъ которой пилъ плѣнникъ, выходило багровое сіяніе и императоръ съ честью препровожденъ былъ въ Китай; ибо, по мнѣнію народа, небо того хотѣло.

Оно, какъ источникъ добра, есть врагъ злыхъ духовъ и всего нечистаго; если ударъ грома разразился надъ жилищемъ или деревомъ, то значитъ, что тутъ поселился злой духъ или тутъ есть что нибудь нечистое.

Человѣкъ долженъ стараться сдѣлаться достойнымъ милости неба, безъ которой онъ не можетъ быть счастливымъ. Одно монгольское сочиненіе представляетъ Чингисъ-хана бесѣдующимъ съ своими братьями и полководцами о томъ, что такое счастье³⁾? Каждый изъ разговаривающихъ рѣшаетъ вопросъ по своему вкусу; въ заключеніе Чингисъ исчисляетъ предметы, отъ которыхъ зависить благо народа, и оканчиваетъ словами: «покровительство владыки земли, вѣчнаго неба — вотъ въ чемъ состоитъ счастье, съ которымъ ничто не можетъ сравниться». Слова эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что они вставлены въ уста Чингису, который, какъ главное лицо бесѣды, долженъ былъ разрѣшить вопросъ самымъ лучшимъ образомъ.

1) Gesch. d. Ost-Mong. S. 146, 172, 190.

2) Дегинъ: Histoire des Huns etc. T. I, Part. 2, p. 292.

3) См. Монгол. Хрестомат. для начинающихъ, стр. 65.

И такъ небо поставлено монголами выше всѣхъ ихъ божествъ, а второстепенные боги суть только орудія его воли, или различныя его силы, которыя оно употребляетъ для разныхъ цѣлей и которыя народъ олицетворилъ, въ видѣ особыхъ существъ.

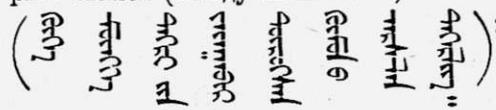
Монголы долго поклонялись небу, какъ благороднѣйшей части природы, не представляя его себѣ особымъ лицомъ и гениемъ; или безотчетно воображали иногда духомъ, который являлся имъ въ формѣ *синяго* неба; и кромѣ этого послѣдняго названія, они не давали этому духу никакого собственнаго имени. Наконецъ иноземное божество является у нихъ царемъ неба — *Хормусда*, персскій *Ормуздъ*, котораго посланъ изгналъ изъ Ирана. Многіе уже замѣтили сходство въ именахъ Ормузда и Хормусды; между прочимъ г. Шмидтъ признаетъ, что это сходство не есть случайное¹⁾. Если къ сходству именъ прибавить сходство въ характерахъ и свойствахъ этихъ божествъ, то кажется несомнительнымъ, что Хормусда есть не что иное, какъ нѣсколько измѣненное *Ormisdas*. По словамъ аббата Фуше²⁾, персы позднѣйшихъ временъ подъ именемъ Ормузда боготворили все небо; нѣтъ сомнѣнія, что и монголы заимствовали у нихъ понятіе о Хормусдѣ не въ самыя древнія времена. Стало быть Ормуздъ, переселясь изъ своего отечества въ степи средней Азіи, могъ сдѣлаться тамъ царемъ неба, безъ всякаго искаженія своего прежняго характера. Мы не знаемъ ничего о времени, когда обитатели Монголіи получили отъ персовъ новыя понятія о религіи. Если предположить, что Ормуздъ сдѣлался имъ извѣстнымъ въ одно время съ боготвореніемъ огня, то это случилось ранѣе VI вѣка по Р. X.; ибо въ эту пору Земархъ уже нашелъ у хановъ Тугю обожаніе огня.

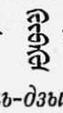
Съ другой стороны нельзя сомнѣваться, что у монголовъ Хормусда и Небо были выраженіями одной и той же идеи. Буддисты, переводя санскритскія и тибетскія книги на монгольскій языкъ, *Индру*, индійскаго Юпитера, переименовали по монгольски Хормусдою. Къ тому же Чингисъ-ханъ называется то

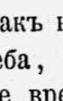
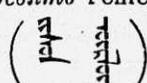
1) Forschungen и пр., стр. 148.

2) Kleuker: Anhang zum Zend-Awesta 11. 13 s. 135.

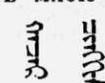
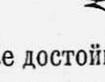
сыномъ неба, то сыномъ Хормузды, что ясно доказываетъ тождество этихъ названій. Напримѣръ, въ лѣтописи Санангъ-Сэцэна (стр. 107) Чингисъ названъ «львомъ людей, небожителемъ, который явился (между Монголами) по волѣ голубаго и вѣчнаго неба»

(); въ другихъ мѣстахъ той же лѣтописи онъ называется сыномъ Хормузды

(). При томъ титулъ , принятый Чингисъ - ханомъ, дол женъ соответствовать китайскому *Тянь-дзы*; слѣдовательно

туть значить не геній, а небо, какъ китайское *тянь*. Чингисъ называетъ себя сыномъ неба, чтобы сравниться съ китайскими императорами, и въ то же время старается подражать *Хормузду*; напримѣръ, у Хормузды было *девять* геніевъ, ему подвластныхъ; у Чингиса — *девять* воеводъ () , а на знамени его *девять* бунчуговъ.

Далѣе кажется, что монгольскій завоеватель принялъ имя одного генія, почитавшагося сыномъ неба.

Въ первой изъ приведенныхъ мною рукописей упоминается геній Хаджиръ Чингисъ Тенгри , одинъ изъ духовъ—сыновей неба; его-то имя Темучинъ сдѣлалъ своимъ титуломъ, по моему мнѣнію. Такое объясненіе эпитета Чингисъ болѣе достойно вѣроятія потому, что подтверждается обстоятельствами изъ жизни этого завоевателя. Мусульманскіе историки рассказываютъ, что эпитетъ этотъ данъ былъ Темучину однимъ шаманомъ, который объявилъ молодому хану, что Богъ даетъ ему во владѣніе всю землю и повелѣваетъ ему называться *Чингисомъ*. «По повелѣнію Бога, прибавилъ онъ, имя твое должно быть такое». Шаманъ зналъ, какъ видно, значеніе этого имени; его званіе давало ему право увѣрять народъ въ божественномъ происхожденіи молодаго хана. Есть поводъ думать даже, что *Бютъ-тенгри* (имя этого шамана) всенародно приписалъ новому хану такое высокое происхожденіе по желанію самого же хана, которому онъ былъ родственникъ. Въ послѣдствіи времени шаманъ этотъ не сталъ оказывать Чингису должнаго почтенія, можетъ быть потому, что почиталъ хана обяза-

нымъ себѣ, или притомъ не умѣлъ сохранить тайну. Иначе нельзя объяснить, почему Чингисъ-ханъ велѣлъ его умертвить, когда онъ не сдѣлалъ, повидимому, никакого преступления: мусульманскіе историки говорятъ, что причиною его смерти было его честолюбіе, что онъ стремился къ верховной власти — дѣло невозможное при Чингисъ-ханѣ. Решидъ-уддинъ рассказываетъ это происшествіе какъ-то не ясно. Онъ говоритъ ¹⁾, что *Бютъ-тенгри* говорилъ съ ханомъ о многихъ вещахъ слишкомъ *открыто*, за что послѣдній и велѣлъ своему брату Джучи умертвить его: Чингисъ какъ будто опасался постороннему поручить казнь шамана, который передъ смертью могъ объявить тайну. Далѣе, геній Чингисъ носитъ прибавочное имя *Хаджиръ* (большая и сильная птица изъ рода коршуновъ); слѣдовательно, эта птица была его символъ. Съ этимъ обстоятельствомъ имѣетъ связь одно мѣсто изъ надписи на кондуйскомъ памятникѣ, поставленномъ Чингисомъ послѣ побѣды надъ своими врагами. Въ надписи между прочимъ сказано, что Чингисъ уничтожилъ какихъ-то *эліе* (названіе зловѣщей птицы; по повѣрью монголовъ подъ видомъ ея, являлись злые духи). Слѣдовательно это темное мѣсто надписи хочетъ представить Чингисъ-хана птицей хаджиръ, символомъ добраго генія Чингиса; а враговъ въ видѣ эліе, символомъ злыхъ духовъ, т. е. надпись хочетъ сказать, что Хаджиръ Чингисъ восторжествовалъ надъ эліе — врагами Темучина, ханами разныхъ ордъ. И такъ если допустить, что Темучинъ принялъ титулъ Чингиса, какъ названіе бога, сына неба, какимъ онъ выдавалъ самъ себя, то оказывается, что этотъ титулъ былъ слѣдствіемъ политическихъ намѣреній, а не одного тщеславія.

Небесныя тѣла и воздушныя явленія.

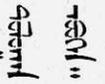
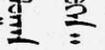
Боготвореніе ихъ было слѣдствіемъ почитанія неба и первое возникло въ одно время съ послѣднимъ. Такимъ образомъ уже первыя достовѣрныя извѣстія исторіи о монголахъ представляютъ ихъ почитающими *солнце* и *луну*.

По китайскимъ лѣтописямъ, ханы хунскіе задолго до хри-

1) Ученыя Записки, изд. Каз. унив. 1841. IV, стр. 97 и слѣд.

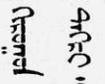
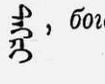
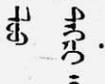
стианской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненія солнцу, а вечеромъ лунѣ¹⁾. Почитаніе ихъ сохранилось и во времена Чингисидовъ, какъ видно изъ путешествія Пл. Карпини²⁾. Онъ же рассказываетъ: «называютъ (татары) луну великимъ императоромъ. . . . солнце считаютъ матерью луны, потому что она заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца³⁾». Это одно изъ тѣхъ извѣстій нашего путешественника, которыя не знаемъ какъ объяснить. Едва-ли когда нибудь номады любопытствовали знать, откуда луна получаетъ свой свѣтъ.

Неизвѣстно, какую власть, какое вліяніе приписывали монголы, обращаясь къ солнцу, какъ божеству. Впрочемъ, вліяніе этого свѣтила на природу такъ разительно, что оно у всѣхъ народовъ занимало высокое мѣсто между предметами ихъ почитанія. Безъ сомнѣнія, монголы къ боготворенію солнца пришли тѣми же путями, какъ и другіе народы. Странно, что въ молитвахъ, въ коихъ призываются всѣ божества, не упоминается ни солнце, ни луна. Послѣднюю монголы почитали, какъ указательницу времени, и признавали ея вліяніе на дѣла людей: монголы, подобно спартанцамъ, выступали въ походъ, или начинали другія важныя дѣла, не иначе, какъ въ полуденіе или полноуденіе⁴⁾. Такой же обычай соблюдался у Тугю⁵⁾.

Звѣзды также были обожаемы народомъ, который имъ приписывалъ власть доставлять человѣку здоровье и долголѣтіе, увеличивать его богатство, умножать стада и пр. Монголы особенно уважали созвѣздіе *Семи старцевъ* т. е. Большую Медвѣдицу, которой были приносимы вѣдьмы и молоко и посвящаемы животныя. Не менѣе были почитаемы *девять* большихъ звѣздъ, которыя соотвѣтствовали девяти тенгриамъ. Онѣ имѣли на людей одинаковое же вліяніе, какъ и семь старцевъ.

Многія воздушныя явленія были олицетворены монголами.

1) Дегинъ: Hist. géner. des Huns. T. I, p. 2, стр. 26.
 2) Путешествіе къ татарамъ, стр. 87.
 3) См. стр. 93.
 4) Пут. План. Карпини: ст. 93, I. Мандев. 23.
 5) Supplém. à la Bibl. Oriental.

Изъ этихъ боговъ упомянемъ: бога молніи , бога огня , и наконецъ дракона .

Понятіе о послѣднемъ монголы, безъ сомнѣнія, заимствовали у китайцевъ: самое названіе *му* (кит. *лунъ*, драконъ) доказываетъ это. Драконъ, гербъ китайской имперіи, почитается символомъ императорской власти, мудрости и силы, а иногда и мужеской силы природы (янъ). Это баснословное животное обитаетъ, по мнѣнію китайцевъ, то въ воздухѣ, то въ водѣ; онъ покрытъ чешуей, какъ рыба, и одаренъ крыльями, какъ птица; по всѣмъ тѣломъ онъ походитъ, по изображеніямъ китайцевъ, на крокодила.

Монголы представляли себѣ дракона такимъ же, только измѣнили его качества, потому что они не придавали ему никакого символическаго значенія. По ихъ мнѣнію, драконъ производитъ грозу; громъ есть его голосъ, молнію онъ производитъ, быстро свивая и развивая свой хвостъ; онъ иногда нисходитъ на землю, или держится на воздухѣ такъ близко, что человѣкъ можетъ усмотрѣть его. Всѣ эти повѣрья о драконѣ, которыя слышалъ и передалъ намъ въ своей лѣтописи Решидъ - уддинъ, доселѣ сохраняются между народомъ. Персидскій историкъ сообщаетъ, что монголы очень боялись грома; страшились проливать на землю молоко, кумысъ или вино, чтобы громъ не разразился надъ ихъ жилищемъ или стадами; ибо у кочевыхъ народовъ произведенія скотоводства весьма уважаются, какъ дары божества, которое можетъ прогнѣваться, ежели люди будутъ попирали ногами эти дары. Такимъ образомъ драконъ почитался орудіемъ гнѣва небесъ и былъ уважаемъ наравнѣ съ другими второстепенными геніями. Неизвѣстно почему поколѣніе Урянханъ или Урянхайцевъ одно пользовалось, какъ видно изъ Решидъ-уддина, и нынѣ пользуется удивительной привилегіей — а именно, Урянхайцы вѣрятъ, что громъ не можетъ поразить ихъ самихъ или ихъ стадо; они даже кричатъ, если начнется громъ, въ надеждѣ заставить умолкнуть дракона! Если бы Урянхайцы были греческимъ поколѣніемъ, то ихъ почли бы за потомковъ тѣхъ титановъ, которые возставали противъ громоноснаго отца

боговъ. По принятіи буддизма монголы именовъ *лу* стали называть индѣйскихъ наговъ (змѣй).

Земля.

Выше было сказано, въ какомъ отношеніи земля, какъ сила природы и божество, находится къ небу, по мифологіи монголовъ. Они начали поклоняться богинѣ Этугенъ съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно въ одно время какъ стали небу приписывать качества божества. По китайскимъ лѣтописямъ, Хунну и Тугю приносили жертвы землѣ. Изъ записокъ европейскихъ путешественниковъ видно, что ей воздавали божескія почести монголы во времена Чингисовой монархіи и что они ее почитали однимъ изъ главнѣйшихъ божествъ. То, что объ этомъ сообщаетъ намъ Плато Карпини, Иоаннъ Мандевильскій и Марко-Поло, весьма неясно и запутанно. Первый, между прочими толками о вѣрѣ татаръ, рассказываетъ, что они чрезъ чародѣевъ вопрошаютъ чертей и, получая отъ нихъ отвѣты, думаютъ, что это съ ними говоритъ Богъ, «и сего Бога, продолжаетъ Пл. Карпини, называютъ *Итогою* (Itoga, Ithoga), а Команы (турецкіе народы) *Хамомъ*, т. е. великимъ императоромъ». Этотъ Итога есть не что иное, какъ Итуганъ, Этуганъ или Этугъ — богиня земли у монголовъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ ея не было у нихъ никакого божества, котораго названіе походило бы на Итогу у нашего путешественника. Но въ приведенныхъ выше словахъ странно то, что богъ Итога покомански назывался *Хамомъ*, т. е. шаманомъ, (а не великимъ императоромъ, какъ увѣряетъ Плато Карпини, смѣшивая слова хамъ или камъ и ханъ). Путешественникъ, не зная ни монгольскаго, ни татарскаго языка, безпрестанно смѣшиваетъ тѣ слова, монгольскія или татарскія, которыхъ звуки сходны между собою. Подобное же обстоятельство и было причиною того, что у него богъ Итога зовется по турецки шаманомъ. Шамана монголы называютъ *бугэ*, шаманку *удангэ* и *идогангэ*. Последнее названіе звучитъ такъ похоже на Итуганъ (т. е. богиню земли), что Плато Карпини счелъ ихъ за одно и тоже; а когда ему сообщили, что *идогангэ* покомански называется хамъ, то онъ затвердилъ или записалъ, что монгольскій богъ Итога покомански называется *Хамъ*; ибо онъ вовсе

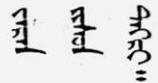
не полагалъ, что хамъ означаетъ шамана, а не императора, и что между Итога (Этуганъ) и *идогангэ* есть какая нибудь разница. По его словамъ, монголы боялись этого божества, почитали его и приносили ему жертвы.

Иоаннъ Мандевильскій также упоминаетъ объ этомъ божествѣ: «хотя весь народъ (монгольскій) язычникъ, однако, говоритъ онъ, императоръ и вельможи почитаютъ всемогущаго бога и кланутся имъ, и называютъ его Ирога (Yroga, безъ сомнѣнія тоже, что Itoga у Плато Карпини), т. е. богомъ природы»¹⁾. У монголовъ не было мифологическаго лица, которое бы носило имя Ирога или подобное тому. По этому нѣтъ сомнѣнія, что путешественникъ здѣсь говоритъ объ Этуганѣ; тѣмъ болѣе, что *Dieu de la nature* соответствуетъ почти слово въ слово монгольскому *э* владыка, богъ свѣта, міра, природы, другому названію Этугана. Авторъ несправедливо замѣчаетъ, что хамъ и князя у монголовъ своими религіозными понятіями отличались отъ простаго народа; это увѣреніе путешественника не подтверждается никакимъ другимъ писателемъ. Могло быть, что аристократія монгольская не была столь суевѣрна, какъ чернь, что первая не столько боялась духовъ и шамановъ, какъ послѣдняя; но не болѣе того.

Иоаннъ Мандевильскій своего Ирогу, т. е. богиню земли считаетъ высочайшимъ божествомъ монголовъ, тогда какъ мы уже знаемъ, что выше ея было еще небо. Марко Поло также увѣряетъ, что главный предметъ почитанія монголовъ былъ *Натигаи* (Natigai, можетъ быть испорченное Itoga), богъ земли²⁾. Это показываетъ только то, что земля дѣйствительно была однимъ изъ главныхъ божествъ монголовъ. Ей приносили въ жертву молоко, кумысъ и чай; умоляли ее о плодородіи почвы и другихъ предметахъ, составляющихъ матеріальное счастье человѣка. Главнымъ качествомъ богини Этуганъ считается *производительность*, которая является въ ней отъ вліянія неба; поэтому ее почитали источникомъ сокровищъ и называли ее *золотою*   Иногда, вмѣсто одной богини Этугенъ, насчитывали

1) См. у Бержерона: *Voilage et Observations etc.* p. 22

2) *Voyage: L. I* ср. LVIII, и *L. III* ср. XLVII.

семьдесят семь — число совершенно произвольное и составленное по примѣру девяноста девяти геніевъ неба.

Горы и рѣки и прочія части земли или духи, которые ими владѣютъ, пользовались почитаніемъ монголовъ, вслѣдствіе боготворенія цѣлаго. Эти священныя мѣста у монголовъ могутъ быть раздѣлены на общія и частныя.

Подъ именемъ частныхъ надобно разумѣть такъ называемыя обо, которыя устраивало каждое поколѣніе въ своемъ владѣніи. Сооруженіе обо и жертвоприношеніе при нихъ дѣлались встарину довольно просто. Шаманъ объявлялъ, что духи, покровители околodka, избрали мѣстомъ своего пребыванія такой-то холмъ или гору. На этомъ мѣстѣ дѣлали небольшую насыпь изъ земли и каменьевъ съ нѣкоторыми обрядами, и обо было готово. Это были нѣкотораго рода храмы, гдѣ жители приносили свои жертвы богамъ своей страны. Обо дѣлали большею частью при дорогахъ для того, чтобы великій проѣзжающій могъ положить на него какую нибудь вещь; напримѣръ: волосъ изъ гривы коня, какъ жертву богу, пребывающему въ обо, чтобы списать его покровительство въ предстоящемъ путешествіи. Въ извѣстное время года жители дѣлали при обо торжественное жертвоприношеніе.

По принятіи буддизма обо сохранились подобно многимъ другимъ религіознымъ обычаямъ народа, хотя они и подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Распространеніе новыхъ религіозныхъ понятій не могло уничтожить жертвоприношеній при обо, ибо это былъ родъ народныхъ праздниковъ, о которыхъ жители сожалѣли бы больше всего. Лучше казалось дать обо нѣкоторое буддійское значеніе, нежели допустить, чтобы народъ оставался при шаманскихъ обрядахъ. Въ слѣдствіе такого расчета, лама Ваджрадара Мэргэнъ Діянчи составилъ двѣ книжки: «обряды и молитвы, читаемыя при обо» и «о сооруженіи обо»¹⁾. Сочинитель

1)   " пр.;   ; помѣщены въ 4-мъ томѣ его сочиненій.

говорить, что есть одна старинная монгольская рукопись объ обо, но что она уже не понятна для буддистовъ, и потому рѣшился онъ составить новый обрядникъ на основаніи этой рукописи. «Хотя составленіе такихъ книгъ, говоритъ авторъ, само по себѣ не только постыдно (ибо время ихъ уже прошло), даже непріятно для мудрыхъ; однако не возможно противиться желающимъ устраивать обо и пр.» Авторъ ничего не говоритъ о томъ, съ какими обрядами сопряженъ былъ этотъ обычай въ древности, только замѣчаетъ мимоходомъ, что онъ существуетъ съ древнѣйшихъ временъ. Впрочемъ слѣдующія его слова показываютъ, что при шаманхъ надъ обо приносимы были кровавыя жертвы: «къ чему послужать, говоритъ онъ, тѣ нечистыя и грѣшныя жертвоприношенія, кои состоятъ въ побіеніи безвредныхъ быковъ, барановъ и козловъ, подъ видомъ жертвъ, но собственно лишь для ириванія и насыщенія народа; къ чему изъ нихъ¹⁾ сердце, лить ихъ кровь, развѣшивать ихъ сало кусками и обивать (обо) полосами мокрой кожи?»

Вотъ какъ должно быть устроено и освячено обо, по новымъ руководствамъ, составленнымъ Ваджрадарою.

Оно воздвигается, какъ мѣстопребываніе геніевъ и драконовъ земли и воды, которые покровительствуютъ жителямъ мѣста, и какъ мѣсто тѣхъ жертвоприношеній, которыя совершаются въ честь этихъ существъ.

Мѣсто для обо выбирается пріятное по своему положенію, величественное, возвышенное, гористое, обильное травами и водою.

На избранномъ возвышеніи отмѣрляется кругъ извѣстной величины; тутъ изъ земли и каменьевъ дѣлаютъ насыпь, въ которую кладутъ вещи: панцырь, шлемъ, оружія и платья, великія кушанья, посуду, шелковыя ткани и лекарственныя вещества; по бокамъ должны быть также разнаго рода украшенія; на насыпь садятъ деревья или ставятъ изображеніе птицы гаруды; или, согласно съ древними обычаями, втыкаютъ въ нее лукъ, стрѣлы, копьё и мечъ. Обо должно состоять изъ многихъ такихъ словъ, и въ каждомъ словѣ свои принадлежности и украшенія: изображенія множества звѣрей, птицъ; камни и листья, съ написанными на нихъ молитвами. Вокругъ большой насыпи дѣ-

1) Тутъ кажется пропущено слово: вырывать. *Ред.*

лаются еще двѣнадцать малыхъ, такъ что всѣ тринадцать обо представляютъ весь мѣръ, какъ его изображаютъ буддисты, т. е. средняя насыпь соотвѣтствуетъ горѣ Сумэру, а прочія малыя— 12-ти двипамъ или частямъ мѣра.

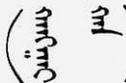
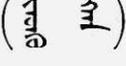
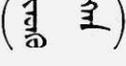
Что касается до освященія обо и обрядовъ, совершаемыхъ при этомъ случаѣ, то они происходятъ со всѣми принадлежностями буддѣйскаго богослуженія. Обрядникъ предписываетъ читать такъ много молитвъ, и приносить столь разнообразныя жертвы, что описать ихъ трудно. Кровавыя жертвы запрещены, и вмѣсто нихъ употребляются плоды, молоко, вино, сыръ и т. п. Съ молитвами и жертвами велѣно обращаться не къ однимъ мѣстнымъ божествамъ, называемымъ , т. е. богамъ обо, но къ геніямъ — всѣхъ странъ,   гада, Будада, Удіана, Шамбала, Гридракута, Тибетъ вообще, и, наконецъ, всѣ страны монгольскія. Во время службы при обо дѣлають рашіанъ, т. е. святую воду, которою окропляютъ стада.

Авторъ, наконецъ, изображаетъ важность обо, какъ сказано, по старинной рукописи (о которой упомянуто выше). Счастье въ настоящей жизни, благоденствие народа, умноженіе стадъ, увеличеніе богатствъ, удаленіе злыхъ духовъ, отвращеніе болѣзней— вотъ благодѣтельныя слѣдствія обо и жертвоприношеній его геніямъ.

По окончаніи священныя обрядовъ при обо начинаются увеселенія: скачка, борьба и пиршество, согласно древнимъ обыкновениямъ народа.

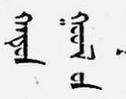
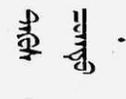
Общія священныя горы и рѣчки монголовъ суть тѣ, которымъ воздаются почести не однимъ какимъ нибудь поколѣніемъ, но всѣми монгольскими племенами. Почтеніе къ этимъ горамъ и рѣкамъ возникло въ древнѣйшія времена и поддерживается воспоминаніями народа. Хотя племя монголовъ размножилось и расселилось по пространству всей нынѣшней Монголіи, все-таки оно не могло забыть священныя мѣста своего первобытнаго отечества. Такимъ образомъ почитаніе извѣстныхъ горъ и рѣкъ сохранилось у поколѣній, даже далеко отошедшихъ отъ нихъ, и сдѣлалось общимъ для всѣхъ монголовъ.

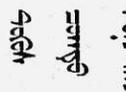
Одна рукопись предписываетъ дѣлать возліаніе изъ кумыса

слѣдующимъ горамъ и рѣкамъ: *Бурханъ-халдану* () знаменитой горѣ въ сѣверной Монголіи; около этой горы кочевали предки Чингисъ-хана; *Гэнтэй-хану* () лежащей недалеко отъ предъидущей; *Хангай-хану* () которая лежитъ также въ сѣверной Монголіи; Мунэ-хану , кажется, въ юго-западной части Монголіи и Дзэтку - хану () и другимъ, которыхъ гео графическое по () ложеніе неизвѣстно. Такую же честь велѣно воздавать слѣдующимъ рѣкамъ, которыя протекають по сѣверной Монголіи: Селенгѣ, Онону, Кэрэлуу и другимъ, которыя неизвѣстны географически. Замѣчательно, что всѣ горы, которыя здѣсь упоминаются, носятъ эпитетъ хана, т. е. царя горъ. Всѣ почти эти горы и рѣки находятся въ сѣверной Монголіи или Халхѣ, гдѣ живутъ истинные представители монгольскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, исторія показываетъ, что эта часть средней Азіи была древнѣйшимъ отечествомъ и всегдашнимъ пріютомъ монголовъ; они переходили на югъ только при важныхъ политическихъ переворотахъ.

Изъ горъ и рѣкъ южной Монголіи только гора *Мона-ханъ* (вѣроятно та, которая выше названа Мунэ-ханъ) и *Желтая рѣка* почитались священными. Въ сочиненіяхъ Ваджрадари помѣщены три небольшія книжки *), относительно жертвоприношеній имъ. Сочинитель приписываетъ большое могущество генію горы Мона-ханъ и представляетъ его покровителемъ буддизма. Г. Шмидтъ полагаетъ, что около этой горы похороненъ Чингисъ-ханъ; можетъ быть подъ геніемъ ея надобно разумѣть духъ этого завоевателя.

Нѣкоторые изъ монголовъ молились *Манихану* , богу лѣсовъ и звѣриной ловли. Народныя повѣрья представляютъ его человекомъ огромнаго роста. Онъ владѣетъ не только

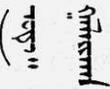
*) 1) 2) и т. д.

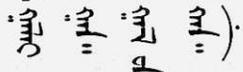
3) и пр.

лѣсами, но и животными, обитающими въ нихъ. Такимъ образомъ монголы всю землю оживили множествомъ геніевъ; во всякомъ предметѣ на землѣ они предполагали существованіе особаго духа. По словамъ одной молитвы, геніи находятся въ горахъ, водахъ, деревьяхъ, вѣтрѣ, камняхъ. Но изъ этого не надобно заключать, что вѣра древнихъ монголовъ заключалась въ фетишизмъ; они не оказывали никакого почтенія къ предметамъ, въ которыхъ поселяли духовъ; обожать генія, владѣющаго предметомъ, и обожать самый предметъ не одно и то же.

Огонь.

Почитаніе огня, свойственное многимъ народамъ древняго міра, началось въ средней Азіи въ отдаленной древности. Византійцы говорятъ, что алтайскіе турки (Тугю китайскихъ историковъ, смѣсь монгольскихъ и турецкихъ племенъ) боготворили огонь¹⁾. Земархъ, ѣздившій къ нимъ посломъ отъ византійскаго двора, долженъ былъ подвергнуться очищенію огнемъ. Извѣстно, что и монголы, въ средніе вѣка, строго соблюдали этотъ обычай.

Нѣтъ сомнѣнія, что боготвореніе огня перешло въ Монголію изъ Персіи. Оно сначала проникло отсюда къ турецкимъ племенамъ, которыя кочевали на сѣверовосточныхъ границахъ персидской монархіи²⁾, и чрезъ посредство этихъ народовъ перешло къ монголамъ. Богиня огня у монголовъ носитъ турецкое названіе *Утз* или *Отз* , т. е. огонь. Къ этому имени монголы прибавляютъ эпитетъ *Галайхана, царицы огня* .

Почтеніе къ огню у персовъ проистекало отъ основной идеи Зороастрова ученія. Они принимали нѣкоторый первоначальный огонь, который служилъ Ормузду средствомъ соединенія съ безграничнымъ временемъ, и изъ котораго этотъ богъ создалъ всѣ чистыя существа. Первоначальный огонь, по ученію Зендъ-Авесты, есть источникъ жизни и оживляетъ всѣ твари; онъ —

1) Memor. populorum etc., t. III, p. 70.

2) Говорятъ, киргизы и нынѣ приносятъ жертвы огню.

душа человѣка, источникъ его энергіи и душевныхъ способностей. Видимый огонь персы почитали какъ изображеніе невидимаго, первобытнаго огня; они считали его проявленіемъ духа и силы Бога и символомъ его, и вѣрили, что огонь имѣетъ силу доставлять человѣку знаніе будущаго, даръ слова, пищу, дѣтей¹⁾. Сверхъ того огонь, по своему происхожденію отъ божества, почитаемъ былъ персами источникомъ физической и нравственной чистоты.

Эти понятія, перешедши въ Монголію, исказились значительно. У персовъ *Издз-Адерз* (богъ огня) былъ богъ, а у монголовъ *Утз* называется матерью , слѣдовательно считалась богиней. Почтеніе къ огню у монголовъ не могло имѣть такой важности, какъ у персовъ, потому что оно съ коренными религіозными понятіями монголовъ не было тѣсно соединено, какъ въ Персіи. Богиня *Утз* почиталась подательницею счастья и богатства, но отличительное свойство ея — чистота, могущество очищать, сообщать свою чистоту. Въ этомъ монголы сходятся съ персами. Въ качествѣ очистителя огонь считался покровителемъ каждаго дома, а очагъ , гдѣ его разводять — какимъ-то святилищемъ. Домъ безъ огня не можетъ быть достойнымъ жительства человѣка; огонь, разведенный въ домѣ, очищаетъ его, какъ бы освящаетъ его. Такимъ образомъ богиня *Утз* есть нѣкотораго рода хозяйка дома: кто хочетъ вступить въ члены семейства, живущаго въ извѣстномъ домѣ, долженъ прежде поклониться ей, какъ бы прося у нея позволенія на это и поручая себя ей покровительству. Потому-то у монголовъ есть обычай, что женихъ и невѣста въ день свадьбы совершаютъ поклоненіе передъ огнемъ, приносятъ ему жертвы, что у нихъ заступаетъ мѣсто вѣнчанія. Почитая огонь источникомъ и символомъ чистоты, монголы оказывали къ нему большое уваженіе, и старались держать его въ чистотѣ; они не бросали въ него вещества, отъ которыхъ происходитъ дурной запахъ, или которыя ослабляютъ его силу и блескъ; почитали грѣхомъ лить на него воду, плевать и т. д. И жертвы, огню приносимыя, должны усиливать пламя, какъ-то: вино, масло, жиръ. Кромѣ того огню оказывали такое же почтеніе, какъ изображеніямъ

1) Зендъ-Авеста, т. I, стр. 147.

другихъ божествъ; запрещалось шагать черезъ него, замахиваться на него острымъ оружіемъ. Плато Карпини увѣряетъ, что монголы считали грѣхомъ рубить топоромъ что нибудь близъ огня, вынимать ножомъ мясо изъ котла, подъ которымъ горитъ огонь, и втыкать ножъ въ него¹⁾. Многія болѣзни, особенно наружныя, и пожаръ почитались слѣдствіемъ гнѣва Уть.

Къ огню, какъ къ очистителю, монголы прибѣгали очень часто. Способъ очищенія состоялъ въ томъ, что животное и вещь, которую надобно очищать, проводили или проносили между двухъ огней, или держали ее надъ костромъ, или окуривали. Случаевъ къ такому очищенію было очень много. Напримѣръ, если кто нибудь умретъ, то юрту, гдѣ лежалъ покойникъ, очищали огнемъ, и вещи, которыя тамъ находились, проносили между двухъ костровъ; если громомъ убьетъ животное или человѣка по близости юрты, тогда шаманъ съ особенными церемоніями очищаль ее огнемъ²⁾ и т. п. Извѣстно, что у монголовъ иноземные послы проходили между двумя огнями, если хотѣли явиться къ хану, ибо полагали, что огонь отнимаетъ у человѣка возможность совершать что нибудь злое; а послы, какъ полагали тогда монголы, могли придти къ хану съ преступными намѣреніями. Многіе изъ этихъ обычаевъ еще доселѣ сохраняются въ народѣ монгольскомъ.

Жертвы приносились огню ежедневно, каждый разъ, какъ хозяйка дома начинала ѣсть что нибудь. Сверхъ того торжественно дѣлаемо было ему жертвоприношеніе въ годъ одинъ разъ. Но мы не знаемъ, какъ они происходили по шаманскому закону, потому что нигдѣ нѣтъ описанія этого. Рукопись подъ заглавіемъ: «Книга о жертвоприношеніи богу огня» (упомянутая выше) содержитъ описаніе новаго обряда, составленнаго буддистами; въ ней такая смѣсь стараго съ новымъ, шаманскаго съ буддѣйскимъ, что изъ нея трудно составить себѣ понятіе о древнемъ обрядѣ жертвоприношенія огню.

Гораздо любопытнѣе другая рукопись «молитва огню», въ которой старое, подлинное рѣзко отличается отъ новаго, под-

1) Путешествіе къ татарамъ, стр. 89.

2) Тамъ-же, гл. 3.

дѣльнаго. Она содержитъ въ себѣ молитву, которую читаютъ во время свадебъ, когда молодые поклоняются огню, въ юртѣ родителей жениха. Молитва или гимнъ этотъ не представляетъ никакого сходства съ тѣми, которыя въ Зендъ-Авестѣ обращены къ огню. Повтореніе одной и той же мысли на нѣсколько ладовъ, простота мыслей и выраженій доказываютъ, что она народное произведеніе. Молитва эта такъ оригинальна, что при первомъ чтеніи замѣчаемъ то, что буддисты къ ней прибавили. Привожу ее здѣсь, какъ образчикъ религіозной поэзіи монголовъ:

Матерь Уть, царица огня, сотворенная изъ дерева пльма, растущаго на вершинахъ (горъ) Хангай-хана и Бурхату-хана! Ты, которая зародилась при отдѣленіи неба отъ земли, произошла отъ стопы матери Этуганъ и создана царемъ тенгріевъ! Матерь Уть, коей отецъ—твердая сталь; мать—кремень, предки—ильмовыя деревья; — которой блескъ достигаетъ до неба и проникаетъ сквозь землю! — Огонь, высѣченный небожителемъ (Чингисомъ) и разведенный царицею *Улуканъ* (матерью Чингиса)! Богиня Уть, которой приносимъ въ жертву желтое масло и бѣлаго барана, имѣющаго желтую голову! — у которой бодрый сынъ, прекрасная невѣстка и стройная дочь! Тебѣ, матеръ Уть, всегда взирающая вверхъ, приносимъ въ жертву вино чашами и жиръ пригоршнями! Даруй благополучіе царевичу (жениху) и царевнѣ (невѣстѣ) и всему народу! Поклоняемся!

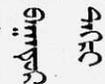
Это только начало молитвы; далѣе повторяются тѣ же восклицанія, съ небольшими переменами.

Надобно полагать, что не одни Хормусда и Уть перешли изъ Ирана къ предѣламъ Гоби. При лучшемъ знакомствѣ съ шаманствомъ монголовъ найдется въ немъ, можетъ быть, много сходнаго съ ученіемъ Зороастра. Такъ напримѣръ, монголы вмѣстѣ съ Ормуздомъ должны были познакомиться и съ Ариманомъ, извѣстнымъ уже между турецкими племенами подъ именемъ *Шайтана*, въ которомъ узнаемъ *шетанъ* (обманщикъ, лукавый), эпитетъ бога зла, употребляемый въ Зендъ-Авестѣ. Нынѣ этимъ именемъ магометанскіе татары называютъ дьявола, а языческіе — злыхъ духовъ. Между тѣмъ въ монгольской мифологіи нельзя отыскать Аримана или божества похожаго на него. Можетъ быть, онъ извѣстенъ у монголовъ подъ именемъ Эрликъ-хана, бога смерти.

Тенгри или второстепенные боги.

Слово *тенгри* въ обширномъ смыслѣ означало (у древнихъ монголовъ) небо, и вообще всякое божество; въ тѣсномъ смыслѣ оно было нарицательнымъ именемъ тѣхъ божествъ, въ которыхъ народъ олицетворялъ небесныя явленія или способности и страсти человѣческой души. Тенгри вѣчны, духовны и обитаютъ на небѣ. Къ этому же разряду боговъ надобно отнести злыхъ духовъ.

Подробное описаніе всѣхъ тенгриевъ составило бы очень любопытную статью, потому что въ ней всѣ страсти народа явились бы въ лицахъ. Но я принужденъ ограничиться упоминаніемъ только главныхъ геніевъ.

Для человѣка, который ведетъ кочевую жизнь, подверженную всѣмъ опасностямъ со стороны людей, звѣрей и самой природы, мужество есть важнѣйшая добродѣтель, безъ которой номаду нельзя обойтись, потому что онъ принужденъ воевать то съ людьми, то съ животными; онъ предоставленъ самъ себѣ, у него нѣтъ ни крѣпкихъ стѣнъ, ни особеннаго, постояннаго войска, подъ прикрытіемъ которыхъ могъ бы онъ жить спокойно. Поэтому легко понять, отъ чего *богъ храбрости* занимает почетное мѣсто на монгольскомъ Олимпѣ. Народный гимнъ изображаетъ его могучимъ и важнымъ для людей всѣхъ разборовъ, называетъ его хранителемъ царей, опгономъ (покровителемъ) простолюдиновъ, главою храбрыхъ и источникомъ сокровищъ богатыхъ¹⁾.

Авторъ гимна изображаетъ его начальникомъ небесныхъ войскъ, вооруженнымъ мечемъ и столь сильнымъ, что онъ скалы превращаетъ въ равнины. Этотъ Богатуръ Тенгри вселяетъ мужество въ воиновъ, но не участвуетъ въ войнѣ.

Во время походовъ монголы молились другому божеству, а именно *Дайчинъ-тенгри* (богу вонтелю). Они иногда приносили ему въ жертву плѣнныхъ людей, какъ видно изъ одной поэмы²⁾. Побѣду приписывали третьему божеству

1) Книга о молитвѣ и жертвоприношеніи и пр.

2) На калмыцкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Исторія Обуши - Хонгъ-Тайчки монгольскаго.*

Кисаганъ-тенгри . Покровительствуемый имъ воинъ, по словамъ рукопи си¹⁾, «убиваетъ непріятеля, снимаетъ съ него окровавленное платье, вѣшаетъ его на сѣдло, по правую сторону своего коня, а непріятельскаго коня ведетъ за собою съ лѣвой стороны (въ знакъ побѣды надъ владѣтелемъ лошади). На пути Кисаганъ-тенгри не оставляетъ побѣдителя, коню его не даетъ спотыкаться, въ опасныхъ мѣстахъ бережетъ воина, въ тѣсныхъ мѣстахъ доставляетъ ему свободный проѣздъ».

Эти три тенгри изображаютъ собою одну изъ главныхъ стихій жизни монгола — войну; другая стихія ея — скотоводство. Слѣдовательно и богъ этого промысла долженъ быть почитаемъ столько же, сколько воинственные тенгри, о которыхъ сейчасъ говорено. Богъ, покровитель стадъ и имущества, назывался *Дзаягачи*, который является въ двухъ видахъ.

I. *Дзоль-дзаягачи*, т. е. Счастіе-Дзаягачи. Хотя онъ въ самомъ дѣлѣ почитается виновникомъ счастія, однако между нимъ и фортуною древнихъ есть большая разница: фортуна благоприятствуетъ человѣку случайно, по прихоти, и рѣдкому не измѣняетъ; напротивъ Дзаягачи не оставляетъ своего кліента до тѣхъ поръ, пока того не велитъ правосудіе неба: онъ богъ счастія разумнаго, а не случайнаго, слѣпаго, какъ фортуна. Слѣдовательно, Дзаягачи есть разумная, чистая, дѣвственная природа человѣка, котораго она всегда старается отвлечь отъ всего дурнаго, противнаго природѣ; котораго защищаетъ отъ покушеній злыхъ людей и духовъ. Это заключеніе подтверждается тѣмъ, что, по мнѣнію китайскихъ философовъ, человѣческая природа сама по себѣ добра и не содержитъ въ себѣ сѣмянъ зла, которое прилѣпляется къ ней со временемъ, въ слѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Нравственно-философское вѣрованіе китайцевъ легко могло быть олицетворено монголами, не столь положительными и образованными, какъ послѣдователи Кунъ-дзы; а самое понятіе о первоначальномъ совершенствѣ человѣческой природы могло въ равной степени принадлежать обоимъ народамъ, потому что основанія ихъ религіозныхъ вѣрованій одни и тѣ же. Дзаягачи, какъ богъ счастія, печется не только о здоровьи своего лю-

1) Книга о молитвѣ и жертвоприношеніи и пр.

Общи
Узунчи

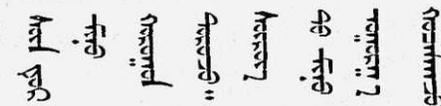
бимца, но и о матеріальномъ его благосостояніи, онъ не только защищаетъ его отъ опасностей, и удаляетъ отъ всего дурнаго, но и хранитъ его стада и имущество. Поэтому-то къ нему обращались съ молитвою: «прошу счастья у Дзаягачи-тенгри, который выкалываетъ глаза и перешибаетъ спиной хребетъ моему злодѣю . . . который опускаетъ пальцы въ молоко и бросаетъ арканъ въ стадо мое»¹⁾).

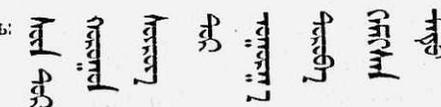
Дзоль-дзаягачи былъ въ большомъ уваженіи у народа; изображеніе его, равно какъ и Эмэгэльджи, находилось въ каждой юртѣ, гдѣ ежедневно ему приносили небольшія жертвы.

II. Другой видъ Дзаягачи называется *Эмэгэльджи-дзаягачи*, которая считалась богинею дѣтей, ихъ здоровья и счастья.

Выше было упомянуто о *деяти-тенгри*; они обыкновенно называются *аха дэу йисунъ сулдэ тэнгри*, «девятъ тенгри — покровителей, родныхъ братьевъ». Характеристическій эпитетъ ихъ *сулдэ* (покровитель) выражаетъ все ихъ значеніе; стоитъ только объяснить смыслъ этого сулдэ, чтобы понять что такое Девятъ Тенгри. Монголы приписываютъ особѣ царя нѣчто божественное, какое-то особенное могущество, которое невидимо хра-

1) Древность этой молитвы и прочихъ, находящихся въ рукописи «Книга о молитвѣ и жертвоприношеніи и т. д.», доказываеся лѣтописью (см. выше) Санаигъ-Сэцэна. У него одинъ монгольскій князь (Багатуръ-Хонгъ-тайчки) упрекаетъ калмыцкаго предводителя Эсалбэйнь-Кя въ томъ, что этотъ своею рукою вынулъ мясо изъ котла княжескаго, что почиталось грѣхомъ. Разсерженный князь не хочетъ однако прямо называть виновнаго хищникомъ или воромъ; но чтобы выразиться получше, повторяетъ слова изъ приведенной выше молитвы, какъ общезвѣстное выраженіе: «ты вынулъ своею рукою мясо изъ моего котла, какъ бы *запускалъ пальцы* (какъ говорится) въ молоко и бросалъ арканъ въ стадо». Вотъ тексты для сличенія:

Молитва: и т. д.

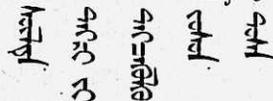
Лѣтопись: и пр. *).

Если Баторъ-Хунъ Тайчки говорилъ это въ 1574 г., то молитва эта извѣстна была еще задолго до этого времени.

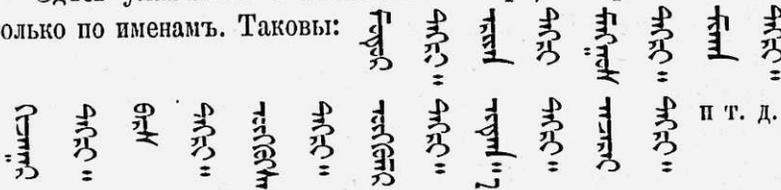
*) Geschichte d.Ost.-Mong. S. 218.

нить его подданныхъ, и это качество его называется *сулдэ*. Такъ говорится «*эдэнъ хан-у сулдэ баръ бидэ мэндү*» мы здоровы подъ *сулдэ* государя, *sous les auspices du roi*. Небо правитъ міромъ, какъ царь, и имѣетъ свое *сулдэ*; оно-то олицетворено въ Девяти Тенгри. Сулдэ царя есть отблескъ небснаго сулдэ, девяти геніевъ. Чингисъ-ханъ желалъ представить въ своемъ лицѣ Хормусду, царя неба, какъ мы уже видѣли; у него было *девять* уркуковъ (воеводъ), вмѣсто девяти геніевъ, а знамя его, состоявшее изъ девяти бунчуговъ, называлось *сулдэ*. Впрочемъ можетъ быть и прежде его монгольскіе ханы подражали небу, ибо многіе восточные народы представляли царя своего видимымъ образомъ, намѣстникомъ Бога; перскіе цари подражали Ормузду, въ организаціи своего государства; у индусовъ, по закону Ману, въ особѣ Раджи соединяются качества восьми божествъ, хранителей міра (Локапаласъ). Кромѣ того, Девятъ Тенгри, суть, можетъ быть, не что иное, какъ семь Амгуспандовъ у персіянъ, отъ которыхъ монголы заимствовали ихъ вмѣстѣ съ Хормусдою; а изъ 7 они могли сдѣлать 9, потому что послѣднее число у нихъ почиталось священнымъ. Сулдэ-тенгри, по своему характеру — по назначенію всегда покровительствовать, — сходны также съ Амгуспандами, которые подъ начальствомъ Ормузда борются съ Ариманомъ и защищаютъ твари отъ послѣдняго. Сулдэ-тенгри изображаются воинственными, какъ бы имъ предстояла борьба съ кѣмъ нибудь: въ видѣ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, вооруженныхъ мечами и копьями; на головахъ у нихъ шлемы; въ одной рукѣ каждаго изъ нихъ нагайка, въ другой флагъ; ихъ сопровождаютъ соколъ, левъ, барсъ, медвѣдь и собака¹⁾. Этихъ геніевъ не должно смѣшивать съ дзаягачи: ихъ число — девять — неизмѣнно и они защищаютъ отъ бѣдъ всѣхъ смертныхъ, а дзаягачи бываетъ свой у всякаго человѣка.

1) Изображеніе Сулдэ-тенгри взято изъ IV т. сочинен. Мэргэнъ-Діянчи; онъ составилъ книгу о жертвоприношеніяхъ этимъ геніямъ:

 пр. не такъ любопытную, какъ обѣщаетъ заглавіе.

Здѣсь умалчиваю о множествѣ тенгри, которые извѣстны только по именамъ. Таковы:

Змеи духи — считались врагами людей, добрыхъ геніевъ и даже самого неба. Изъ нихъ замѣчательны:

Эмь 𐰽𐰺, которые являются въ видѣ птицы того же имени и предвѣщаютъ своимъ явленіемъ несчастіе.

Ада 𐰽𐰺 летаютъ по воздуху, пугаютъ человѣка, распространяютъ болѣзни и внушаютъ бѣшенныя страсти.

Албинг 𐰽𐰺 любятъ обманывать людей, бродятъ по степямъ, около дорожки, зажигаютъ ложные огни (блудящій огонь). Путникъ, обманутый видомъ огня, ѣдетъ къ нему и сбивается съ пути.

Кулминг (𐰽𐰺), безобразные духи, являются въ видѣ призрака п. т. п.

Онгоны.

Поклоненіе предкамъ принадлежитъ къ числу повѣрій, находимыхъ у многихъ древнихъ народовъ. Я уже говорилъ, что источникъ его заключается въ мысли о безсмертіи души. Младенчествующій человѣкъ, который могъ имѣть только предчувствіе, а не ясное понятіе о будущей жизни, въ разныхъ странахъ неодинаково представлялъ ее себѣ. Кромѣ различныхъ мнѣній о состояніи человѣческой души послѣ смерти, мысль о безсмертіи души обнаруживается у всѣхъ народовъ въ обрядахъ, соблюдаемыхъ послѣ смерти человѣка, каковы: похороны, поминки и другіе обычаи, въ которыхъ также видна горестъ человѣка, неохотно расстающагося съ умершимъ. Отъ одного изъ такихъ обычаевъ, если вѣрить преданію, началось въ средней Азіи поклоненіе предкамъ. «Когда умиралъ у кого нибудь любимый человѣкъ, то его сыновья, дочери, старшіе и младшіе братья, сдѣлавъ фигуру на подобіе покойнаго ¹⁾, хранили ее въ своихъ домахъ: они почи-

1) Обычай дѣлать изображеніе умершаго человѣка, до сихъ поръ существуетъ у самоѣдовъ. См. путешествіе Бѣляева.

тали ее, ставили передъ ней первое блюдо, цѣловали ее и поклонились ей, говоря: «это изображеніе такого нашего (любимца)». Абулгази, котораго слова приведены здѣсь, заключаетъ: «это обыкновеніе мало по малу распространилось, и, наконецъ, явилось идолопоклонство». Это преданіе, которое Рубруквишь слышалъ изъ устъ народа, находится, по словамъ г. профессора Казембека, у одного арабскаго историка. Подъ тѣмъ, что Абулгази въ разсказѣ своемъ называетъ идолопоклонствомъ, надобно разумѣть не все шаманство, но только поклоненіе предкамъ, возникшее въ отдаленной древности у монголовъ и китайцевъ. У послѣднихъ оно начинается со времени основанія монархіи ихъ. Конфуцій считалъ весьма важною обязанностію — совершать поклоненіе передъ предками и ставить предъ ними кушанья: о добродѣтельныхъ государяхъ Ву-ванъ и Чеу-гунъ, говоритъ онъ, что они «служили своимъ умершимъ предкамъ, какъ бы живымъ». У кочевыхъ народовъ средней Азіи поклоненіе предкамъ началось также очень рано: его встрѣчаемъ у нихъ еще до Р. Х. ¹⁾. Исторія свидѣтельствуетъ, что разныя династіи, владѣвшія Монголіею до Чингисъ-хана, почти всѣ соблюдали этотъ обрядъ. Монгольская династія сохраняла его весьма строго. Плано Карпини говоритъ, что татары дѣлали поклоненіе Чингису ²⁾. Хубилай, потомокъ сего завоевателя, воцарился на китайскомъ престолѣ и въ 1263 г. выстроилъ въ Пекинѣ храмъ въ честь своихъ предковъ. Изъ этихъ фактовъ видно, что оба народа, монголы и китайцы — издревле почитали своихъ предковъ; но очень трудно рѣшить: заимствовали ли первые въ этомъ случаѣ что нибудь у послѣднихъ. Хотя у китайцевъ почтеніе къ предкамъ логически выводится изъ сыновней почтительности, составляющей у нихъ основу добродѣтелей, тѣмъ не менѣе этотъ обычай могъ родиться у самихъ монголовъ, какъ разсказываетъ Абулгази. Сверхъ того обычай приносить жертвы предкамъ существовалъ при началѣ династіи Хунну: въ ту пору номады гордились своими грубыми правами, и не желалъ ничего заимствовать отъ осѣдлыхъ китайцевъ. Наконецъ прибавимъ къ этому, что почитаніе

1) Дегинъ: Hist. génér. des Huns etc., t. I. S. p. p. 26.

2) Путеш., стр. 85.

предковъ находимъ у многихъ южныхъ и западныхъ народовъ, которые ни одной мнѳологической идеи не приняли отъ жителей Средняаго государства.

Первоначальное простое почтеніе къ предкамъ подверглось искаженію и породило *омоноузъ*. Такъ называютъ монголы души умершихъ людей, сдѣлавшіяся предметомъ уваженія или страха народнаго. Въ самыя древнія времена каждое семейство оказывало почтеніе однимъ только своимъ покойникамъ, имѣло, можетъ быть, ихъ изображенія, какъ свидѣтельствуемъ Абулгази, ставило предъ ними пищу и питье. Это было простое уваженіе къ умершему, какое было и теперь есть у китайцевъ; тогда члены семейства не приписывали душѣ своего покойника никакого вліянія на живыхъ. Но монголы съ теченіемъ времени стали вѣрить, что душа умершаго человѣка дѣйствуетъ во вредъ или пользу живыхъ, и изъ нихъ народъ создалъ новый родъ боговъ — *омоноузъ*. Такимъ образомъ исчезло простое уваженіе къ тѣнямъ предковъ, а мѣсто его заступило служеніе добрымъ и злымъ онгонамъ, душамъ людей чуждыхъ, не принадлежащихъ къ семейству поклонника. Чья душа сдѣлалась онгономъ — это опредѣлялъ шаманъ, ибо не всякій могъ сдѣлаться онгономъ; а тотъ только могъ имъ быть, кто прославился въ этомъ мѣрѣ добрымъ или злымъ; люди, оказавшіе большую пользу народу, дѣлаются онгонами добрыми; а злодѣи — злыми.

Въ этомъ дѣленіи душъ на два рода проглядываетъ уже нѣкоторое понятіе о будущемъ возмездіи за дѣла. По мнѣнію монголовъ, души добрыхъ людей живутъ спокойно на томъ свѣтѣ; напротивъ, души людей злыхъ остаются на срединѣ ^{Равнина}, т. е. они не могутъ переселиться въ тотъ свѣтъ и остаются между этимъ и тѣмъ мірами: это наказаніе за ихъ грѣхи. Злые онгоны блуждаютъ на поверхности земли и, по старой привычкѣ, вредятъ человѣку. Они вселяются въ человѣка, производятъ въ немъ болѣзни, истребляютъ дѣтей. Шаманъ узнаетъ, какой именно онгонъ причиняетъ страданіе и изгоняетъ его изъ человѣка и его жилища. Всѣхъ чаще онгонами дѣлаются души шамановъ.

Смотря по мѣстамъ и поколѣніямъ, онгоновъ такъ много, что невозможно опредѣлить ихъ число: ибо каждый околотокъ

имѣетъ своихъ онгоновъ: есть однако и признанные всѣми монголами. Между ними замѣчательно *семейство Борджигиновъ*, т. е. ханскій родъ, изъ котораго произошелъ Чингисъ и большая часть нынѣшнихъ монгольскихъ владѣтелей. Народъ считалъ души всѣхъ членовъ этого огромнаго семейства добрыми онгонами и молился имъ наравнѣ съ тешгрями. Молитва, обращенная къ нимъ, намекаетъ на многочисленность борджигиновъ, сдѣлавшихся ханами и онгонами при всѣхъ горахъ и пригоркахъ ¹⁾. Могущественнѣйшимъ изъ нихъ былъ Чингисъ, который и въ могилѣ не пересталъ быть покровителемъ и судьей своихъ потомковъ. Его престолъ не могъ быть занятъ ни кѣмъ изъ его потомковъ, безъ невидимаго дозволенія на это императора, т. е. Чингиса. Читая лѣтопись Санангъ-Сэцэна, видимъ, что поклоненіе предъ гробомъ завоевателя какъ бы заступило у монгольскихъ хановъ обрядъ коронованія и восшествія на престолъ ²⁾. Каждый вступающій на престолъ пріѣзжалъ къ восьми бѣлымъ юртамъ *«тайманъ цаганъ нэргъ»*, приносилъ жертву тѣни знаменитаго своего предка и совершалъ поклоненіе. Кто дерзалъ не признавать замогильную власть Чингиса, того онъ наказывалъ немедленно. *Тогонъ*, сынъ Эсена, калмыцкаго владѣтеля, убійствомъ проложилъ себѣ путь къ монгольскому престолу, съ небреженіемъ отозвался о Чингисѣ и мечемъ пзрубилъ его священныя юрты. Не смотря на совѣты монголовъ, онъ не хотѣлъ просить прощенія у Чингиса; непокорный Тогонъ не успѣлъ отойти отъ гроба завоевателя, какъ кровь хлынула изъ его носа и онъ — палъ мертвый. Такъ рассказываетъ Санангъ-Сэцэнъ, по словамъ котораго народъ гибель Тогона приписалъ гнѣву императора ³⁾.

Между монголами еще и теперь сохраняется почтеніе къ умершимъ владѣтелямъ. Китайскій императоръ, по политическимъ видамъ, поддерживаетъ его законами. Послѣ смерти знатныхъ монгольскихъ владѣтелей, богдо-ханъ посылаетъ отъ себя чпвовника, который приноситъ жертву предъ могилою князя и даже говоритъ къ умершему рѣчь, нарочно сочиненную предварительно ⁴⁾.

1) Книга о молитвахъ и жертвоприношеніяхъ.

2) Geschichte der Ost-Mong. S. 146, 152, 170, 184, 186, 192.

3) Ibidem 150.

4) Липовцова: Уложеніе китайской палаты вѣшнихъ сношеній.

Шаманы.

Происхождение шамановъ, жрецовъ шаманской вѣры, относится къ глубокой древности. Первое достовѣрное извѣстiе о существованiи ихъ у средне-азiйскихъ народовъ сообщаютъ намъ китайскiя лѣтописи въ началѣ VI вѣка по Р. Х. во время жужанскаго хана Чеуну¹⁾. Но начало шамановъ относится къ гораздо древнѣйшей порѣ. Много было толковъ о происхожденiи ихъ и значенiи слова *шаманъ*. Уже Фишеръ приводитъ нѣсколько мнѣнiй объ этомъ²⁾: одни думали, что оно означаетъ *воздыхающаго* и *стенящаго*; другiе говорили, что оно означаетъ человека безъ страстей—и всѣ эти толкованiя дѣлаемы были на языкахъ народовъ, неизвѣстныхъ въ Сибири, живущихъ весьма далеко отъ нея. Наконецъ, ученые, по привычкѣ все выводить изъ Индiи, начали въ ней отыскивать древнее отечество шамановъ.

Извѣстно, что буддiйскiе отшельники въ Индiи назывались по санскритски *шраманахъ* (аскеты); греки, вѣроятно, слѣдуя произношенiю какого нибудь мѣстнаго индiйскаго нарѣчiя, называли шамановъ *Саманями*. Сходство словъ шаманъ и шаманъ такъ обмануло ориенталистовъ, между прочими и Ф. Шлегеля, что они безъ всякихъ соображенiй стали шамановъ выводить отъ шрамановъ. По ихъ мнѣнiю, шраманы, среди грубыхъ жителей средней Азiи, изъ отшельниковъ превратились въ шамановъ. Но спрашивается: отъ чего буддизмъ, который послѣ эпохи Чингисъ-хана такъ глубоко укоренился въ Монголию, не могъ тамъ утвердиться въ древности? Отъ чего онъ не устоялъ тогда противъ грубости кочевыхъ народовъ, которую побѣдилъ въ послѣдствiи? Почему онъ не оставилъ въ народной вѣрѣ монголовъ никакихъ слѣдовъ по себѣ? При томъ же странно предполагать, чтобы буддiйскiе проповѣдники могли забыть все свое и сдѣлаться шаманами, — чтобы они забыли свои священныя книги, свои обряды и одѣянiе. Призыванiе духовъ, бѣснованiе шамана и его нарядъ не имѣютъ ничего общаго съ буддизмомъ. Любопытно было бы знать, какими доводами Шоттъ,

1) Suppl. à la Bibl. Orient., p. 39.

2) Сибирская исторiя стр. 37.

германскiй ориенталистъ, доказываетъ тождество шрамановъ съ шаманами. Онъ, говорятъ, написалъ цѣлую диссертацию объ этомъ. Впрочемъ и до него многiе находили какое-то небывалое сходство между буддизмомъ и шаманствомъ. Вотъ, что говоритъ Фишеръ¹⁾ о ламайской вѣрѣ: «Сiя вѣра не можетъ однакожь хвалиться никакою особенною древностию. Она составлена изъ древняго шаманскаго суевѣрiя и изъ христiанской вѣры. Изъ шаманской удержала она Фо и переселенiе душъ. Отъ христiанъ, а именно отъ несторiанъ, приняла, какъ кажется, обряды, одежды и другiя наружныя украшенiя». Г. Степановъ называетъ Шакьямуни, основателя буддизма, шаманомъ, не знаю почему. Георги увѣряетъ, что шаманскiй законъ есть корень браминскаго, ламайскаго и другихъ языческихъ толковъ.

Если шаманы не индiйскiе шраманы, то гдѣ искать начало и значенiе этого загадочнаго слова? Оно ничто иное какъ маньджурское *саманъ*, которое у нѣкоторыхъ тунгусскихъ племенъ въ Сибири произносится, вѣроятно, шаманъ. Въ словаряхъ вездѣ переводятъ его помонгольски ᠰᠠᠮᠠᠨ , т. е. шаманъ. Отецъ Иакинвъ говоритъ также, что слово ᠰᠠᠮᠠᠨ шаманъ есть маньджурское *саманъ*, но не объясняетъ его этимологически²⁾. Саманъ происходитъ отъ корня *сам*, къ которому относятся нѣсколько словъ маньджурскихъ и монгольскихъ; таковы: маньдж. *сам-арамби*, мѣшать жидкость, монг. *сам-оромой*, мѣшать жидкость, возмутить; отсюда: бултыхаться, плавать, биться; *сам-агу* — беспорядочный, распутный, возмутившiйся, бунтовщикъ, маньдж. *сам-дамби*, пляшу. Значенiе этихъ словъ вообще выражаетъ *безпокойное, возмущенное* состоянiе, слѣдовательно *саманъ* означаетъ человека *возмущеннаго, изступленнаго, восторженнаго*, какими дѣйствительно являются шаманы. Русскiе, вѣроятно, взяли это слово у тунгусовъ, живущихъ въ енисейской и иркутской губернiяхъ; ибо у другихъ сибирскихъ народовъ это слово не извѣстно, — а каждый изъ нихъ имѣетъ свои слова для означенiя шамановъ: *тарыбъ* (у самоѣдовъ), *тадыбъ* (у остяковъ), *камъ* (у татаръ), *бѣ* или *бузъ* (у бурятъ) и др.

И такъ происхожденiе шамановъ надобно искать не въ Индiи

1) Сибир. ист., стр. 39.

2) «Китай», стр. 316.

или другихъ южныхъ странахъ, но въ средней Азіи, гдѣ возникло и самое шаманство.

У всѣхъ народовъ являлись люди, отличные отъ прочихъ мечтательностію, особенною склонностію къ мистическому и чудесному, пламеннымъ воображеніемъ и знаніемъ нѣкоторыхъ силъ природы. Они дѣлаются мудрецами, волхвами, знахарями, смотря потому, чѣмъ удобнѣе дѣйствовать на умы народа. Въ этомъ классѣ людей получили свое начало шаманы, которые, какъ выражается о. Іакинъ, соединяютъ въ себѣ качества жреца, врача и волхва. Бѣлявскій, который хорошо описалъ шаманство остяковъ, такъ думаетъ о происхожденіи шамановъ¹⁾. Волхвы, жрецы и имъ подобныя люди у образованныхъ народовъ пользуются положительными знаніями въ наукахъ для поддержанія своего вліянія на народъ; но шаманъ, — хотя бы онъ и чувствовалъ призваніе къ чему-то, но не имѣлъ средствъ, которыми бы могъ дѣйствовать на своихъ дикихъ и кочевыхъ единоземцевъ; увлекаемый безпокойнымъ нравомъ, онъ прибѣгалъ къ обману, который легко ему удавался при легковѣрїи и невѣжествѣ народа. Стараясь привлечь къ себѣ вниманіе его, эти выродки, какъ ихъ называетъ Бѣлявскій, должны были приписывать себѣ качества, предъ которыми чернь болѣе всего благоговѣетъ, — власть надъ духами, способность сообщаться съ богами, потому что положительныхъ средствъ дѣйствовать на нее они не знали. Такимъ образомъ прїобрѣта уваженіе и довѣріе народа, они уже смѣлѣе стали дѣйствовать, переходя отъ одного обмана къ другому. Нѣкоторые изъ шамановъ должны были дойти до того, что сами начинали вѣрить тому, чѣмъ хотѣли сначала обманывать другихъ, какъ случается со многими мечтателями и обманщиками. Выдумка или мечта одного шамана дѣлалась истиною для того, который слѣдовалъ за нимъ и т. д. Что нѣкогда шаманами были люди особеннаго настроенія духа, какъ бы вдохновенные, а не простые обманщики — это доказывается тѣмъ, что и нынѣ шаманы бываютъ истинные и ложные. Последние суть тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ на себя званіе шамана для выгодъ своихъ безъ особенныхъ качествъ къ тому.

1) Поѣздка къ Ледовитому морю, стр. 111.

Между бурятами случалось, что нѣкоторые, послѣ тщетныхъ попытокъ сдѣлаться шаманомъ, должны были отказаться отъ своего намѣренія: ибо они не могли приводить себя въ шаманское вдохновеніе. Напротивъ, истинный шаманъ не самъ выбираетъ себѣ это званіе, а его принуждаетъ къ тому природное влеченіе, призваніе; въ такомъ человѣкѣ съ малыхъ еще лѣтъ замѣчается какое-то тревожное, раздражительное расположеніе духа. «Онъ чувствуетъ грусть, отчужденіе отъ родства, наполняетъ родительскій домъ стенаніями и воплями»¹⁾. Онъ самъ и его ближніе всѣ видятъ тутъ дѣйствіе сверхъестественной силы. Убѣжденный въ этомъ, онъ принимаетъ званіе шамана, будучи самъ обманутъ на счетъ себя, и едва-ли всегда съ цѣлью обманываетъ другихъ. Сдѣлавшись шаманомъ, онъ посвящается въ тайны искусства дѣйствовать на умы народа, изучаетъ слабую его сторону, и для своихъ выгодъ не хочетъ открыть глаза толпѣ. При томъ онъ такъ усвоиваетъ себѣ суевѣрныя понятія и частыми упражненіями въ шаманствованіи до того разстраиваетъ свой организмъ, что самъ убѣждается въ томъ, чему можетъ быть не вѣрилъ прежде²⁾.

Какъ посвящаются шаманы, чему ихъ учатъ наставники шаманы же — это ихъ тайна, которой они не сообщаютъ профанамъ. Только извѣстно, что предъ принятіемъ своего званія они подвергались нѣкотораго рода испытанію. Говорятъ даже, что у бурятъ шаманы въ это время соблюдаютъ постъ.

Относительно своихъ обязанностей шаманъ является жрецомъ, врачомъ и волхвомъ или гадателемъ. Онъ способенъ исправлять всѣ эти должности потому, что имѣетъ способность сносятся съ богами. Онъ жрецъ, потому что знаетъ волю боговъ, опредѣляетъ, чего желаютъ они отъ человѣка и совершаетъ жертвоприношеніе, какъ знатокъ обрядовъ и молитвъ. Степановъ несправедливо говоритъ, что «шаманы не отправляютъ священныхъ дѣйствій, не приносятъ мольбы, не посредничаютъ между человѣкомъ и божествомъ». Изъ описанія Бѣлявскаго и другихъ путешественниковъ можно видѣть, что у сибирскихъ

1) Енисейская губернія, ч. II, стр. 59.

2) Cf. Pallas: Reise, t. III, p. 59.

народовъ они отправляютъ обязанность жертвоприносителя. Что касается до монголовъ, то исторически извѣстно, что у нихъ жертвы, хотя не все, приносили шаманы. «По монгольскому обычаю, говорятъ китайская лѣтопись, обрядъ жертвоприношенія состоялъ въ томъ, что убивъ скотину и дѣлая возлияніе изъ кобыльяго молока, заставляли шамана молиться¹⁾». Джулиани говорятъ о бурятскихъ шаманахъ, что они суть распорядители жертвъ²⁾. Жертвоприношенія у монголовъ были постоянныя и случайныя.

Первыя происходили по случаю праздниковъ, которыхъ, по словамъ Георги, три у всѣхъ шаманскихъ народовъ: *весенній*, *лѣтній* и *осенній*.

Достоверно извѣстно, что монголы праздновали первыи и послѣдній изъ этихъ праздниковъ, съ весьма древнихъ временъ. Во время династїи Хунну, еще задолго до Р. Х. народъ собирался ежегодно (въ 5-ю луну, по кит. календарю) для жертвоприношеній предкамъ, небу, землѣ и духамъ³⁾. Это тотъ самый праздникъ, о которомъ упоминаетъ Рубруквисъ⁴⁾, потому что время, показанное имъ, приходится въ 5-ую луну китайцевъ. Онъ пишетъ, что монголы 9 мая ежегодно собирали кобылицъ изъ своихъ стадъ, чтобы посвятить ихъ богамъ, разливали кумысъ по землѣ и дѣлали большой праздникъ. Этотъ же праздникъ и нынѣ исправляется калмыками и языческими татарами, и называется у нихъ *урусъ-сара*, мѣсяць урусъ; у другихъ татаръ ему соотвѣтствуетъ *сабанъ*. Урусъ есть праздникъ обновленія природы и наступленія той поры въ году, когда земля одѣвается зеленью, когда стада приносятъ номаду новый приплодъ и обильное молоко; по этому и жертвы, которыя въ это время благодарный народъ приносятъ богамъ своимъ, состоятъ изъ молока, кумыса, пива и травъ. Въ то же время вѣряетъ свои стада покровительству божествъ, посвящая имъ животныхъ, преимущественно лошадей. Для этого монголы собирали кобылъ и привязывали ихъ къ веревкѣ, протянутой между двумя столбами; одинъ чело-

1) Тунъ-дзянь-ганьму маньдж. I т., 1261 г., стр. 21.

2) Библиотека для чтенія, т. VII, 1834.

3) Voyage en Tartarie, chap. XL, 11.

4) Voyage. Liv. I. Chap. LXV.

вѣкъ садился верхомъ на кобылу, другой на жеребца и послѣдній объѣзжалъ кругомъ собранное стадо, а первый, взявъ въ руки сосудъ съ кумысомъ, обливалъ имъ животныхъ; къ гривѣ посвященной лошади привязывали красный лоскутъ матерїи. Разумѣется, все это дѣлалось по прочтенїи шаманомъ приличныхъ молитвъ.

Осенній праздникъ у монголовъ надобно считать столь же древнимъ, какъ весенній. При династїи Хунну жители средней Азіи ежегодно осенью приносили жертвы богамъ полей и плодородія, какъ свидѣлствуютъ китайскіе историки. Изъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ, Марко Поло упоминаетъ объ этомъ праздникѣ¹⁾. Хубилай-ханъ, по словамъ этого путешественника, ежегодно, въ какой-то странѣ Монголіи, приносилъ въ жертву кумысъ, прося боговъ продолжить здоровье и жизнь его и его жевъ и дѣтей. Для приготовления кумыса доили бѣлыхъ кобылъ, потому что монголы уважали этотъ цвѣтъ. Марко Поло увѣряетъ, что этотъ обрядъ совершался 28 августа, и что онъ существуетъ у монголовъ съ незапамятныхъ временъ.

Осенній праздникъ у монголовъ называется *цаганъ-сара* (Цаганъ), бѣлый мѣсяць (такъ обыкновенно переводятъ это названіе), съ котораго въ древности начинался новый годъ между монголами. Буряты, слѣдующіе шаманству, до сихъ поръ сохраняютъ древнее времячисленіе и начинаютъ годъ съ осени; безъ сомнѣнія, нѣкогда у монголовъ было также. потому что до сихъ поръ они первый мѣсяць новаго года и самый праздникъ называютъ *цаганъ-сара*, хотя нынѣ это у нихъ бываетъ въ концѣ зимы, а не осенью. Новый годъ перенесенъ съ сентября на январь, вѣроятно при Хубилаѣ, который перенялъ все китайскіе обычаи и учрежденія; а въ Китаѣ съ древнѣйшихъ временъ годъ начинался въ концѣ зимы. Этотъ мудрый ханъ, желая угодить и монголамъ и китайцамъ, встрѣчалъ новый годъ по обычаямъ того и другаго народа; онъ ѣздилъ въ Монголію, чтобы тамъ приносить жертвы (28 августа, какъ сказано выше) и, вѣроятно, присутствовалъ при народныхъ увеселенїяхъ; между тѣмъ у него ежегодно, при пекинскомъ дворѣ, происходило велп-

1) Voyage. Liv. I. Chap. LXV.

колы́нное праздниство, по случаю наступленія новаго года по китайскому календарю; вѣроятно и монголы, которые тогда жили въ Китаѣ, слѣдовали китайскому времячисленію. Долговременное владычество монголовъ надъ Китаемъ, принятіе ими буддизма и другія обстоятельства были причиною, что цаганъ-сара навсегда перенесенъ былъ къ концу зимы. Что касается до самаго названія этого праздника, то его толкуютъ различно. Марко Поло, сообщая описаніе праздника новаго года, происходившаго при Хубилаевомъ дворѣ, увѣряетъ, что въ это время всѣ одѣвались въ *бѣлое*, отъ чего и праздникъ называется *la fête des blancs* ¹⁾. Можетъ быть Хубилаю угодно было завести такой обычай при своемъ дворѣ, но въ степи онъ никогда не могъ существовать, потому что монголы рѣдко носили платье бѣлаго цвѣта, и еще рѣже употребляли на одѣваніе что нибудь другое, кромѣ кожи. Названіе цаганъ-сара можно объяснить гораздо проще. Монголы, подобно всѣмъ кочевымъ народамъ, мѣсяцамъ своимъ давали имена, сообразныя съ переменами природы, или означали именемъ того произведенія, которое въ извѣстную пору доставляло скотоводство, или которое они преимущественно употребляли въ извѣстный мѣсяць. Такъ июнь у бурятъ называется мѣсяцемъ *травы*, августъ мѣсяцемъ *молока*. Цаганъ-сара слѣдовалъ за августомъ, какъ должно заключить изъ словъ Марко Поло, что ежегодное жертвоприношеніе происходило 28 августа; вѣроятно, это было первое число слѣдующаго мѣсяца, которымъ начинался новый годъ и который назывался цаганъ-сара, т. е. *творожнымъ* мѣсяцемъ, такъ какъ предъидущій (августъ) назывался *молочнымъ* ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, монголы и буряты осенью больше ѣдятъ творогъ, приготовленный лѣтомъ, потому что молока въ это время становится мало. И такъ цаганъ-сара значитъ творожный мѣсяць, и въ древности онъ соотвѣтствовалъ сентябрю. Во время этого праздника шаманы приносили въ жертву богамъ лошадей,

1) Voyage. Liv. II. Chap. XV.

2) Творогъ помонгольски называется *цага* ^{Цага}, а прилагательное отъ него будетъ *цаганъ* (творожный); *бѣлый* также называется *цаганъ*; приносящая *цаганъ* въ послѣднемъ, болѣе извѣстномъ значеніи его, европейцы называютъ новый годъ монголовъ бѣлымъ мѣсяцемъ. И монголы сами ошибаются такимъ же образомъ.

рогатый скотъ, овецъ, и козъ; изъ мяса ихъ дѣлалось пиршество для всего народа, сопровождаемое скачкою, борьбою и виномъ. Такимъ же увеселеніями оканчивался и урусь-сара.

Случайныхъ жертвоприношеній было весьма много. Важнѣйшіе поводы къ тому были:

1) Начатіе какого либо предпріятія. Жертву приносили тому божеству, которое считали покровителемъ челоуѣка или противникомъ его въ предстоящемъ дѣлѣ.

2) *Бользни*. Шаманъ объявлялъ, какой богъ или злой духъ виною болѣзни, и чего онъ требуетъ отъ челоуѣка. Большею частію божество соглашается, вмѣсто души больного, взять какое нибудь животное извѣстной шерсти. Когда шаману приведутъ назначенное животное, то онъ разными обрядами и кривляніями переводитъ демона изъ своего тѣла въ животное, а въ себя предварительно переселяетъ духа изъ больного. Потомъ животное колютъ, мясо съѣдаютъ все на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось жертвоприношеніе, а кожу вѣшаютъ на деревѣ.

3) Падежъ скота, частые набѣги волковъ на стада, вообще упадокъ благосостоянія. Шаманъ узнаетъ причины всему этому, и объявляетъ средства противъ несчастія. Средства эти почти всегда состояли въ жертвоприношеніи, столь выгодномъ для шамановъ.

4) Возліяніе небу, по случаю грозы, по случаю перваго грома весною, приношеніе *обо* и т. д.

Къ обязанностямъ шамана, какъ жреца, относится очищеніе огнемъ и жертвоприношеніе богинѣ Утѣ.

Шаманъ, какъ челоуѣкъ знающій волю боговъ и умѣющій прогонять злыхъ духовъ, является *врачемъ*; но не надобно думать, чтобы онъ для излеченія больного употреблялъ медицинскія средства; напротивъ того, онъ даже ихъ не любитъ. Чтобы подать помощь больному, шаманъ предписываетъ принести жертву какому нибудь богу или объявляетъ, что въ больномъ находится духъ, котораго надобно изгнать.

Для послѣдней цѣли онъ вызываетъ духа, или, какъ говорятъ монголы, (*бугэлэмуи*) *шаманстоуетъ*.

Этотъ странный обрядъ описанъ почти всѣми путешественниками, которые когда либо посѣщали Сибирь. Изъ словъ ихъ

можно заключить, что шаманы у всѣхъ сибирскихъ народовъ совершаютъ этотъ обрядъ одинаково. Готовясь къ нему, чародѣй надѣваетъ свой служебный нарядъ, который также у всѣхъ народовъ имѣетъ большое сходство. Онъ состоитъ изъ кафтана, увѣшаннаго различными бляхами и погремушками, и изъ шляпки или шлема (*оргой*), сдѣланнаго изъ кусковъ желѣза и шелковыхъ матерій. Потомъ беретъ въ руки бубень (*кэиэ*) и, ударя въ него изрѣдка, читаетъ молитвы, сидя на полу. Удары въ бубень учащаются съ каждымъ разомъ, и шаманъ болѣе и болѣе одушевляется, лице его принимаетъ дикое, удивленное выраженіе, какъ будто ему является духъ. Увеличивающееся изступленіе увлекаетъ шамана: онъ встаетъ, оставляетъ бубень, начинаетъ плясать, прыгать, кружиться, биться, произнося заклинанія и испуская ужасные вопли такъ, что пѣна выступаетъ изъ рта. Тутъ присутствующіе схватываютъ его и стараются удержать, употребляя на это большія усилія потому, что сила шамана въ это время бываетъ чрезвычайно. Наконецъ успокоившись, онъ начинаетъ дѣлать фокусы, велитъ проколоть себѣ животъ мечемъ, выкалываетъ себѣ глазъ, извергаетъ изъ рта разныя вещи и т. п. Надобно отдать справедливость шаманамъ въ томъ, что они весьма искусно дѣлаютъ свои штуки, которымъ дивятся даже европейцы. Все бѣснованіе шамана, по его увѣренію, происходитъ отъ того, что духъ изъ тѣла больного переходитъ къ шаману, и пациентъ отъ того выздоравливаетъ. Иногда случается, что шаманъ не можетъ прійти въ изступленіе; тогда всѣ присутствующіе стараются воодушевить его: кричатъ, поютъ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши. Этотъ обычай называютъ монголы *тогону*. Кромѣ того шаманы лечатъ нашептываніемъ, наговорами и пр.

3) Третье качество шамана — даръ пророчества, который ему даетъ большую силу. Способность къ пророчеству онъ получаетъ со времени посвященія въ свое званіе. Онъ предсказываетъ просто, или по гаданью. Изъ способовъ гаданія ихъ замѣчательно гаданіе по лопаткѣ: они жгутъ баранью лопатку и по трещинамъ, которыя происходятъ на ней отъ огня, предсказываютъ будущее; гадаютъ они также по полету стрѣлы и т. п.

Жертвоприношеніе и вызываніе духовъ и другіе обряды происходили въ домахъ, потому что храмовъ не было у монго-

ловъ; но у нѣкоторыхъ народовъ есть особыя мѣста для моленія, какъ у чувашъ керемети.

Образъ моленія у монголовъ во времена шаманства состоялъ въ томъ, что они складывали большой, указательный и средней палецъ, прикладывали ихъ ко лбу, и наклоняли голову. Нынѣ калмыки дѣлаютъ это въ знакъ почтительнаго привѣтствія предъ князьями. Вліяніе шамановъ на народъ было чрезвычайно велико; никто не могъ не вѣрить шаману, чего бы онъ не говорилъ: ибо шаману приписывали могущество дѣлать добро и зло людямъ чрезъ сношеніе съ богами и духами. Изъ біографіи одного знаменитаго ламы¹⁾ видно, что, по мнѣнію народа, шаманы владѣютъ силою производить бурю, дожди, громъ и молнію; то же самое объ нихъ рассказываетъ Марко Поло съ большою наивностію²⁾. Не только черныи народъ, но и ханы имѣли неограниченное довѣріе къ шаманамъ. Они часто прибѣгали къ нимъ, желая узнать: будетъ ли успѣхъ въ чемъ либо, напр. въ походѣ. Увѣренность всѣхъ въ сверхъестественномъ могуществѣ шамана была такъ велика, что по мнѣнію народа, онъ непременно долженъ былъ вылечить больного. Если послѣдній умиралъ, то думали, что чародѣй не хотѣлъ возратить ему здоровье. Мусульманскіе историки рассказываютъ, что подобное подозрѣніе было причиною кровавой вражды между двумя поколѣніями: монголами и татарами.

Паденіе шаманства.

Начало шаманства теряется въ мракѣ древности; впрочемъ исторія свидѣтельствуетъ о существованіи его у монголовъ еще задолго до Р. X. Но, сообщая первыя извѣстія объ этой религіи, китайскія лѣтописи въ то же почти время извѣщаютъ о появленіи въ средней Азіи другой вѣры, которой шаманство должно было уступить власть надъ умами. Такимъ образомъ исторія его должна состоять изъ повѣствованія объ его упадкѣ и торжествѣ новыхъ идей.

Было время, когда шаманство владычествовало надъ всѣми

1) Найджи-тойна.

2) Voyage Liv. I, chap. LXV.

народами, обитавшими отъ Волги до восточнаго океана, отъ сѣверныхъ предѣловъ Тибета и береговъ Сейхуна до полуночныхъ странъ. Но религія, возникшія въ южныхъ странахъ Азіи, начали его тѣснить уже рано. Первою изъ нихъ былъ буддизмъ. Индійскіе проповѣдники задолго до христіанской эры перешли Гималаи и распространились по берегамъ Оксуса, въ нынѣшнемъ восточномъ Туркестанѣ и Китаѣ. Въ послѣдней изъ сихъ странъ буддизмъ какъ бы покорился характеру ея жителей и оставался внутри Великой стѣны, не выступая къ предѣламъ Гоби. Изъ восточнаго Туркестана новая вѣра сдѣлала гораздо болѣе успѣховъ, нежели изъ Средняго царства. Буддизмъ введенъ былъ въ степи впервые официально Тобо-ханомъ изъ династіи Тугю, подъ конецъ VI вѣка. Такимъ образомъ шаманство стало ослабѣвать въ западныхъ частяхъ Монголіи, куда еще раньше проникло и христіанство, если вѣрны византійцамъ. Съ паденіемъ дома Тугю успѣли *ойхоры*, которые также содѣйствовали успѣху буддизма, утвердившагося около того же времени въ Тибетѣ, откуда онъ впослѣдствіи нанесъ рѣшительный ударъ шаманству. Такимъ образомъ оно уступило мѣсто новымъ вѣрованіямъ, когда возникъ исламъ. Успѣхи магометанъ противъ шаманства были такъ велики, что они, чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ своей эры, обратили въ свою вѣру множество турецкихъ племенъ на западѣ отъ Монголіи. Кромѣ того нѣкоторыя монгольскія поколѣнія основали въ сѣверномъ Китаѣ царства, и оказывали покровительство индійской вѣрѣ. Наконецъ, начались завоеванія Чингиса и его преемниковъ; они рѣшительно дали преимущество буддизму предъ всѣми другими религіями. Впрочемъ, кажется, при монгольской династіи Юань, буддизмъ имѣлъ успѣхи больше при дворѣ пекинскомъ и между знатію, нежели между монгольскимъ народомъ, который еще не оставилъ шаманства. Иначе трудно объяснить совершенное уничтоженіе буддизма въ Монголіи послѣ изгнанія монгольской династіи изъ Китая. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы бѣдственно ни было положеніе Монголіи при преемникахъ Тогонъ-Тимура, послѣ того какъ этотъ императоръ бѣжалъ изъ Пекина, все-таки невѣроятно, чтобы народъ, единственно по причинѣ безпорядка въ правленіи и другихъ бѣдствій, могъ забыть религію, если онъ ее исповѣдывалъ дѣйствительно. Упадокъ же

буддизма при ханскомъ дворѣ въ эту эпоху между прочимъ объясняется тѣмъ, что ханы смотрѣли на ламъ, какъ на виновниковъ паденія своей династіи: ибо китайцы приписываютъ, по ненависти къ буддизму, паденіе монгольской династіи чрезмѣрному усилению ламъ при дворѣ императоровъ.

Какъ бы то ни было, послѣ Тогонъ-Тимура шаманство опять взяло перевѣсъ надъ буддизмомъ, а послѣдній какъ бы преданъ былъ забвенію, но не надолго. Какъ скоро монголы сосредоточили свои силы подъ властію Даянъ-хана, буддизмъ опять явился между монголами, которые навсегда отказались тогда отъ шамановъ. Изъ среды народа вышли отличные проповѣдники новой вѣры и истребители старой. Между ними замѣчательны *Нэйджитойнъ* и *Дзая-бандида*.

Первый всю жизнь (род. 1593, ум. 1680 года) ходилъ по Монголіи, истребляя шаманство¹⁾. Почти въ одно время съ нимъ *Дзая-бандида* стремился къ той же цѣли въ Джунгаріи между калмыками. Первый старался уничтожить силу шамановъ своею простотою, добродѣтелями и простымъ правоученіемъ; второй, человекъ весьма ученый, занимался проповѣдью религіи по порученію далай-ламы и банченъ-эрдэни и, кажется, для всѣхъ успѣховъ употреблялъ въ пользу свое вліяніе на владѣтелей калмыцкихъ. По его желанію изданъ былъ законъ: «если кто будетъ поклоняться онгонамъ (изображеніямъ шаманскихъ боговъ), то съечь онгоновъ, а съ самого виновника взять лошадь и овцу; если кто заставитъ шамана или шаманку совершать службу, съ того взять лошадь, а шамана или шаманку обкуривать зловоніямъ²⁾». Такимъ образомъ шаманство стараніемъ Нэйджитойна, Дзая-бандиды и многихъ другихъ ламъ въ Монголіи истреблено было въ XVII столѣтіи. Оно сохранилось у монголовъ, подвластныхъ Россіи, до начала нашего столѣтія, когда ургинскій хутукту уничтожилъ его однимъ посланіемъ къ народу. Изъ монгольскихъ племенъ теперь придерживаются шаманства большая часть бурятъ; многіе изъ нихъ и изъ тунгусовъ уже приняли буддизмъ, а другіе христіанство.

1) См. его біографію.

2) См. біографію его на калм. языкѣ.

На западѣ шаманство также истреблялось дѣятельно. Потомки Чингисовы въ Золотой и Синей ордахъ приняли исламъ, который, при помощи чингисидовъ, перешелъ въ киргизскія и астраханскія степи и уничтожилъ шаманство у сибирскихъ татаръ. Наконецъ Россія, съ своей стороны, также подвизалась на этомъ поприщѣ и до сихъ поръ продолжаетъ распространять христіанство между финскими, турецкими и другими племенами. Такимъ образомъ шаманство, уступая побѣдоносному шествію трехъ вѣръ, уклонялось на сѣверъ, въ пустыни Сибири. Больше всѣхъ сдѣлалъ буддизмъ. Причина этого заключается, кромѣ превосходства буддизма въ нравственномъ и другихъ отношеніяхъ, еще въ уступчивости буддійскихъ проповѣдниковъ, въ ихъ снисходительности къ мѣстнымъ народнымъ привычкамъ. Также много содѣйствовали успѣхамъ буддизма политическія событія, покровительство властей, и, наконецъ, познанія ламъ. Они замѣняли народу шамановъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо они были и суть не только жрецы, но и врачи, астрономы и астрологи. Слѣдовательно, при кроткихъ правилахъ буддизма, народъ легко могъ забыть шамановъ.

Теперь шаманство, въ разныхъ видахъ, существуетъ у многихъ чувашъ, черемисъ, вотяковъ, вогуличей, остяковъ, самоѣдовъ, у нѣкоторыхъ сибирскихъ татаръ, тунгусовъ и прочихъ народовъ Сибири, на островахъ Восточнаго океана и, наконецъ, у маньджуровъ. Для окончательнаго уничтоженія шаманства, остается еще много сдѣлать: оно исчезнетъ еще не скоро, будучи защищено суровою природою отъ предприимчивости образованныхъ народовъ.

ПАЙЗЕ,

или

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ДОЩЕЧКИ СЪ ПОВЕЛѢ- НІЯМИ МОНГОЛЬСКИХЪ ХАНОВЪ.

(Записки Археологическ. Общества т. II, стр. 72.)

Изученіе въ Европѣ исторіи монголовъ и ея памятниковъ быстро подвинулось впередъ съ тѣхъ поръ, какъ ориенталисты принялись за монгольскій языкъ. Благодаря трудолюбію ученыхъ, Европа познакомилась въ переводѣ съ произведеніями потомковъ Чингиса. Кромѣ лѣтописи Санагъ-Сэцэна, переведенной и изданной покойнымъ академикомъ Шмидтомъ ¹⁾, трудолюбивый Абель-Ремюзэ обнаружилъ два письма на монгольскомъ языкѣ хановъ Олджайту и Аргуна, писанныхъ къ французскому королю Филиппу прекрасному ²⁾. Между тѣмъ привезли въ Петербургъ

1) Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetzen Chung-taidshi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus anderen unedirten Originalwerken herausgegeben von Is. Jac. Schmidt. St. Petersburg. 1829.—Observations sur l'Histoire des Mongols orientaux de Sanang-Setzen, par M. Abel-Rémusat, вѣ Nouveau Journal Asiatique, seconde série 1832, tome VIII et XI.

II. С.

2) Mémoire sur les relations politiques des princes chrétiens avec les empereurs mongols, par M. Abel-Rémusat, Paris, 1824. — Philologisch-kritische Zugabe zu den von Hrn. Abel-Rémusat bekannt gemachten, in den königlich französischen Archiven befindlichen, zwei mongolischen Original-Briefen der Könige von Persien, Argun und Öldshaitu an Philipp den Schönen; von Is. Jac. Schmidt. St. Petersburg, 1824.

II. С.

гранитную плиту съ надписью, найденную среди развалинъ, близъ береговъ Онона. Любопытство ориенталистовъ возбуждено было особенно именемъ Чингисъ-хана, которымъ начинается надпись; она, по толкованію Шмидта, значитъ: «отъ Чингисъ-хана, когда онъ, покоривъ сартагольскій народъ, воротился и положилъ конецъ враждѣ отъ прежнихъ временъ всѣхъ монгольскихъ народовъ, всѣмъ тремъ стамя тридцати пяти Елѣ (демонамъ)... въ знакъ изгнанія»¹⁾.

Но по ближайшемъ разсмотрѣніи надписи на самомъ камнѣ, который нынѣ находится въ сѣняхъ Азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ, можно замѣтить, что чтеніе и переводъ не такъ вѣрны, какъ думалъ покойный монголистъ²⁾. Эти памятники писаны такъ называемыми уйгурскими буквами, т. е. нынѣшними монгольскими. Онѣ извѣстны въ исторіи подъ именемъ уйгурскихъ потому, что взяты были монголами отъ племени Уйгуръ (турскаго или монгольскаго), и употреблялись ими даже задолго до Чингисъ-хана, если вѣрить одному преданію, сообщаемому мусульманскими историками. Гораздо позже явились у монголовъ письменна четверугольная или квадратная. Хубилайханъ, внукъ Чингиса, основатель монгольской династіи въ Китаѣ, повелѣлъ ученому тибетскому ламѣ, по имени Пакба, составить для монголовъ новыя буквы. Поводомъ къ такому нововведенію было, кромѣ династической гордости, которая хотѣла, чтобы монголы писали собственными буквами, и несовершенство уйгурской азбуки. Хубилай, какъ поклонникъ конфуціевой мудрости и поборникъ буддизма, желалъ, чтобы китайскія и буддійскія книги были переведены на родной его языкъ; по немногочисленнымъ буквами уйгуровъ невозможно было передать звукъ индійскіе,

1) Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft, von I. J. Schmidt, в Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, VI série, Sciences politiques, etc., tome II (1833). П. С.

2) Извѣстно, что еще до привезенія въ Петербургъ плиты съ Чингисовой надписью, сдѣланъ былъ въ Сибири переводъ ея, не понравившійся монголисту-академику. Г. Шмидтъ разобралъ переводъ съ большою запальчивостію, нежели справедливостію, несправедливо приписавъ его о. Іакиноу. Возникшая по этому поводу полемика перепечатана была въ Отечеств. Запискахъ 1839, т. VII, подъ заглавіемъ: «Процессъ о монгольской надписи на памятникѣ Чингисъ-хана». П. С.

тибетскіе и китайскіе, которые неизбѣжно должны были попасть въ переводъ. Пакба взялъ за основаніе новой азбуки тибетскую, придавъ буквамъ ея четверугольныя формы, отъ чего произошло и названіе *дѳрбѣлжигиъ*, «четверугольныхъ» или «квадратныхъ»; онѣ были обнародованы въ 1269 году, но не смотря на особое повелѣніе Хубилая, не вошли въ народное употребленіе. Ориенталисты долго не знали самой азбуки, потому что памятниковъ ея осталось мало, да и тѣ сдѣлались намъ извѣстны весьма недавно. Въ 1839 г. германскій филологъ Кононъ фонъ-деръ-Габеленцъ издалъ отысканный имъ въ одномъ китайскомъ сборникѣ ярлыкъ Буянту-хана, одного изъ китайскихъ чингисидовъ. Это была тарханная грамота, данная этимъ ханомъ въ 1314 году нѣкоторымъ буддійскимъ монастырямъ въ Китаѣ, писанная по монгольски квадратными буквами¹⁾.

Около того же времени, на другомъ концѣ свѣта, въ столицѣ Китая, открывалъ и изучалъ тѣ же памятники членъ нашей миссіи, архимандритъ Аввакумъ Честный. По просьбѣ китайцевъ, которые не могли разобрать древнюю грамоту, вырѣзанную на камнѣ въ городѣ Бао-динъ-фу, почтенный архимандритъ началъ трудиться надъ нею, и руководясь сходствомъ ея буквъ съ тибетскими, прочелъ ее. Оказалось, что это была грамота, данная одною ханьшей буддійскимъ монастырямъ. При разысканіяхъ по этому случаю, о. Аввакумъ нашелъ въ одномъ китайскомъ археологическомъ сборникѣ и ярлыкъ Буянту-хана. Третій памятникъ квадратныхъ письменъ есть похвальный отзывъ о книгѣ Джунъ-юнъ, написанный на китайскомъ языкѣ, но монгольскими буквами. Присоединивъ еще легенды на монетахъ китайскихъ чингисидовъ, мы исчислимъ всѣ памятники четверугольныхъ письменъ, какіе были доселѣ извѣстны. Но недавно открылся новый любопытный памятникъ ихъ.

Въ 1846 г. купецъ Ананьинъ нашелъ въ минусинскомъ округѣ енисейской губерніи серебряную дощечку съ монгольскою надписью четверугольными вызолоченными буквами. Она состояла изъ слѣдующихъ четырехъ строкъ:

1) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. II, S. 1 — 21: Versuch über eine alte mongolische Inschrift. П. С.

Тэри-инг кучунз-дурз
Мѳнкэ

Хаанз нэрэ хутуктай
болтогай. Кэнз улу бу-
ширэку, алдажу, укуку.

О. Аввакумъ, которому пришлось разбирать и эту квадратную надпись, перевелъ ее такъ: «Силою неба, имя Мункэ-хана да будетъ свято! Кто не уважитъ, (тотъ) погибнетъ, умретъ».

Съ перваго взгляда переводъ этотъ казался совершенно вѣрнымъ, потому что не противорѣчилъ ни грамматикѣ, ни правиламъ письменности монголовъ. Но при дальнѣйшемъ объясненіи надписи возникло не малое затрудненіе: Мѳнкэ-ханъ, котораго имя упоминается въ надписи, былъ предшественникъ Хубилая и умеръ въ 1259 году, десятью годами ранѣе обнаруженія квадратныхъ письменъ. Какъ могло случиться, что повелѣніе, принадлежащее этому хану, написано буквами, которыхъ при немъ не было? Г. Григорьевъ, издавая надпись и переводъ о. Аввакума съ своими примѣчаніями, объяснилъ дѣло такимъ образомъ: хотя китайцы и монголы и говорятъ, что квадратныя буквы изобрѣтены Пакбою, однако слово «изобрѣтеніе» въ устахъ восточныхъ народовъ не имѣетъ такого строгаго значенія, какъ у европейцевъ; о Пакбѣ могли сказать, что онъ «изобрѣлъ» азбуку, хотя бы заслуга въ этомъ случаѣ ограничивалась однимъ примѣненіемъ ея къ монгольскому языку, взявъ ее готовую у кого нибудь; такъ и слѣдуетъ полагать, по мнѣнію г. Григорьева: Пакба взялъ ту самую азбуку, которая въ 1036 году была составлена тангутскимъ государемъ Юань-хао для его подданныхъ; по сосѣдству и частымъ сношеніямъ, тангутская азбука могла быть въ ходу и между монголами, и слѣдовательно наша надпись, безъ нарушенія исторической истины, можетъ и должна быть отнесена ко времени Мѳнкэ-хана: она писана тангутскими буквами, до передѣлки ихъ Пакбою¹⁾.

1) Монгольская надпись времени Мѳнкэ-хана, найденная въ восточной Сибири. Чтеніе и переводъ архимандрита Аввакума, бывшаго начальника россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Издана, съ присовокупленіемъ изслѣдованія о письменахъ у монголовъ, В. В. Григорьевымъ, бывшимъ профессо-

Вскорѣ академикъ Шмидтъ объявилъ переводъ о. Аввакума и примѣчанія Григорьева неправильными по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ потому, что слово мѳнкэ въ надписи не есть собственное имя хана, а простой эпитетъ къ слову *тэгри* (небо) и значить «вѣчный», и во-вторыхъ потому, что основанья на чтеніи о. Аввакума предположенія объ употребленіи монголами тангутскихъ письменъ не имѣютъ основанія¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, большая часть писемъ и грамматъ чингисидовъ, которыя дошли до насъ въ подлинникахъ и переводахъ, начинаются фразою: *Мѳнкэ тергинз кучунз-дурз*, «силою вѣчнаго неба». Но въ нашей надписи слово *Мѳнкэ* вынесено на красную строку, какъ будто оно собственное имя владѣтельнаго лица, потому что это одна изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ формъ у китайцевъ и монголовъ, и это-то всего болѣе и склонило г. Григорьева принять *мѳнкэ* за собственное имя; въ добавокъ къ тому, имя это стоитъ между двумя строками нѣсколько выше, такъ что приходится позади слова *тэгри*, и впереди *хаанз*, и слѣдовательно должно быть отнесено къ послѣднему. Шмидтъ увѣрялъ, что оно поставлено между строками для симметріи и за недостаткомъ мѣста, — объясненіе, котораго недостаточность доказалъ Григорьевъ въ своемъ отвѣтѣ²⁾. Возраженіе Шмидта заключалось преимущественно въ этихъ двухъ пунктахъ, не касаясь другаго главнаго вопроса: точно ли тангутская азбука употреблялась у монголовъ? Правда, онъ предложилъ еще нѣкоторыя поправки въ переводѣ о. Аввакума, а отъ иныхъ потомъ и самъ отказался.

Между тѣмъ ко мнѣнію Григорьева присоединилъ свой авторитетъ патріархъ нашихъ синологовъ, о. Іакинъ³⁾. Въ изданной

ромъ восточныхъ языковъ и проч. (Отпечатано изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1846 г., т. XVI). П. С.

1) Ueber eine mongolische Quadrat-Inschrift aus der Regierungszeit der mongolischen Dynastie Juan in China, въ Bulletin scientifique, tome IV, № 9. Эти замѣчанія Шмидта напечатаны были и на русскомъ языкѣ въ Библиотекѣ для чтенія, 1846 (ноябрь) и С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1846 г., № 249. П. С.

2) Отвѣтъ г. академику Шмидту на замѣчанія его о монгольской надписи, найденной въ восточной Сибири (1846).—Второй отвѣтъ г. академику Шмидту на новыя замѣчанія его и пр. (1847). П. С.

3) Замѣчанія по поводу спора о монгольской надписи времени Мѳнкэ-хана, въ Финск. Вѣстникѣ, 1847 (іюнь). П. С.

по этому поводу статья, онъ объявилъ, что лѣтописи китайскія, говоря объ изобрѣтеніи письменъ Юань-хào и Пакбою, употребляютъ такія выраженія, которыя не выражаютъ вполнѣ изобрѣтенія новыхъ вещей, потому что этого изобрѣтенія и не было на самомъ дѣлѣ: ни Юань-хào, ни Пакба не изобрѣли ничего. Юань-хào, хорошо знавшій языкъ китайскій и тибетскій, взялъ въ основаніе своему труду тибетскую азбуку и только приспособилъ ее къ произношенію тангутскихъ звуковъ; а Пакба-лама взялъ въ основаніе тангутскія буквы Юань-хào и только приспособилъ ихъ къ произношенію монгольскихъ звуковъ. Другими словами: письмена, «изобрѣтеніе» которыхъ приписывается въ Европѣ Пакбѣ-ламѣ, вовсе не были его изобрѣтеніемъ, а составлены Юань-хào, котораго изобрѣтеніе состояло лишь въ передѣлкѣ на иной ладъ тибетской азбуки, задолго до него существовавшей. Послѣ столь яснаго признанія со стороны оріенталиста, котораго мнѣнія такъ уважаются, мнѣніе Григорьева казалось утвержденнымъ окончательно; но и Шмидтъ продолжалъ упорствовать въ своемъ мнѣніи, и вопросъ оставался не рѣшеннымъ.

Недавно явился новый памятникъ подобнаго рода и поднялъ дѣло снова.

Въ мартѣ 1848 года, баронъ Штиглицъ доставилъ въ Императорскую Академію Наукъ серебряную дощечку съ монгольской надписью уйгурскими буквами. Дощечка эта, по своей формѣ совершенно сходная съ тою, которая подала поводъ къ полемикѣ, была вырыта еще въ 1845 году въ имѣніи барона, въ селѣ Грушевкѣ, екатеринославской губерніи. Надпись на ней и украшенія сверху, которыхъ не было на прежней дощечкѣ, вызолочены и сохранились въ совершенной цѣлости: она читается весьма легко, слѣдующимъ образомъ:

*Мѡнкэ тэри-инэ кучунэ-дурэ,
екэ су джамли-инэ илээнэ-дурэ:
Абдулла-инэ джарликэ кэнэ улу
буширэку кучунэ алдаху, укуку.*

Т. е. «Вѣчнаго неба силою, великимъ соизволеніемъ и могуществомъ (его), Абдуллы повелѣнію который человекъ не повируется, (тотъ) проступится, умретъ».

Въ этой надписи нова для насъ вторая строка, которая впрочемъ находится въ ярлыкѣ Буянту-хана. Разберемъ ее подробнѣе. *Су* значитъ «авторитетъ, велчіе, воля»; лица, дѣйствовавшая отъ имени хана, ставили въ началѣ своихъ актовъ: *хагану-судурэ* «авторитетомъ» или «волею хана»; такъ въ письмѣ Аргуна, въ ярлыкѣ (еще неизданномъ) одной ханши, и то же самое въ началѣ письма Байджу, монгольского полководца, къ папѣ: *dispositione divina*, «божественнымъ расположеніемъ». *Джамли* значитъ «могущество», «чудесное могущество»; *илээнэ* «заступленіе, покровительство». Вся эта фраза выражаетъ ту защиту, то покровительство, которое небо даруетъ хану. Первые двѣ строки нашей надписи переведены были на русскій языкъ, кажется, еще очень давно; въ началѣ ярлика, даннаго Узбекомъ митрополиту Петру, говорится: «Вышняго и безсмертнаго Бога (*Мѡнкэ тэри-инэ*) силою (*кучунэ-дурэ*) и волею (*су*) и велчествомъ (*джамли*) и милостью его многою (*екэ*)». Этотъ переводъ намъ кажется вѣрнѣе, нежели тотъ, который мы видимъ у Марко-Поло. Нѣтъ сомнѣнія, что дощечка эта принадлежитъ Золотой ордѣ, и Абдулла, здѣсь упомянутый, царствовалъ по монетамъ съ 1362 или 1363 по 1368 или 1369 годъ¹⁾. Историческаго объ немъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ имѣлъ много совмѣстниковъ; можетъ быть въ 1368 и 69 годахъ онъ царствовалъ вторично; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ называется Авдуль и Овдуль; въ лѣтописи подъ 1362 годомъ сказано, что пришелъ во Владиміръ «посоль изъ Мамаевой орды отъ царя Авдула съ ярлыкомъ на великое княженіе володимірское». Первый отчетъ о вновь найденной дощечкѣ помѣщенъ мною въ «Бюлетенѣ» историко-филологическаго класса Императорской Академіи Наукъ²⁾. Но съ тѣхъ поръ открылось многое къ объясненію предмета, что и побудило меня приняться за новую статью о дощечкахъ. По этому поводу нельзя было не вспомнить полемики между нашими оріенталистами, которой краткое содержаніе мы

1) См. Френа, Монеты хановъ Золотой Орды, переводъ М. Волкова, стр. 20. II. С.

2) Bulletin de la classe hist. philol., tome V, № 9: Erklärung einer mongolischen Inschrift aus einer im Jekaterinoslawischen Gouvernement ausgegrabenen Silberplatte, von Dordshi Bansarow. Nachtrag, v. O Böchtlingk, ibid. № 12. II. С.

указали. Говорили, что споръ состоитъ изъ двухъ вопросовъ: 1) собственное ли имя или нарицательное въ надписи—слово *мѡнкэ*, и 2) употреблялся ли у монголовъ тангутскія письмена Юань-хào? Стоитъ рѣшить только одинъ изъ этихъ вопросовъ, чтобы опровергнуть или доказать другой.

Шмидтъ силлся доказать, что *мѡнкэ* въ надписи значитъ не больше, какъ «вѣчный», хотя тутъ онъ или всякій другой долженъ былъ довольствоваться предположеніями и догадками; ибо *мѡнкэ* попадаетъ въ собственныя имена только по своему положенію въ красной строкѣ, безъ всякаго подтвержденія со стороны исторіи. Мы возьмемъ другую методу и воспользуемся тѣмъ, что Шмидтъ упустилъ изъ виду: постараемся изъ достовѣрныхъ фактовъ исторіи, безъ всякихъ предположеній, вывести что-нибудь про или contra мнѣнія Григорьева объ употребленіи монголами тангутскихъ письменъ.

Китайскія и монгольскія лѣтописи ни слова не говорятъ объ этомъ. Если бы монголы взяли у тангутовъ ихъ азбуку, то это по всей вѣроятности было бы записано въ китайской лѣтописи подъ тѣмъ годомъ, въ который Чингисъ покорилъ Тангутовъ. Но ни лѣтопись династїи Юань, ни «Гань-му» (сводъ лѣтописей всѣхъ китайскихъ династїи) не упоминаютъ о заимствованіи письменъ отъ тангутовъ, тогда какъ о паденіи ихъ царства онѣ сообщаютъ довольно много данныхъ. Изъ мусульманскихъ историковъ ориенталисты выбрали множество фактовъ объ уйгурской письменности, но ни слова о тангутскихъ. Возможно ли, чтобы Рашидъ-эддинъ не зналъ, если бы монголы употребляли эти письмена? Обратимся къ свидѣтельствамъ современнымъ.

Вотъ что говоритъ Рюйсбрукъ о письменахъ тангутовъ (chap. XXXIX): «Ceux (habitants) de Tanguth écrivent de la droite à la gauche, comme les Arabes, et en montant en haut multiplient leurs lignes».

Если наша надпись писана, какъ предполагается, азбукой Юань-хào до приспособленія ея Пакбою къ монгольскому языку, то отчего же въ ней строки расположены перпендикулярно, а не горизонтально, отъ правой руки къ лѣвой? Кто еще передѣлалъ тангутскую азбуку до Пакбы? — Это свидѣтельство Рюйсбрука тѣмъ болѣе важно, что онъ былъ въ Монголіи въ

1253 году, при дворѣ того самаго Мѡнкэ-хана, котораго имя хотятъ найти въ надписи. И о письменахъ монголовъ въ то время Рюйсбрукъ выражается весьма опредѣлительно и вовсе не въ пользу заимствованія ихъ отъ тангутовъ. «Les Jugurs (уйгуры), продолжаетъ онъ, écrivent de haut en bas», и въ другомъ мѣстѣ (ch. XXVII: les Tartars ont pris leurs (уйгуровъ) lettres et leur alphabet; ils commencent par en haut, qui comme une ligne va finir en bas etc. . . . Les lettres que le chan Mangu (Мѡнкэ-ханъ) envoie à votre Majesté (къ Людовику Святому) sont écrites en langue Moal (mongole), mais en caractères Jugurs».

Плано-Карпини, бывшій въ Монголіи въ 1246 году, при Гуюкь-ханѣ, пишетъ (см. Путешествіе его, кн. 2, глава V): «Il alla (Чингисъ-ханъ) attaquer les Huires (уйгуровъ) qui étaient chrétiens Nestoriens, qu'il vainquit: et les Tartars prirent leurs lettres et caractères; car auparavant cela ils ne savaient ce que c'était que d'écrire, et aujourd'hui on appelle ces lettres-là, lettres des Mongales».

Въ китайской лѣтописи разсказывается, когда именно и по какому случаю монголы заимствовали свои буквы у уйгуровъ. Въ 1204 году Чингисъ-ханъ разбилъ владѣтеля племени Найманъ и между прочимъ взялъ въ плѣнъ главнаго сановника побѣжденнаго хана, по имени Та-та-тунъ-о. Онъ имѣлъ при себѣ печать своего повелителя. Чингисъ областалъ плѣнника и сдѣлалъ его хранителемъ своей печати. Та-та-тунъ-о зналъ уйгурское письмо, которому выучилъ старшаго сына Чингисова и другихъ монголовъ, и такимъ образомъ ввелъ его между монголами ¹⁾.

Мусульманскіе историки также сообщаютъ не мало извѣстій о письмѣ уйгурскомъ и о заимствованіи его монголами. Уже приведенныя нами свидѣтельства прямо доказываютъ, что, кромѣ династїи Юань, всѣ чингисиды писали уйгурскими буквами, которыя вывели гулагиды въ Персію и джучиды въ Кипчакъ, и употребляли его, какъ официальную азбуку, во всѣхъ дѣлахъ внутри и внѣ государствъ своихъ. Что же за нужда была Мѡнкэ-хану вдругъ писать свои повелѣнія тангутскими буквами? Марко-

1) Abel-Rémusat, Nouv. Mélang. Asiat. T. II, p. 61 et suiv.

Поло, который долго жилъ между самыми тангутами, ничего не говоритъ о заимствованіи монголами ихъ письменъ; но онъ сохранилъ намъ два перевода подобныхъ надписей (см. ниже) и въ обоихъ нѣтъ собственнаго имени хана, хотя одна надпись очевидно однозначуща съ нашею. Слово «Богъ», которымъ онъ переводитъ монгольское *тэнри*, въ обѣихъ надписяхъ его сопровождаетъ эпитетамъ. Если дадимъ больше вѣроятія историческимъ фактамъ, нежели сомнительному положенію слова *мѡнкэ* въ нашей надписи, то надобно будетъ сознаться, что въ ней имени Мѡнкэ-хана не должно быть потому, что она писана квадратными буквами, а ихъ до Хубилая монголы не могли знать.

Переходя къ самой надписи, не находимъ въ ней, кромѣ *мѡнкэ*, ничего такого, что бы говорило въ пользу предположенія нашихъ ориенталистовъ; напротивъ того, въ ней есть такіе признаки, по которымъ можно заключить, что она писана настоящими Пакбийскими буквами. Шмидтъ увѣрялъ, что слово *хаанз* имѣло бы въ себѣ знакъ родительнаго падежа (*y*), еслибъ *мѡнкэ* было собственное имя. Когда Григорьевъ возразилъ на это съ своей стороны, то академикъ началъ доказывать, что въ *хаанз* заключается «центральное понятіе», *Centralbegriff* всей фразы, отъ чего и нѣтъ при немъ знака родительнаго падежа. И въ томъ и другомъ случаѣ Шмидтъ ставилъ въ авторитетъ собственное убѣжденіе, не объяснивъ, почему онъ такъ думаетъ.

Г. Шоттъ говоритъ¹⁾, что тутъ ошибкой не поставлено знака падежа; но если бы онъ поближе былъ знакомъ съ монгольскимъ языкомъ, то безъ труда замѣтилъ бы, что *хаанз* относится къ *нэрэ* «имя», какъ прилагательное къ своему существительному, и въ этомъ случаѣ нѣтъ нужды въ падежѣ для ихъ соединенія: *хаанз-нэрэ* значитъ не имя какого нибудь хана, а вообще имя ханское, царское имя; въ противномъ случаѣ надобно было бы сказать *Мѡнкэ хаану нэрэ*, т. е. «имя хана Мѡнкэ». Это одно изъ самыхъ обыкновенныхъ правилъ монгольскаго языка. Такимъ образомъ фраза: *хаанз-нэрэ кутук-тай болтогай, кэнз улу буширеку, алдажу, укуку*, является какъ бы параграфомъ изъ монгольскихъ законовъ, общою фор-

мулою. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднюю строку находимъ въ такъ называемомъ завѣтѣ Чингисовомъ, присланномъ отъ Байджу, при письмѣ къ папѣ. Великій ханъ, который съ своей стороны прислалъ этотъ завѣтъ къ Байджу для обнародованія между западными народами, представляетъ необходимость покориться ему безъ сопротивленія: «Сіе мое постановленіе, — пишетъ онъ, — да достигнетъ до свѣдѣнія каждаго невѣжды и ученаго. И такъ, кто услышитъ это и не станетъ выполнять, тотъ да истребится, погибнетъ, умретъ» (*destructur, perdetur et morietur*)! Безъ сомнѣнія, послѣднія слова суть неукосный переводъ нашихъ *кэнз улу буширеку, алдажу, укуку*, а вся наша надпись содержитъ въ себѣ общую формулу законную, въ которой собственнаго имени хана не должно быть.

На вновь найденной надписи *мѡнкэ* стоитъ въ началѣ, въ значеніи «вѣчный»; если присоединимъ къ этому два перевода подобныхъ надписей, которые сохранились у Марко-Поло, и гдѣ вовсе нѣтъ собственнаго имени, то аналогически надобно будетъ принять *мѡнкэ* въ обыкновенномъ его значеніи «вѣчный», и допустить, что, какъ бы подобныя надписи ни варіировались, *мѡнкэ* все-таки сопровождало слово «небо», потому что вѣчность, по стариннымъ религіознымъ понятіямъ монголовъ, считалось отличительнымъ свойствомъ неба, какъ верховнаго божества. Впрочемъ, въ среднихъ фразахъ и на монетахъ встрѣчается просто: *тэриинь-кучунъ дуръ*.

Еще одинъ фактъ изъ самой надписи: если она писана азбукою Юань-хào, до приписыванія ея Пакбою, то шрифтъ нашей надписи долженъ бы имѣть какія нибудь особенности противъ настоящей Пакбийской азбуки, потому что языки монгольскій и тангутскій принадлежатъ къ двумъ разнымъ семействамъ; но, сравнивъ нашу надпись въ отношеніи почерка и орфографіи съ позднѣйшими ярлыками, которые написаны буквами Пакбы, не находимъ ни малѣйшей разницы между ними; даже знаменитое слово *мѡнкэ* въ надписи написано такъ же невѣрно, какъ и въ ярлыкѣ Буянту-хана, именно *монкха*. Наконецъ еще одинъ вопросъ: почему же китайскіе историкъ, которые довольно подробно говорятъ объ изобрѣтеніи буквъ Пакба-ламою, не упоминаютъ,

1) Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. VI, S. 326.

что онѣ взяты имъ отъ тангутовъ, если это было въ самомъ дѣлѣ такъ? Неужели этого бы не знали при дворѣ Хубилая?

Мы здѣсь перебрали все возможные факты, чтобы рѣшить вопросъ, и, куда ни обратись, нигдѣ не находимъ ни малѣйшаго доказательства въ пользу того, чтобы *мѡнкэ* въ надписи было имя хана; напротивъ, все удостовѣряетъ насъ, что оно попало въ красную, не какъ имя царствующаго хана, а по нестижимой для насъ случайной причинѣ. Можно думать, что оно попало въ красную строку по ошибкѣ гравера-китайца, не знавшаго монгольской грамоты, или что это еще слѣды обычая царствованія Мѡнкэ-хана. При немъ, какъ мы увидимъ ниже, эти дощечки уже были въ употребленіи у монголовъ. Изъ лести или для приданія надписи современной важности, могли монгольскіе секретари хана Мѡнкэ ставить нарочно слово *мѡнкэ*, которое собственно должно стоять передъ *тэнгри*, сверху между двумя строками, такъ, чтобы оно могло быть отнесено къ обѣимъ: въ первой строкѣ оно значило «вѣчный», а во второй являлось собственнымъ именемъ царствующаго хана. Но въ послѣдствіи, когда при Хубилаѣ стали переписывать эти надписи новыми буквами Пакбы, которыми велѣно писать все государственныя дѣла, слово *мѡнкэ* могло остаться, благодаря привычкѣ китайцевъ держаться строго старинны, въ томъ положеніи, какъ оно писалось при Мѡнкэ-ханѣ. Конечно, это догадка; но только ею и можно объяснить, почему *мѡнкэ* страннымъ образомъ поставлено въ надписи между строками.

Теперь о назначеніи этихъ дощечекъ. Когда появились онѣ, все согласны были въ томъ, что онѣ давались чиновникамъ на дорогу, какъ открытые листы. Объясняя вновь открытую дощечку, я придалъ имъ слишкомъ большую важность: ошибка была тутъ очень естественна, потому что мы не имѣли тогда никакихъ положительныхъ доказательствъ, которыя бы могли разъяснить вопросъ. Статья о новой надписи уже была напечатана, какъ я нашелъ въ Путешествіи Марко-Поло объясненія этихъ памятниковъ; векорѣ оказалось, что Катрмеръ, Д'Оссонъ и Гаммеръ уже приводили эти извѣстія венеціанскаго путешественника, именно говоря о такъ называемыхъ паизѣ, о которыхъ часто упоминаютъ персидскіе историки эпохи гулагидовъ.

«Въ словарѣ Бурхани-кати, говоритъ Катрмеръ ¹⁾, находится слѣдующее толкованіе: слово паизе означаетъ грамоту, которую царь жалуетъ какому либо лицу и которая доставляетъ сему послѣднему право на обще повиновеніе». Паизе, замѣчаетъ тотъ же ориенталистъ, не были исключительно золотыя; ибо авторъ Джиганъ-кюшай упоминаетъ о золотыхъ и серебряныхъ. Тотъ же авторъ говоритъ о паизе съ львиною головой; въ его твореніи читаемъ: «Онъ имъ показалъ особенное вниманіе, пожаловалъ имъ паизе со львиною головою и ярлыкъ».

Такимъ образомъ нашлось настоящее названіе нашихъ дощечекъ. Марко-Поло не упоминаетъ о названіи паизе; но тѣмъ не менѣе объясняетъ ихъ назначеніе чрезвычайно ясно и обстоятельно. Вотъ цѣлая глава (Сар. III, lib. 11) изъ его Путешествія:

«Великій ханъ» (монгольскій, — въ его время Хубилай) «назначаетъ 12 самыхъ мудрыхъ изъ своихъ князей для того, чтобы они узнавали о подвигахъ офицеровъ и начальниковъ его арміи, въ особенности во время походовъ и сраженій, и доносили ему объ этомъ, чтобы ханъ, извѣщенный о ихъ заслугахъ, возвышалъ ихъ по достоинствамъ. Такъ производятъ онъ сотниковъ въ тысячники, жалуетъ имъ много серебряныхъ вещей и обычныя дощечки или значки, показывающіе приказъ или благородство. Дощечки, которыя даются сотникамъ, бываютъ серебряныя, тысящикамъ золотыя или серебряныя позолоченыя; а темники (или десятитысячники) получаютъ золотыя дощечки съ изображеніемъ львиной головы; первыя имѣютъ вѣсу 120 saggi ²⁾, а послѣднія 220. Надписи на нихъ начинаются слѣдующими словами: «Силою и могуществомъ великаго Бога, и милостью, которою онъ намъ даровалъ наше царство, да будетъ имя хана благословенно, и все тѣ, которые не повинутся приказу (вырѣзанному) на дощечкѣ, должны претерпѣть смерть и уничтоженіе».

Очевидно, что это та самая надпись, которая вырѣзана на дощечкѣ квадратными буквами, со вставкой только второй строки

1) Histoire des Mongols de la Perse. T. I, p. 133.

2) Венеціанскій saggio равнялся шестой доли унціи.

надписи на другой извѣстной намъ дощечкѣ. *Тэнри* переведено словомъ «Богъ», потому что европейцы въ средніе вѣка думали, что монголы подъ именемъ *тэнри* почитаютъ Бога; странно, что здѣсь небу придается эпитетъ «великій», неупотребительный у монголовъ. Фраза «и милостию, которою онъ намъ даровалъ наше царство» есть возможно понятный, но вольный переводъ словъ *же су джаминъ мээнъ дуръ*, которыя занимаютъ вторую строку на Абдуллинномъ пайзе; а конецъ перевода опять соотвѣтствуетъ квадратной надписи. Слова *хаанъ-нэрэ хутуктай болтогай* и т. д. переведены почти такъ, какъ у о. Аввакума.

«Начальники», продолжаетъ Марко-Поло, «у которыхъ есть эти дощечки, пользуются сопряженными съ ними привилегіями, и въ надписи прописывается, какія именно обязанности и какая власть вручена имъ. Начальникъ ста тысячъ войска или главнокомандующій надъ большою арміею имѣетъ золотую дощечку, вѣсомъ въ 300 сажки (*saggi*); на ней находятся вышеприведенныя слова, а сверху изображены левъ, солнце и луна. Онъ пользуется преимуществами своего высокаго званія, какъ они дарованы ему на его великолѣпной дощечкѣ. Когда онъ выѣдетъ, надъ его головою держатъ зонтъ, знакъ его сана и власти; когда онъ сядетъ, сидитъ въ серебряныхъ креслахъ. Великій ханъ жалуетъ нѣкоторыхъ вельможъ своего царства дощечками, на которыхъ изображенъ кречетъ; въ силу этихъ дощечекъ нѣкоторые важные князья водятъ за собою, какъ стражу своей особы, цѣлыя арміи. Они могутъ брать, по своему произволу, лошадей изъ императорскихъ конюшенъ для своего употребленія, и присвоивать себѣ лошадей офицеровъ ниже ихъ чина». — Когда дядя и отецъ Марко-Поло поѣхали въ Европу съ порученіемъ отъ хана, то онъ велѣлъ имъ дать «золотую дощечку, на которой былъ вырѣзанъ ханскій знакъ, по обычаю, введенному Его Величествомъ: тотъ, кому она дана, долженъ быть безопасно провожаемъ, вмѣстѣ съ своею свитою, отъ станціи до станціи, губернаторами всѣхъ мѣстъ, въ хаанскихъ земляхъ, и во время своего пребыванія въ какомъ-либо городѣ, замкѣ или дворѣ, имѣетъ право требовать жизненныхъ припасовъ и всякую вещь, необходимую для его удобства». Она имъ очень пригодилась на

пути, гдѣ имъ, по предъявленіи дощечки, давали все пужное и конвой. Они воротились въ Китай съ Марко-Поло. Наконецъ всѣ трое опять отправились въ Европу моремъ, въ сопровожденіи невѣсты, назначенной для Аргунъ-хана. И въ это путешествіе ханъ велѣлъ дать имъ «золотую дощечку, на которой было вырѣзано его повелѣніе, чтобы имъ оказывали свободный и безопасный пріемъ во всѣхъ частяхъ его царства, равно какъ и всякую необходимую защиту имъ и ихъ свитѣ». Когда они высадились на берегъ въ Персію, представили принцессу и собрались ѣхать въ Венецію, то правитель Персіи далъ имъ «много золотыхъ дощечекъ, изъ которыхъ каждая была 1½ локтя длиною и 5 дюймовъ шириной, а вѣсомъ въ 3 или 4 марка. На нихъ было написано: Силою вѣчнаго Бога, имя великаго хана всегда должно быть всюду почитаемо и восхваляемо, и всякій, кто не будетъ повиноваться ему, долженъ умереть, а имѣніе его конфисковать. Далѣе написано было, что трое пословъ, какъ его (великаго хана) представители, должны быть во всей землѣ принимаемы съ должнымъ уваженіемъ, всѣ требованія ихъ исполняемы, необходимый конвой имъ данъ. Все это было въ точности исполнено, и изъ многихъ мѣстъ ихъ провожала стража въ двѣсти человѣкъ».

Изо всего, что говорено о пайзе, должно полагать, что они были двухъ родовъ: одни были знаки отличія, и давались за важныя заслуги; другіе же—простые дорожные документы, охранныя грамоты для чиновниковъ, посланныхъ куда нибудь отъ хана.

Названіе пайзе, которое ориенталисты нашли у персидскихъ писателей, пришло въ Персію вмѣстѣ съ монголами изъ восточной Азіи¹⁾; оно не что иное, какъ китайское пай-дзы, «дощечка, табличка»; въ сложныхъ названіяхъ *изинь-пай*, *го-пай* оно употребляется безъ прибавочнаго дзы, его опредѣляющаго. Въ монгольскомъ языкѣ осталось это слово въ двухъ своихъ зна-

1) Мы сохранили во всей статьѣ русскую транскрипцію слова, введенную г. Банзаровымъ, хотя признаемъ ее не совсѣмъ удачною, потому что *пайзе*, не имѣя обрусѣлой формы, отстаетъ и отъ персидской транскрипціи *پایزه* пайзе (съ первымъ долгимъ слогомъ и удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) и отъ китайской *пай-дзы*. Ужъ не лучше ли употреблять форму *байса*, сохраненную въ ярлыкѣ, данномъ Алексѣю митрополиту? *П. Савельевъ.*

ченіяхъ, которыя мы ему придали выше. *Бай* доселѣ по-монгольски значитъ между прочимъ «призъ, награда», которую получаютъ на играхъ борцы и бѣгуны; а *муррингъ-бай* означаетъ особое украшеніе на попонѣ, которое даетъ право брать на дорогѣ подводы и кормъ.

Въ Китаѣ употребленіе значковъ, болѣе или менѣе похожихъ на пайзе, восходитъ до глубочайшей древности. По нашему желанію, нашъ синологъ о. Палладій Каааровъ взялъ на себя трудъ выписать изъ китайскихъ книгъ нѣкоторыя подробности объ этого рода значкахъ; съ благодарностью сообщаемъ часть ихъ, какъ введеніе въ исторію пайзе.

«При разныхъ китайскихъ династіяхъ дѣлали эти таблички или значки изъ металловъ, камней, дерева и даже шелковыхъ матерій. Назначеніе ихъ было также разнообразно: однѣ (гуи и тѣ-цзюань, грамматы, писанныя золотыми буквами) давали право на вассальное владѣніе; другія (тяо-цзы, замѣтка, гуань-фань, охранная) означали простое полномочіе или служили охранной, какъ пайзе; иныя (фу, вѣрительныя бамбуковыя дощечки) собирали вассаловъ ко двору ихъ верховнаго властелина; на цзинь-пай (золотая дощечка) и синь-пай писали объявленіе или приказаніе, посылаемое куда нибудь; съ цзинь-цзы-пай (дощечка съ золотыми буквами) курьеръ долженъ былъ проскакать 200 верстъ въ день; хо-пай были то, что наши дорожныя и проч.

«Замѣчательно также, что до династїи Хань (съ 206 до Р. Х. по 23 по Р. Х.) у китайскихъ императоровъ символомъ ихъ власти была такъ называемая вѣрительная дощца изъ красного нефрита, длиною 3 фута и шириной въ 8 дюймовъ; на обоихъ краяхъ ея было по отверстию для шнурковъ изъ бѣлаго нефрита. Надпись золотыми буквами гласила: *тянь чи ди фу си*, т. е. «неба повелѣніемъ императора вѣрительная печать». Императоръ Цинь-ши-хуанъ-ди приказалъ вырѣзать на этой печати слова: *шо у минъ юй тянь*, т. е. «принялъ волю отъ неба».

Когда пайзе взяты монголами отъ китайцевъ — опредѣлить трудно; но Марко-Поло несправедливо говоритъ, что этотъ обычай введенъ Хубилаемъ. Изъ исторіи видимъ, что въ 1218 году Чингисъ далъ своему знаменитому полководцу Мохоли титулъ

ко-ванъ, право рѣшать дѣла своимъ именемъ, клятвенную граммату и золотой значекъ¹⁾.

Достоверно, что при Мѣнкэ-ханѣ они уже употреблялись монголами. По словамъ армянскаго историка Орбеліана, Мѣнкэ-ханъ далъ царю Сембаду пайзу золотую, т. е. дощечку, на которой вырѣзано было имя Бога и имя хана. Рюнсбрукъ разказываетъ: *Mangu donna à ce Moal (посланному въ Европу) ses tablettes d'or, qui est une plaque d'or, large comme la main et longue de demi-coudée, où son ordre était gravé. Celui qui porte cela peut demander et commander tout ce qui lui plait et tout est exécuté sans délai*²⁾. Въ 1260 году Хубилай-ханъ далъ одному своему полководцу, за одержанную имъ побѣду надъ претендентами на велико-ханскій престолъ, «золотой значекъ тигра», *анжисини тасхай тэмэту*, съ изображеніемъ тигра? Безъ сомнѣнія, пайзе давались великими ханами весьма часто, какъ видно изъ словъ Марко-Поло.

Вмѣстѣ съ завоеваніями монголовъ, распространились по Азіи и пайзе. Мы уже знаемъ, что ихъ раздавали гулагиды въ Персіи, и джучиды въ Кипчакѣ; кромѣ подлиннаго пайзе Абдуллы, принадлежащаго къ разряду дорожныхъ документовъ, знаемъ, что Тимуръ-Пуладъ далъ какому-то Бей-хаджи *пайзелыкъ ярлыкъ*, т. е. ярлыкъ съ пайзе; такъ сказано въ ярлыкѣ Тохтамыша, данномъ Бей-хаджи въ 1382 г.³⁾

Теперь естественно спросить: давались-ли пайзе русскимъ князьямъ и сановникамъ отъ джучидовъ? Бывали они въ ордѣ въ великой милости у хановъ, получали ярлыки, слѣдовательно и пайзе; но я нашелъ одинъ только примѣръ полученія пайзе русскимъ человекомъ. Въ рукописномъ переводѣ ярлыка, даннаго Бердибекомъ Алексѣю, митрополиту кievскому и всея Руси чудотворцу, сказано: «байсу да ярлыкъ съ алою тамгою дали есьмы на утверженіе вамъ»⁴⁾. Передѣлка пайзе въ байсу показываетъ,

1) Въ маньджурскомъ переводѣ сказано *анжисини-тэмэту*, «золотой значекъ», а не *доронь*, «печать», которую встрѣчаемъ часто въ томъ переводѣ. О. Іакинъ (въ «Исторіи четырехъ хановъ», стр. 89) перевелъ однако «печать». Кто правъ: точно ли выразился нашъ синологъ?

2) Voyage Chap. XXXV.

3) См. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ I, стр. 338.

4) У одного изъ казанскихъ ученыхъ, А. И. Артемьева, хранится руко-

что это слово было въ употребленіи у русскихъ, стало быть и самая вещь была хорошо извѣстна имъ. Можетъ быть найдутся въ русской исторіи и другія извѣстія о пайзе³⁾.

пись, заключающая въ себѣ множество любопытныхъ отрывковъ, и въ томъ числѣ переводъ шести ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству. Ярлыки эти тѣ самыя, которые уже издалъ Григорьевъ («О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству». Москва, 1842). Въ изданіи Григорьева въ текстѣ нѣтъ слова байса, но въ выноскѣ прибавлено: вайдуса ярлыкъ, вѣроятно вмѣсто байсу да ярлыкъ, что будетъ согласно съ рукописью; вмѣсто б поставить в могъ переписчикъ.

Примѣчаніе П. Савельева. По важности этой рукописи для вопроса о пайзѣ, сообщаемъ описаніе ея, доставленное намъ А. И. Артемьевымъ.

«Рукопись моя, сборникъ конца XVII вѣка или даже начала XVIII, заключаетъ въ себѣ статьи разнаго содержанія, преимущественно же духовнаго. На листѣ 115—120 помѣщены шесть ярлыковъ: 2-ой, 3-ий, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й противу ярлыковъ, изданныхъ Григорьевымъ. Разница моего списка съ ярлыками Григорьева незначительна; важнѣйшій вариантъ именно слово байсу. Въ подлинникѣ слово это находится въ 5-мъ ярлыкѣ (у Григорьева 6-й) и вотъ въ какомъ видѣ: «Такъ рекше байсу да ярлыкъ съ алою тамгою дали есмы на «утверженіе вамъ, тетигуя лѣта, десятаго мѣа, въ 10 нова, сылгата мѣа въ «семь сотъ осьмое».

(Рукопись листъ 119-й на оборотѣ). Сравни. стр. 128 диссертациі г. Григорьева. Слова этого у него нѣтъ, а въ выноскѣ (121) сказано: «вайдуса ерлыкъ».

3) Примѣчанія, принадлежащія не Банзарову, а Савельеву, отмѣчено инициалами П. С. или полнымъ его именемъ. *Ред.*

О ВОСТОЧНЫХЪ НАЗВАНІЯХЪ НѣКОТОРЫХЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ВООРУЖЕНІЙ.

(Записки Археологическаго Общества, т. II.)

Въ статьѣ: «О татарскомъ вооруженіи, хранящемся въ музеумѣ Его Императорскаго Величества въ Царскомъ Селѣ», читанной въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Общества, замѣчено, что, «по общепринятому мнѣнію, русскіе заимствовали у татаръ вооруженія ихъ изъ колець и чешуи»¹⁾. Но, совершенно-ли достовѣрно это мнѣніе? спрашиваетъ далѣе авторъ. Вопросъ этотъ, говоритъ онъ, легко могъ бы быть разрѣшенъ, ежели бы посредствомъ сравненія было опредѣлено, что большая часть выраженій, употребляемыхъ на русскомъ языкѣ для означенія оружія и вооруженій съ XIV до XVI столѣтія, происхожденія татарскаго. Рѣшенію вопроса, по его мнѣнію, могутъ содѣйствовать ориенталисты сличеніемъ старинныхъ русскихъ названій вооруженій съ монгольскими, татарскими и т. д.²⁾ Имѣю честь предложить Обществу истолкованіе нѣсколькихъ такихъ названій, въ видѣ перваго опыта. Названія эти объяснены монгольскимъ и турецкимъ языками, по близкому сродству которыхъ ихъ нельзя рѣшительно отнести къ тому или къ другому изъ нихъ исключительно.

1) Записки Археологическо-Нумизматическаго Общества, томъ I, стр. 47.

2) Тамъ-же, стр. 48 и слѣд.

Между оборонительными оружіями древнихъ русскихъ находимъ, между прочими, бахтерець, кукякъ и тегплай; между наступательными, джидъ и сайдакъ. Предлагаю, на первый разъ, истолкованіе этихъ пяти наименованій.

I. Кукякъ, доспѣхъ изъ круглыхъ или четверугольныхъ металлическихъ пластинокъ или бляхъ, которыя набирались на суки, на бархатъ и т. п. У монголовъ доселѣ существуетъ *хуякъ* , который дѣлается изъ желѣзныхъ бляхъ, пришитыхъ къ кожѣ или къ какой-либо матеріи.

Плано-Карпини описываетъ подъ именемъ «латъ» (logica) доспѣхъ монголовъ его времени, который дѣлался у простолюдиновъ изъ ремней, связанныхъ между собою веревочками такимъ образомъ, что они составляли чешуйчатую полосу; у богатыхъ и знатныхъ людей эти доспѣхи дѣлались изъ желѣзныхъ бляхъ, набранныхъ уступами на ремни. Такъ одѣты были у монголовъ не только воины, но и лошади ихъ. Кукяки и хуяки сходны, стало быть, между собою въ общемъ устройствѣ своемъ: они состоятъ изъ бляхъ, набранныхъ на матеріи.

II. Бахтерець или бехтерець, родъ кольчуги, у которой, на боковой, нагрудной и спинной частяхъ, было, вмѣсто колець, по нѣскольку рядовъ металлическихъ дощечекъ. Названіе этого доспѣха передѣлано, безъ сомнѣнія, изъ монгольскаго *бак-тэръ*, по турецки *بکتر* (по словарю Біалки «кираса»). Мнѣ неизвѣстно хорошо устройство монгольскаго бактэра; словари толкуютъ, что это хуяки, которые носятъ отборное войско богдохана. Изъ всѣхъ соображеній можно заключить, что это тотъ-же хуякъ, но покрытый матерчатымъ или суконнымъ чехломъ. Слѣдовательно, бактэръ немногимъ отличается отъ русскаго бехтерца.

III. Тегплай былъ доспѣхъ съ короткими рукавами и высокимъ стоячимъ воротникомъ, толсто подбитый хлопчатою бумагою или пенькою. Подобный доспѣхъ и доселѣ существуетъ у монголовъ подъ именемъ *олбокъ* , между тѣмъ какъ *тэгэлэй* или *дэгэлэй* нынѣ означаетъ ть у нихъ хуякъ безъ наплечника и полъ. Но самое названіе тэгэлэй (отъ существительнаго *тэгэлъ* *تكلم* «шитье, стежка», происходящаго отъ *تكلمك* шить) показываетъ, что первоначально подъ этимъ названіемъ

монголы разумѣли тотъ доспѣхъ, который нынѣ они называютъ олбокомъ, то-есть дрене-русскій тегплай.

Части, изъ которыхъ состояли доспѣхи, носятъ всѣ названія чисто-русскія; таковы: подборъ, подзоръ, ожерелье, запонъ, доски, кругъ, зарукавья, наколѣнники, наручи и т. п. Только часть, защищавшая ноги, называлась батарлыкъ или бутурлыкъ, названіемъ турецко-татарскимъ *بتورلق* (*бутурлыкъ*), которое значитъ «панталоны» или «напоясникъ».

Между наступательными старинными орудіями русскихъ находимъ:

IV. Джидъ, метательное копье. У монголовъ и нынѣ копье вообще называется не иначе, какъ *джида* или *дсада* . Чахолъ для лука у русскихъ назывался тохтуй; у монголовъ *токтуй* или *доктуй* означаетъ вообще чахолъ, а въ тѣсномъ смыслѣ кожаный чахолъ, сдѣланный по формѣ лука и употребляемый для защиты лука отъ сырости и для ношенія его на плечѣ.

V. Сайдакъ, сагадакъ или саадакъ, называли русскіе весь приборъ для стрѣляннаго, т. е. лукъ съ токуемъ и стрѣлы съ колчаномъ. У монголовъ и татаръ приборъ этотъ называется *сагадакъ* , *сайдакъ* и *садакъ*.

Вотъ опыты объясненія нѣкоторыхъ изъ множества восточныхъ названій, означавшихъ у насъ, въ старину, предметы вооруженія.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что русскіе очень мало измѣняли татарско-монгольскія слова; но что самыя вещи, ими означаемыя, у русскихъ далеко отличались отъ настоящихъ монгольскихъ и отдѣлкою и богатствомъ матерьяла. Это весьма естественно. Монголы и турецкія племена привезли съ собою грубыя произведенія степныхъ мастеровъ къ народу болѣе ихъ образованному, который ихъ усовершенствовалъ въ теченіи времени, сохранивъ имъ однако родное ихъ названіе и основную, первоначальную форму.

Сверхъ того, сохранившіеся до нынѣ въ Россіи доспѣхи и

оружія принадлежали царямъ и знатнымъ лицамъ. Приобрѣтенные заказами, покупкою или въ подарокъ отъ азіятскихъ владѣльцевъ, эти доспѣхи отличаются роскошью, далеко недоступною для простаго воина.

Все это наводитъ на мысль: заимствованія русскихъ отъ монголовъ и татаръ, въ предметахъ вооруженія, не составляли ли одну только роскошь богатаго класса народа?... Чтобы отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ, требуется весьма подробное знакомство съ памятниками древней Руси. Не принимая на себя такого труда, могу однакожь замѣтить, что заимствованное отъ востока вооруженіе не должно было изгонять собою древняго, собственно русскаго, но служило только къ дополненію и усовершенствованію послѣдняго. У русскихъ были и до XIII столѣтія мечи, копья, луки, стрѣлы, кольчуги и щиты, которые остались и послѣ того въ употребленіи, потому что новые предметы, какъ напримѣръ джидъ, бахтерецъ, северга и тому подобные, составляли только особые виды извѣстныхъ уже до того русскихъ оружій.

Нѣкоторыя части этихъ предметовъ вооруженія обозначались словами чисто восточными, какъ-то елманъ (широкая часть меча), кибить и мадянъ (части лука), набалдашникъ, — доказательство, что и въ устройствѣ (технической части) этихъ предметовъ русскіе многое заимствовали отъ востока.

Но сравнивая древне-русскую кольчугу съ монгольскимъ тегилемъ, надобно согласиться, что послѣдніе были выгоднѣе для небогатыхъ людей простотою устройства, дешевизною матерьяла, изъ котораго дѣлались, и легкостью. И потому, мнѣ кажется, можно допустить, что эти заимствованные предметы вооруженія были во всеобщемъ употребленіи. Это мнѣніе ни сколько не лишится правдоподобія, если даже допустимъ, подобно автору статьи о татарскомъ вооруженіи ¹⁾, что сохранившіяся до насъ вооруженія, которыя необходимо заставляютъ предполагать большее познаніе въ выдѣлкѣ и обработкѣ металловъ, дѣланы мастерами кавказскаго племени Кубечи, или научившимися у нихъ татарами, у которыхъ эти вооруженія должны все-таки сохра-

1) Записки, I, 49.

нить наименованіе татарское: ибо привычки, нужды и вкусъ татаръ заставили ихъ отдѣлывать свои вооруженія въ особенномъ родѣ. Но, какъ простой воинъ не могъ употреблять богатаго вооруженія, то кюяки, бахтерцы, тегилы и т. п. должны были у простаго народа сохранить ту простоту въ формѣ и отдѣлкѣ, которою они отличались у самихъ монголовъ и татаръ.

Говорятъ, что русскіе, признавъ превосходство монгольскаго вооруженія, заимствовали его у нихъ для побѣжденія врага его же оружіемъ. Мнѣ кажется, къ этому можно прибавить еще другія причины заимствованія. Извѣстно, что побѣжденные народы обязывались выставлять монголамъ войско для ихъ походовъ, а потому и русскіе нерѣдко должны были участвовать въ ихъ войнахъ междоусобныхъ или внѣшнихъ. Тутъ не только русскіе знакомилась ближе съ вооруженіемъ побѣдителей, но и послѣдніе сами могли требовать, чтобы русскіе воины вооружались, какъ слѣдуетъ, ибо Чингисъ-ханъ въ своемъ «ясакѣ» установилъ относительно вооруженія извѣстныя правила, которыя потомками строго соблюдались. Наконецъ жалованье и дары, по восточному обычаю, оружіями со стороны хана и его вельможъ не мало распространили между русскими монгольское вооруженіе. Сверхъ выше приведенныхъ названій, остается еще множество восточныхъ, для объясненія которыхъ нужно близкое знакомство съ языками турецко-татарскимъ, персидскимъ и арабскимъ; таковы: байдана, колонтарь, юшманъ, кончеръ, томарка, северга, чалдаръ и т. п.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ „МОНГОЛЬ“.

(Библиотека Восточныхъ Историковъ, И. Березина, т. I. (Казань 1849). Приложение II, стр. 10—14).

Силь-шуси

Мусульманскіе историки рассказываютъ, что у Илинджэ, праправнука Яфетова ¹⁾, было два сына: Монголь и Татаръ, которые сдѣлались родоначальниками двухъ народовъ монгольскаго и татарскаго или турецкаго. Близкое родство не помѣшало этимъ народамъ поссориться: произошла кровопролитная война, окончившаяся совершеннымъ истребленіемъ монголовъ. Изъ всего народа осталось только двое мужчинъ Нэгусъ и Каянъ или Хаянъ и двѣ женщины, которые бѣжали всѣ вмѣстѣ и укрылись въ долину Эргунаэ или Эргэнэ-хонъ. Здѣсь въ продолженіе четырехъ-сотъ-лѣтняго пребыванія поколѣніе монгольское такъ размножилось, что уже не могло помѣщаться въ долину и искало изъ нея выхода, но тропинку, по которой предки пробралась въ долину, потомки забыли: только догадливость одного кузнеца ²⁾ дала монголамъ возможность выбраться изъ Эргэнэ-хона ³⁾. Въ это время ханомъ у монголовъ былъ Бэртэчэнэ. Здѣсь монгольскіе писатели сходятся съ мусульманскими, потому что первые не знаютъ ни монгола, ни татара, ни вражды ихъ потомковъ, а начинаютъ свои

1) Здѣсь издателемъ «Библиотеки» г. Березиннымъ было сдѣлано примѣчаніе: «Этотъ Илинджэ въ нашей рукописи» (т. е. въ рукописи Шейбани-наме, текстъ и переводъ которой и составили содержаніе перваго тома «Библиотеки») «названъ Аліджа».

2) Объ этомъ см. ниже въ ст. «О названіи Эргэнэ-хонъ».

3) См. ниже въ той же статьѣ.

преданія прямо съ Бэртэчэнэ (сѣраго волка). Монгольскія лѣтописи говорятъ, что онъ былъ сынъ одного тибетскаго государя. Бѣжавъ изъ Тибета, онъ пришелъ въ Монголію, гдѣ нашелъ племя ³⁾ Бота или Бэтэ, избравшее его своимъ ханомъ, и женился на дѣвицѣ Гоа-маралъ (прекрасной лани), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Батачи или Бэтэчи, и Батасъ или Бэтэсъ. Это самое поколѣніе, какъ увѣряетъ Санангъ-Сэцэнъ, было названо при Чингисъ-ханѣ Монголь. По китайскимъ историкамъ Батачи, родоначальникъ монгольскихъ хановъ, родился отъ волка небесно-голубаго цвѣта и бѣлой дѣвкой лани ¹⁾, т. е. у нихъ монгольскія имена Бэртэ-чэнэ и Гоа-маралъ приняты въ нарицательномъ смыслѣ. Тибетскій царевичъ съ монгольскимъ именемъ, женатый на дѣвицѣ, которой имя также означаетъ животное, едва ли можетъ быть принятъ за историческое лицо. У самого Санангъ-Сэцэна есть мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что Чингисъ-ханъ, собиравсь на облаву, предсказываетъ, будто на охотѣ явится сѣрый волкъ (бэртэ-чэнэ) и прекрасная лань (гоа-маралъ), и запрещаетъ убивать ихъ; это преданіе содержитъ намекъ на то, что чингизиды производили свой родъ отъ этихъ животныхъ, что, впрочемъ, не рѣдкость въ преданіяхъ Средней Азіи. Монголы, не зная родословной своихъ владѣльцевъ далѣе Батачи, по общему обыкновению, прибѣгали къ вымыслу, и чтобъ возвысить родъ своихъ хановъ, приписали ему необыкновенное происхожденіе. Въ глазахъ набожныхъ буддистовъ еще почетнѣе было происхожденіе отъ тибетскихъ государей, и вотъ почему Бэртэ-чэнэ произведенъ ими въ тибетскіе царевичи. Если Бэртэ-чэнэ дѣйствительно существовалъ, то вѣроятнѣе всего онъ былъ изъ племени Курласъ, какъ пишутъ мусульманскіе историки.

Такимъ образомъ достовѣрная генеалогія чингизидовъ начинается съ Батачи-хана, который, можетъ быть, имѣлъ еще другое имя, ибо Батачи-ханъ значитъ просто «ханъ Батаскій, ханъ племени Бата». Можетъ быть Батачи первый сдѣлался самостоятельнымъ княземъ этого племени, и отъ него получилъ это имя: отъ того-же монголы не помнятъ его предковъ. Имя ³⁾ (Бата, Бэтэ) надѣлало шуму, когда оно, по изданіи лѣтописи сп Са-

1) Mém. relatifs à l'Asie, par Klaproth, 204.

нангъ-Сэцэна, сдѣлалось извѣстно ориенталистамъ, какъ древнее названіе поколѣнія Монголь; нѣкоторые совсѣмъ отвергали существованіе этого имени; г-нъ Шмидтъ отыскивалъ его въ историкахъ западныхъ и китайскихъ, но прибранныя имъ извѣстія едва ли относятся къ этому поколѣнію, которое до Чингисъ-хана всегда было незначительно. Если надобно допустить, что поколѣніе Монголь когда-то называлось Бата, то по какому случаю и когда возникло имя Монголь? По монгольской лѣтописи Алтанъ-тобчи оно произошло еще въ то время, когда Бѣртѣ-чино прибылъ изъ Тибета въ Монголію; г-нъ Шмидтъ, слѣдуя Санангъ-Сэцэну, думалъ, что оно дано монголамъ самимъ Чингисъ-ханомъ и произведено отъ корня *монгъ*, «строптивый», «дерзкій»¹⁾, а мусульманскіе историки производятъ его отъ *мунгъ* «слабый», «печальный».

Чтобы ни значило слово *монгъ* или *мунгъ*, по свойству самаго языка монголовъ не могло ихъ имя произойти отъ этого корня: безъ всякой натяжки оно разлагается на Мон-голь, «рѣка Монъ». Значеніе этихъ словъ прямо указываетъ, откуда произошло это имя, т. е. отъ рѣки, на которой жилъ самый народъ; такимъ-же образомъ отъ рѣки Салджа названы Салджуты, отъ рѣки Олхо—Олхонуты, отъ Хуанъ-хо или Желтой рѣки (Шира-голь) Ширайголы, и проч. Производство названія Монголь именно отъ этихъ двухъ словъ доказывается тѣмъ, что первое изъ нихъ (монъ) встрѣчается въ собственныхъ именахъ владѣтельныхъ лицъ поколѣнія Монголь: Буданцаръ Мон-ханъ «ханъ монскій», Моналунъ (жена Махадодана) «княжна монская»²⁾.

Слѣдовало-бы теперь представить эту рѣку Монъ, но мы не отыщемъ ея въ географіяхъ и на ландкартахъ, а найдемъ только гору Мона, которая зовется еще Мона-ханъ, т. е. царемъ горъ. Она возвышается въ южной Монголіи на сѣверномъ берегу Желтой рѣки противъ области Ордосъ. Изъ европейцевъ только миссіонеръ Жербильонъ, путешествуя съ китайскимъ императоромъ

1) Этотъ отрывокъ взятъ Санангъ-Сэцэномъ, вѣроятно, изъ какой-нибудь старинной поэмы, потому что онъ написанъ аллитераціально, а между прочимъ на слогъ *мо, монъ*; авторъ поэмы, занятый подборіемъ рѣмы, вовсе не думалъ объяснять происхожденія слова «монголь».

2) Это имя произведено такимъ-же образомъ, какъ другія женскія имена: Тумэлунъ отъ Тумэнъ, Алталунъ отъ Алтанъ.

Канъ-си, имѣлъ случай видѣть ее¹⁾. Около этой горы должна протекать эта рѣка, которая называлась и можетъ быть теперь называется Мон-голь; по крайней мѣрѣ въ XV-мъ столѣтіи она называлась этимъ именемъ; доказательствомъ этому служитъ то, что одно поколѣніе, поселившееся около горы Мона-ханъ и составлявшее одинъ изъ шести тумэновъ (корпусовъ, союзовъ), получило названіе Монголчинъ по мѣсту своего кочеванія²⁾. Этимъ обстоятельствомъ я былъ наведенъ на мысль искать тутъ-же объясненія общаго нынѣ имени Монголь. Не должно думать, чтобъ это Монголчинъ было то самое древнее поколѣніе, изъ котораго произошелъ Чингисъ-ханъ; старинное поколѣніе Монголь само дѣлилось на множество малыхъ ордъ, которыя, при общей переборкѣ племенъ во время Чингисъ-хана, распались на части, и собирательное имя ихъ монголь стало означать весь народъ монгольской; новое-же поколѣніе или союзъ Монголчинъ состояло изъ разныхъ ордъ, не принадлежащихъ древнему поколѣнію Монголь, и притомъ это былъ союзъ поколѣній, а не ханство, и слѣдовательно не было господствующаго поколѣнія, которое сообщило бы свое имя другимъ; по-этому союзъ назвался по кочеванью своему около горы Мона, Монголчинъ, прибавивъ конечную частицу *чинъ* для отличія отъ общаго тогда всему народу имени Монголь, которое нѣкогда возникло на тѣхъ-же мѣстахъ.

Монголы имѣютъ особенное почтеніе къ горѣ Мона. Преданіе говоритъ, что Чингисъ-ханъ, проѣзжая мимо ея въ Тангутъ, сказалъ: «Вотъ гора, достойная служить убѣжищемъ для погибающаго народа, обиталищемъ для благоденствующаго, для дряхлыхъ оленей жилищемъ въ ихъ старости, и для старцевъ мѣстомъ успокоенія». — Когда-же Чингисъ-ханъ, по словамъ Санангъ-Сэцэна, скончался въ Тангутѣ, и когда похоронная процессія его проходила мимо горы Мона, то колеса телеги, на которой везли тѣло монгольскаго монарха, ушли въ землю такъ, что телега не могла двинуться съ мѣста³⁾. По замѣчанію лѣтописи Алтанъ-Тобчи это случилось по пристрастію, которое по-

1) Duhalde, Description de l'Empire de la Chine, IV, 474.

2) Geschichte der Mongolen, 151, 153, 187, 189, 207, 243.

3) Geschichte der Ost-Mongol., 99 и 107.

койный питалъ къ горѣ Мона. Кромѣ того изъ горъ южной Монголіи Мона одна удостоилась жертвоприношеній у древнихъ монголовъ. Все это показываетъ, что какое-то историческое воспоминаніе связывало монголовъ съ этою горою.

Впрочемъ, чтобъ подтвердить мое мнѣніе, я приведу факты, которые покажутъ, что поколѣніе Монголь, по всѣмъ историческимъ указаніямъ кочевавшее постоянно въ сѣверной Монголіи, жило нѣкогда около горы Мона-хань. Извѣстно, что монголы до Чингисъ-хана составляли часть сильнаго племени татаръ (о. Іакиннѣ переименовалъ это имя въ Татань и повторяетъ, что Татань означаетъ сильное племя, къ которому принадлежали монголы и поколѣніе Татаръ, съ которыми не должно смѣшивать Татань, но еще г. Клапротъ доказалъ, что у китайскихъ историковъ Та-та и Та-тан означаютъ одно и то-же, т. е. татаръ). Въ началѣ IX столѣтія по Р. Х. татары (Татани о. Іакинвоа) изъ сѣверной Монголіи перекочевали къ Ордосу, и усилившись здѣсь, перешли опять на сѣверъ и заняли Халху¹⁾, а поколѣніе Монголь составляло часть татаръ; Клапротъ говоритъ, что этотъ переходъ татаръ на югъ случился вскорѣ послѣ 824 года²⁾. Одна китайская лѣтопись пишетъ, что когда Кидани разрушили государство народа *Мохо* (въ нынѣшней Манджуріи), то часть этого народа перешла на югъ къ горамъ Инъ-шань (въ цѣпи этихъ горъ находится наша Мона-хань), и здѣсь назвалась Та-та, т. е. здѣсь они впервые сдѣлались извѣстны китайцамъ подъ именемъ татаръ³⁾. Монголы же, составляя часть татаръ, разумѣется, перекочевали съ ними вмѣстѣ на югъ, и именно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находится гора Мона-хань. И такъ, если монголы въ началѣ IX вѣка кочевали около горы Мона-хань, то отчего-же имъ было не получить своего имени точно такимъ-же образомъ, какъ въ XIV вѣкѣ монголчины? До этого времени составляя часть татаръ, они вѣроятно назывались Бота, какъ говоритъ у Санаигъ-Сэцэна преданіе. Принятіе какимъ-либо поколѣніемъ новаго имени всегда сопряжено бываетъ у кочующаго народа съ приобретениемъ боль-

1) Записки о Монголіи, II, 175.

2) Klaproth, Mém. relatifs à l'Asie, 467.

3) Schott, Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, 25.

шей или меньшей самостоятельности; такъ и начало имени Монголь должно принять одновременнымъ съ началомъ вражды монголовъ съ прежними ихъ повелителями татарами, вражды, оконченной Чингисъ-ханомъ; съ другой стороны Китай легко могъ быть причиною отпаденія монголовъ отъ татаръ: приближеніе сильной орды татаръ къ границамъ Китая не могло не беспокоить китайцевъ, которые въ этихъ случаяхъ считаютъ за лучшее рассорить опасныхъ имъ народовъ.

И такъ для начала имени Монголь и политической значительности въ степяхъ самаго поколѣнія, подъ этимъ именемъ извѣстнаго, надобно принять первую половину IX столѣтія. И дѣйствительно, извѣстія о монголахъ, находимыя въ китайскихъ лѣтописяхъ, не простираются далѣе этой поры: въ первый разъ упоминается въ исторіи династіи Танъ (618—907) народъ Монгъ-у, жившій на южномъ берегу нынѣшней Аргунн¹⁾; стало быть извѣстіе это относится къ тому времени, когда монголы опять перешли съ береговъ Желтой рѣки на сѣверъ.

Имѣя въ виду эти факты, нельзя придавать поколѣнію Монголь ни той древности, ни той важности до Чингисъ-хана, какую хотѣли придать имъ г. г. Шмидтъ, Дегинь и о. Іакиннѣ. Г-нъ Шмидтъ, вполне вѣря тибетскому происхожденію Бөртө-чино, полагалъ, что Бөртө-чино жилъ около 73 года до Р. Х.²⁾ При своемъ вычисленіи знаменитый ориенталистъ основывался на числѣ поколѣній потомковъ Бөртө-чино до Чингисъ-хана, которыхъ было до двадцати пяти, но число владѣтелей другихъ поколѣній средней Азіи, какъ-то Хунну, Сянь-би, Жужань, Уйгуръ, Тугю, Кидань и Ню-чжи, попеременно владѣвшихъ Монголіею отъ Р. Х. до XIII столѣтія, т. е. до Чингисъ-хана, составляетъ не двадцать пять, а нѣсколько сотенъ, и невозможно, чтобъ монгольскіе владѣтели одни были такъ долговѣчны, что каждый изъ нихъ, по смерти своего отца, царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ. Такъ выходитъ по вычисленію г-на Шмидта. Столь же несправедливо Дегинь, Шмидтъ и о. Іакиннѣ старались доказать, что эта маленькая орда монголовъ владѣла среднею Азіею подъ именами Хун-

1) Schott, Aelteste Nachrichten v. Mongolen und Tataren, 19.

2) Schmidt, Forschungen, 75.

ну и Тугю. Г. Шмидтъ считаетъ Тобо-хана изъ династїи Ту-гю за одно лицо съ Добо-мэргэномъ, одиннадцатымъ предкомъ Чингисъ-хана; между тѣмъ онъ не сообразилъ своей мысли съ изданною имъ лѣтописью Санангъ-Сэцэна, въ которой Добо-мэргэнь представленъ ничтожнымъ князькомъ, бродящимъ съ своимъ народомъ около нынѣшней Урги, а одному изъ сыновей его Буданцару, при раздѣлѣ наслѣдства, достается одна только паршивая лошадь, тогда какъ Тобо-ханъ оставилъ послѣ себя цѣлую имперію.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА ЧИНГИСЪ.

(Библ. Восточн. Истор., т. I. Прилож. III, стр. 1А—1С.)

Существуетъ много толкованій на это знаменитое слово. По Абуль-гази оно происходитъ отъ *чингъ*, которое будто по-монгольски значитъ «великій», и *изъ*, окончанія превосходной степени, а по Д'Оссону отъ *чингъ* «могущественный» и *изъ*, знака множественнаго числа. Правда есть монгольское слово *чингъ*, но оно значитъ «твердый», а не великій или могущественный, окончанія-же *изъ* въ монгольскомъ языкѣ не находится. Монголы и китайцы рассказываютъ, что Чингисъ взято съ крика одной птицы. Г. Шмидтъ справедливо замѣтилъ, что это слово нынѣ не имѣетъ на монгольскомъ никакого значенія, да и искать этимологию его почти нѣтъ нужды. Кому извѣстно политическое состояніе Монголіи въ эпоху появленія Чингисъ-хана, тотъ легко пойметъ, что монгольскому завоевателю не нужно было принимать титула великаго, могущественнаго, воинственнаго и т. п., ему нуженъ былъ титулъ въ другомъ смыслѣ. До появленія Чингисъ-хана Монголія, состоя подъ вліяніемъ Китая, дробилась на множество мелкихъ племенъ, которыя назывались илами, и владѣтелямъ ихъ приличествовалъ титулъ илъ-хановъ; нѣкоторые изъ нихъ украшались китайскимъ титуломъ ванъ, князь. Если владѣтель успѣвалъ соединить подъ свою власть нѣсколько племъ, что называлось гуръ, то онъ получалъ титулъ гуръ-ханъ. Въ этомъ смыслѣ ханы Хара-китайскіе назывались гуръ-ханами, и по-этому же врагъ и соперникъ Чингиса Джамуха, на собраніи боровшихся съ

Чингисъ-ханомъ племень, былъ провозглашенъ ими гуръ-ханомъ¹⁾. Когда Тэмуджинъ покорилъ себѣ всѣ племена средней Азіи, ему нуженъ былъ приличный его положенію титулъ; побѣдивъ плъ-хановъ и гуръ-хановъ, онъ бы унизилъ себя, если бы усвоилъ себѣ ихъ званіе, ихъ, которые были его подданными. Эту самую мысль высказалъ шаманъ Бутъ-тэнгри въ рѣчи, обращенной къ Тэмучину на курилтаѣ. Не смотря на эти слова, я не могу допустить, что Чингисъ-ханъ, собравши нарочно курилтай для возшествія на престолъ и принятія новаго титула, предоставилъ присканіе этого титула шаману. Бутъ-тэнгри былъ только исполнителемъ воли Чингисъ-хана; послѣдній не только не хотѣлъ, какъ выше сказано, титула подобнаго гуръ-хану, но еще хотѣлъ быть равнымъ китайскому императору. Для этого онъ объявилъ себя сыномъ неба, и потому принятый имъ титулъ Чингисъ долженъ былъ означать нѣчто выше гуръ-хана, соответствующее китайскому хуанъ-ди «императоръ». Я думаю, что Тэмуджинъ возстановилъ древній титулъ великихъ хановъ народа Хіунъ-ну, владѣвшаго всею Монголіею съ 214 г. до Р. X. по 93 по Р. X.²⁾, титулъ Tchen-yu, Ченъ-ю, а по сѣверному китайскому или новѣйшему произношенію шанъ-юй. Китайцы, выражая этотъ титулъ по возможности своими іероглифами, толкуютъ, что это слово значить то-же, что ханъ; они же говорятъ, что Хіунъ-ну называли своихъ хановъ также тэнгри-кубу, т. е. «сынъ-неба»³⁾. Я уже замѣтилъ, что у монголовъ былъ шаманскій богъ Хаджиръ Чингисъ тэнгри «сынъ неба»⁴⁾. Слѣдовательно Хіунъ-ну рас-толковали китайцамъ значеніе Tchen-yu (Чингисъ) другими монгольскими словами тэнгри-кубунъ, и потому можно, не входя въ этимологию слова Чингисъ, принять, что оно равносильно титулу

1) О. Іакиноа, Истор. четыр. хановъ, 20, въ подлинникѣ пишется *цзюйрз* (кюрз) ханъ: въ переводѣ о. Іакиноа, не извѣстно почему, перемѣнено въ Чул-ханъ.

2) О. Іакиноа, Записки о Монголіи, II, 9.

3) Хотя Mailla говоритъ, что имя Ченъ-ю можетъ по-китайски читаться еще Танъ-жу (Tan-ju), изъ чего онъ заключаетъ, что это можетъ быть испорченное китайское Tien-tsé, тянь-дзи, т. е. сынъ неба, однако эти слова, по свойству монгольскаго языка, не могли быть превращены въ Чингисъ (Mailla, Hist. de la Chine, III, 142—143).

4) Ученныя Записки, 1846, III, 69.

«сынъ неба» или «императоръ». На это можетъ быть возразить, что въ безграмотномъ и дикомъ народѣ не могло такъ долго сохраняться преданіе о народѣ Хіунъ-ну и титулъ его хановъ; но кто будетъ спорить, что можетъ быть самое имя народа, дурно переданное намъ китайцами, существуетъ еще и нынѣ въ Монголіи, а тѣмъ меньше можетъ кто-либо утверждать, что преданіе о первомъ могущественномъ ханствѣ, давшемъ сильное движеніе всѣмъ племенамъ средней Азіи, не могло сохраниться въ Монголіи до Чингисъ-хана; всякій допустить, что преданіе могло быть искажено, могло забыть самыхъ Хіунъ-ну, но легко могло сохранить мысль, что ханъ, владѣющій всею Монголіею, называется «Чингисъ». Я даже имѣю поводъ думать, что Рашидъ-Эддинъ сохранилъ средне-азійское преданіе о Хіунъ-ну, но объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто.

О НАЗВАНІИ ЭРГЭНЭ-ХОНЪ.

(Библиот. Восточн. Истор., т. I. Прилож. IV, стр. 21—22.)

Название *ار كنه قون*, по принятой Рашидъ-Эддиномъ орфографіи монгольскихъ словъ, слѣдуетъ читать Эргэнэ-Хонъ (Хунъ, Гонъ, Гунъ), а не Эргэнэ-Конъ. Рашидъ-Эддинъ и другіе историкъ не опредѣляютъ мѣстоположенія этой долины, и потому европейскіе ученые отыскивали ее произвольно по всей Монголіи. Шмидтъ считаетъ ее за урочище Гунъ-эрги около Кюкё-нора (*Geschichte der Ost-Mongol.*, 372); Миллеръ (Сибирск. Исторія, 35) и о. Іакинъ (Истор. Обзор. Ойрат. 7) предполагаютъ ее между Алтайскими горами; Фишеръ (Сибирск. Истор., 22) около береговъ нынѣшней Аргуни. Эти разногласныя мнѣнія основаны у каждаго писателя на своихъ причинахъ: согласить ихъ невозможно, да и принять которое-нибудь изъ нихъ тоже нельзя. Поэтому мы удовольствуемся объясненіемъ самаго названія, которое Рашидъ-Эддинъ толкуетъ *كمر كوه, كمر تنل* «крутой горный скатъ». Въ нынѣшнемъ монгольскомъ языкѣ это названіе не извѣстно, однако можно доказать, что оно монгольское. *Эргэнэ* происходитъ отъ *ᠡᠷᠦᠩᠢ* эри, ярь, берегъ (какъ *ᠲᠡᠬᠤ* чахолъ, бурка отъ *ᠲᠡ* форма, *ᠰᠢᠨᠢ* все въ родѣ шашеш *ᠰᠢᠨᠢ* ницы, отъ *ᠰᠢᠮᠢᠭ* рѣзать (*ᠰᠢᠮᠢᠭ*) и *ᠬᠣᠨᠢ* будетъ значить «берегообразный, отвѣсный, крутой». Отъ слова *хонъ* остались только производныя, какъ-то *хон-хоръ*, «углубленіе», «ложбина», *хон-илъ*, «дупло», *хон-дага*, «чашка»; изъ значенія этихъ словъ видно, что корень *хонъ* долженъ означать «углубленіе», «ложбина», «скатъ» (въ якутскомъ *хону*

долина)». И такъ Эргэнэ-хонъ значить по-монгольски ложбина, падъ съ отвѣсными краями, долина, окруженная отвѣсными горами, какою и представляетъ ее преданіе. У монголовъ есть обычай давать горамъ имена самыхъ простыхъ вещей, по сходству наружной ихъ формы: такъ находимъ Алтанъ-тэбши (золотое блюдо), Тоно (дымникъ у юрты), Муна (палица, колотушка), и наконецъ мысь, на которомъ стоитъ Тобольскъ, назывался у татаръ Алтанъ-Аргинакъ. Нынѣ у монголовъ *эргэнэ* значить «шкафъ»; можно допустить, что настоящее имя нашей горы было не Эргэнэ, а Эргэнэкъ, гдѣ окончательный *к* пзчезъ отъ слѣдующей гортанной буквы. Гора Эргэнэкъ существуетъ еще и нынѣ въ южной Монголіи, и тамъ-же встрѣчаемъ названіе Хонъ въ именахъ нѣкоторыхъ горъ, какъ-то: Хара-хонъ, Улапъ-хонъ и проч. По-этому можно нѣкоторымъ образомъ признать, что древняя Эргэнэ-хонъ находилась въ цѣпи горъ, идущихъ по южной Монголіи рядомъ съ Великою Стѣною, тѣмъ болѣе, что поколѣніе Монголь нѣкогда кочевало въ этихъ мѣстахъ (см. выше ст. «О происхожденіи имени Монголь»). Впрочемъ, надобно замѣтить, что кочевые народы переходятъ иногда огромныя пространства, заселяютъ новыя мѣста, которымъ даютъ имена мѣстностей старыхъ кочевьевъ; оттого нельзя утверждать, чтобы не нашлось горы съ именемъ Эргэнэ-хонъ въ сѣверной, западной или восточной Монголіи; съ открытіемъ такой горы наша догадка о мѣстоположеніи Эргэнэ-хона уничтожается сама собою, но во всякомъ случаѣ должно признать, что объясненіе Рашидъ-Эддина справедливо.

ОБЪ ОЙРАТАХЪ И УЙГУРАХЪ.

(Библиот. Восточн. Истор., т. I. Прилож. V, стр. ۲۳.)

Мусульманскіе и китайскіе лѣтописцы упоминаютъ объ одной части Монголіи, называвшейся Баргуджинъ - Тукумъ (برقوت و جین); это названіе, которое можно перевести «Западная область», китайцы переводятъ «ущелье Ба-р-ху-чженъ». (Исторія четырехъ хановъ, 16, 21, 361; Mailla, Hist. IX, 20). Подъ этимъ именемъ разумѣлась, по словамъ Рашидъ-Эддина, часть сѣверной Монголіи, лежащая на западъ отъ Селенги (Уч. Зап. Каз. Унив. 1841, IV, 120; ср. 81), иначе называемая Баргу (برغو); Марко Поло также упоминаетъ о равнинѣ Баргу, лежащей на сѣверъ отъ монгольской столицы Хара-Хорумъ и простирающейся до Океана¹⁾.

Въ этой странѣ жили, по Рашидъ-Эддину, Бургуты (بورغوت) Буряты или Буруты), Хори (قوری) нынѣшніе Хоринскіе Буряты) и сходные съ ними Тумэты (تومات), называемые общимъ именемъ Баргутъ (برقوت), «Западные» (Учен. Зап. 1841, IV, 119—129). Тутъ-же обитали Ойраты, Кэрэмучинъ (ловцы бѣлокъ), Булагачинъ (ловцы соболей), Ойинъ-Урянха (هوئین اوریا نکفت) лѣсные Урянхайцы), Урасутъ, Теленгутъ, Кэстэми, «похожіе на монголовъ», называемые лѣсными народами, по-монгольски

1) Имя Баргу сохранилось доселѣ въ названіяхъ Баргу-Буряты и Баргузинъ (рѣка, на которой стоитъ Баргузинскъ, городъ въ Иркутской губерніи).

هوئین رکان, هوئین سکان т. е., ۱, и наконецъ Киргизы (I. с. 69, 17, 123; Журн. Мпн. Нар. Просвѣщ. 1843, май, Отд. II, 97). О лѣсныхъ народахъ Рашидъ-Эддинъ говоритъ: «между монголами есть много такихъ племенъ... Такъ и Тайджуты суть лѣсной народъ, потому что жилища ихъ расположены между землями Монголіи, Киргизовъ и Баргутовъ. Словомъ, есть много сортовъ лѣсныхъ народовъ». Эти лѣсные народы, отдѣленные отъ прочихъ монголовъ самою природою, говорили языкомъ нѣсколько отличнымъ отъ языка прочихъ монголовъ, что замѣчаетъ и Рашидъ-Эддинъ, говоря объ Ойратахъ; они также и въ образѣ жизни и занятіяхъ нѣсколько отличались отъ прочихъ монголовъ, будучи по преимуществу звѣроловами; Ойраты, жившіе, какъ говоритъ Абуль-Гази (Родосл. Истор. о Татарахъ, т. I, стр. 156), по рѣкамъ, впадающимъ въ Ангару, были настоящимъ лѣснымъ народомъ. Обыкновенно объясняютъ названіе Ойратъ черезъ «ближній», «союзникъ», производя его отъ монгольскаго ойро «близко» (Nachricht über die Mong. Völk. 6; Шмидта Forschungen, 45; Записки о Монголіи, I, 134; Истор. Обзоръ Ойратовъ, 3, 24), не стѣсняясь тѣмъ, что это производство не только грамматически невозможно, но несогласно и съ исторіей. Изъ исторіи Чингисъ-хана видно, что до него Ойраты составляли обыкновенный монгольскій илъ или орду, а не союзъ племенъ. Покоренные Чингизъ-ханомъ Ойраты при немъ еще менѣе могли составлять какой-либо союзъ. Угэтэй-ханъ, сынъ Чингисъ-хановъ, оставилъ много сыновей, которые при избираниіи великаго хана, послѣ смерти Угэтэя, были обойдены выборомъ. При Мункэ-ханѣ эти сыновья были сосланы въ Джунгарію за покушеніе на ханство. Съ тѣхъ поръ западная Монголія не разъ была поприщемъ возстанія потомковъ Угэтэя противъ великихъ хановъ. Эти обстоятельства безъ сомнѣнія были источникомъ ненависти калмыковъ къ монголамъ и къ дому Чингиса. Какъ скоро монголы были изгнаны изъ Китая (1368 г.) и торжествующіе китайцы начали тѣснить ихъ, калмыки выступаютъ немедленно на борьбу съ монголами; въ 1393 г. калмыкъ Батула-Чинсангъ досталъ себѣ у слабаго монгольскаго хана власть надъ четырьмя Ойратами, Дурбэнъ-Ойратъ. Здѣсь начало явленія Ойратовъ въ видѣ самостоятельнаго народа, когда они на самомъ

дѣлѣ начали дѣйствовать въ видѣ союза, но союзъ этотъ заключается въ единодушiи противъ монголовъ, а не въ пмени, которое существовало задолго до того времени; прибавочное же *Дурбэнз* «четыре» явилось не потому, чтобъ калмыки составили тогда союзъ четырехъ племенъ, но по другому поводу и притомъ еще въ XIII столѣтiи. Чингисъ-ханъ поставилъ всѣхъ монголовъ на военную погу, вслѣдствiе чего всѣ племена были раздѣлены на тумэны или десятитысячные корпуса, которые служили вмѣстѣ съ тѣмъ и административнымъ дѣленiемъ народа.

Изъ Ойратовъ онъ составилъ четыре тумэна: по-этому-то монголы вмѣсто *Дурбэнз Ойратз* говорятъ еще *Дурбэнз*, *Дурбэнз тумэнз* и *Дурбэнз тумэнз Ойратз*. Это дѣленiе на тумэны сохранилось въ Монголи до владычества манджуровъ. — Вотъ гдѣ начало Четырехъ Ойратовъ, а не въ формальномъ составленiи настоящаго четвернаго союза. По-этому я думаю, что Ойратъ происходитъ вовсе не отъ *ойро*, а составленъ изъ словъ *ой-аратз* , которыя соотвѣтствуютъ Рашидову *Ойнз Ирэнз* и турецко му *Агачери*, т. е. «лѣсной народъ». Мы выше видѣли, что Ойраты до Чингисъ-хана, живя въ Баргуджинъ-Тукумѣ, принадлежали къ лѣснымъ народамъ. Такимъ образомъ вѣроятно они жили въ лѣсахъ южной Сибири, и въ извѣстную эпоху, за-долго до Чингисъ-хана, присвоили себѣ нарицательное Ойратъ въ видѣ собственнаго имени. Въ этомъ еще болѣе убѣдимся, если разберемъ составъ племенъ, образовавшихъ изъ себя Ойратъ. По монгольскому преданiю, сообщенному Санангъ-Сэцэномъ (*Gesch. der Ost-Mong.*, 56), четыре Ойрата состоятъ изъ племенъ: 1) Угэлэть, 2) Багатуть, 3) Хонтъ и 4) Кэргутъ. Это безъ сомнѣнiя древнѣйшiй составъ ойратскихъ тумэновъ. Новѣйшiя извѣстiя калмыковъ считаютъ четырьмя Ойратами: 1) Угэлэть, 2) Хонтъ-Багатуть, 3) Баргу-Бурятъ (вмѣсто Кэргутовъ), 4) Дурбегъ, Дзунъ-гаръ, Хошутъ и Торгутъ. Въ этомъ дѣленiи очевидно представленъ составъ Ойратовъ двухъ различныхъ эпохъ, ибо первыя четыре поколѣнiя суть тѣ самыя, изъ которыхъ, по словамъ Санангъ-Сэцэна, нѣкогда состояли Ойраты, тогда какъ въ новѣйшее время они состояли изъ послѣднихъ четырехъ племенъ (Дзунъ-гаръ, Дурбэгъ, Хошутъ и Торгутъ). Палласъ, пользовавшiйся, неизвѣстно какими источниками,

считаетъ такъ: 1) Олѣтъ (Угэлэть), 2) Хойтъ, 3) Тумэть (по другому его источнику Батутъ) и 4) Баргу-Бурятъ (*Sam. hist. Nachr. über die Mong. Völkerschaften*, B. I, 5); Абуль-Гази же говоритъ (Родосл. Ист. о Татарлахъ, 156, 157), что Хори, Тумэты, Теленгуты, Урасуты и Кэстэми произошли отъ Ойратовъ. Изъ этихъ народовъ Угэлэты, Хонты, Багатуты, Дзунгары (Чоросъ), Хошуты и Торгуты не упоминаются въ числѣ монгольскихъ народовъ во времена Чингисъ-хана. По-этому надобно полагать, что эти племена возникли уже послѣ XIII столѣтiя или они входили въ составъ древняго поколѣнiя Ойратъ. Баргу-Бурятъ суть Бургуты и Хори Рашидъ-Эддина, а Кэргуты — Киргизы того-же писателя; въ спискѣ Ойратовъ Санангъ-Сэцэна они поставлены вмѣсто Баргу-Бурятъ калмыцкихъ преданiй. Очень вѣроятно мнѣнiе Шмидта, что эти два поколѣнiя нѣкогда составляли въ ойратствѣ одинъ народъ (*Geschichte der Ost-Mong.*, 373). Между калмыцкими племенами и въ новѣйшее время было поколѣнiе Киргизъ (о. Иакинѣа, *Истор. Обзор. Ойратовъ*, 29). Слѣдовательно нельзя отвергнуть, что Киргизы принадлежали нѣкогда Ойратамъ. Тумэты, до переселенiя своего на югъ, принадлежали также къ Ойратамъ, ибо, кромѣ приведеннаго объ этомъ калмыцкаго извѣстiя, Абуль-Гази подтверждаетъ это, да и по кочеванью своему въ Баргуджинъ-Тукумѣ они необходимо должны были войти въ составъ Ойратовъ. Въ вышеприведенныхъ спискахъ замѣчается разногласiе въ племенахъ четырехъ тумэновъ, изъ которыхъ состояли Ойраты, но это доказываетъ только одно, что въ разныя времена и по разнѣмъ обстоятельствамъ то или другое изъ поколѣнiй ойратскихъ составляло особый тумэнь. Подобный примѣръ можно найти и въ новѣйшей исторiи Ойратовъ; когда Торгуты откочевали въ Россiю, то отъ поколѣнiя Дзунъ-гаръ были отдѣлены Дурбэгы, заступившiе мѣсто Торгутовъ. По-этому въ разногласiи приведенныхъ нами извѣстiй о составѣ Ойратовъ должно видѣть не ошибку писателей, но только то, что эти извѣстiя относятся къ различнымъ эпохамъ. Тогда окажется, что лѣсные народы, которые, по словамъ Рашидъ-Эддина, жили въ Баргуджинъ-Тукумѣ, названы были Чингисъ-ханомъ Ойратами и составили четыре тумэна. Изъ этого я за-

ключаю, что даже во время Чингисъ-хана имя Ойратъ пришло въ значеніи лѣснаго народа.

Между племенами монгольскихъ поколѣній есть особенныя имена по числамъ. Такъ встрѣчаемъ названія Хонтъ отъ хоръ, «два»; Дурбѣтъ отъ *дурбѣтъ*, «четыре»; Дологатъ отъ *дологатъ*, «семь»; Найманъ «восемь»; Исуть отъ *исунъ*, «девять»; Хорп, «двадцать»; Дзагутъ отъ *дзагунъ*, «сто»; Мингатъ отъ *минганъ*, «тысяча»; Тумѣтъ отъ *тумѣнъ*, «десять тысячъ». Эти численныя имена чаще встрѣчаются между народами Баргуджинъ-Тукума; по-этому я думаю, что имена Киргизъ и Кэргутъ произведены отъ тюркскаго *قرق* *кыркъ*, «сорокъ», съ окончаніемъ множественнаго числа.

Профессоръ Каземъ-Бекъ считаетъ Ойратъ и Уйгуръ за одностепенныя нарицательныя имена, которыми обозначались союзы народовъ средней Азіи, допуская, что Уйгуръ дѣйствительно произведено отъ турецкаго *уймакъ*, «прилѣпляться», «приставать», какъ толкуетъ Абуль-Гази (Жур. Мин. Нар. Просв., 1841, авг., Отд. II). По моему мнѣнію дѣйствительно есть сродство между этими именами, но только въ другомъ родѣ: Уйгуръ происходитъ отъ *ئو* ой лѣсъ, и *ئور* *уръ* народъ, и есть не что иное, какъ другая форма имени Ойратъ ¹⁾ или переводъ его. Исторія свидѣтельствуетъ, что Уйгуры, переселившись изъ южной Монголіи на сѣверъ, обитали именованно въ лѣсной Монголіи, т. е. на сѣверо-западѣ (о. Иакпюа, Записки о Монголіи, ч. III, 136, 137). Когда это поколѣніе составляло ханство, то ядро его обитало въ срединѣ сѣверной Монголіи. Рашидъ-Эддинъ и Абуль-Гази говорятъ, что Уйгуры дѣлились на два отдѣла: одни жили по десяти рѣкамъ и назывались Унъ (десять)-Уй-

1) Доказанное уже сродство языковъ тюркскаго и монгольскаго позволяетъ думать, что слово *ой*, употребительное только у монголовъ, принадлежало и къ тюркамъ *اوی* (лощина), а *уръ* также общее слово не только монголамъ и тюркамъ, но сохранилось донинѣ и въ манджурскомъ *урунъ*, народъ. По-этому, если бы Уйгуры и были тюркскій народъ, какъ думаютъ многіе, и тогда наше словопроизводство не можетъ почтаться невозможнымъ. Мусульманскіе писатели пишутъ *او يعور*, а не *او يکور*, какъ бы слѣдовало по этимологіи, но это потому, что *کور*, по закону языковъ средней Азіи, при соединеніи съ *ой* должно необходимо перейти въ *غور*.

гуръ, а другіе по девяти и назывались Тогузъ (девять)-Уйгуръ. Хотя Рашидъ-Эддинъ и приводитъ имена десяти рѣкъ, на которыхъ жили Уйгуры, но признать въ нихъ невозможно нынѣшнихъ названій; только въ Учъ-Табинъ *تايبين* узнаемъ нынѣшній Гурбанъ Тамиръ, и въ Туларъ *تولار*—нынѣшнюю Тулу, впадающія въ рѣку Орхонъ; въ Уткэнъ *او تیکان* узнаемъ *Оути-кэнъ* китайскихъ историковъ, гору, около которой, вѣроятно, протекала рѣка того-же имени, и на западной сторонѣ которой стояла Хара-хурумъ, столица уйгурскихъ хановъ; это та самая гора, которая у монголовъ называется Утэгэ-Хуланъ *وتغە خان* и при которой Угэтэй-ханъ скончался (о. Иакпюа, Исторія четырехъ хановъ, 284, 287). Тотъ-же историкъ говоритъ, что десять уйгурскихъ рѣкъ назывались общимъ именемъ *اورقون* Онъ-Орхонъ *اون اورقون* «десять Орхоновъ». Этихъ данныхъ уже достаточно для того, чтобы доказать, что Онъ-Уйгуры жили по бассейну нынѣшняго Орхона, а девять Уйгуровъ жили, вѣроятно, по Селенгѣ. Можетъ быть этотъ послѣдній отдѣлъ Уйгуровъ (если они были тюркскаго племени) состоялъ изъ Ойратовъ. Глава этихъ Уйгуровъ десяти рѣкъ назывался чисто монгольскимъ именемъ *كول ايرکين* *колъ-эркинъ* ¹⁾ «начальникъ гола» (рѣки), «главный на рѣкахъ», а у десяти Уйгуровъ—*илъ-илтереръ*, *илтэбаръ*. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ всѣхъ фактовъ, которые окончательно могли бы объяснить вопросъ объ этихъ народахъ, но должно замѣтить, что вопросъ этотъ могъ бы быть развитъ до занимательной ясности, если бы въ основаніе его положить мысль: Уйгуры и Ойраты суть два лѣсныхъ народа тюркскаго и монгольскаго племени, составлявшіе (съ VIII столѣтія) одно политическое тѣло.

1) У джурджидовъ (по-китайски Ню-Джень) *эркинъ* означало «начальникъ гарнизона въ степной ордѣ» (Visdelou, Suppl.).

ственная разница моего способа чтенія отъ его: результаты покажутъ, чей способъ правильнѣе. Сообщаю объясненіе затруднявшихъ доселѣ словъ и затѣмъ полный переводъ надписи.

I.

Сартагулз г. Шмидтъ читаетъ Sartaghol и считаетъ это монгольскимъ названіемъ ханства Хара-Китай; «Черный-Китай». Но Хара-китайцы никогда не назывались *Сартагулами* у монголовъ, которые подъ этимъ именемъ разумѣли обитателей Хивы, производя его отъ *Сартз*: такъ и доселѣ называютъ турецкіе народы коренныхъ, осѣдлыхъ жителей персидскаго происхожденія, составляющихъ промышленное населеніе Хивы и Бухаріи¹⁾.

Монголы прибавили къ *Сартз* турецкихъ племенъ слово *гурз* («народъ, государство»), и вмѣсто *Сартагурз* говорили *Сартагулз*, потому что они не любятъ двухъ *р*, если они не сопровождаются гласными въ одномъ и томъ-же словѣ, и послѣднее *р* обыкновенно превращаютъ въ *л* (см. Бобровникова, Грамм. Монг.-Калм. языка, стр. 32).

Во время Чингисъ-хана, Хива была столицей огромной имперіи харезмской, включавшей въ себѣ Бухару, Хиву и часть Персіи; эта-то имперія, состоявшая подъ властью Харезмъ-шаховъ, и называлась у монголовъ *Сартагулз*. Завоеваніе ея, стоявшее шестилѣтняго похода (1219 — 1225), составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Чингисъ-хана; напротивъ, покореніе Хара-Китая произошло почти незамѣтно. Кучлукъ-ханъ, владѣтель разсѣяннаго Чингисъ-ханомъ поколѣнія Найманъ, въ началѣ XIII столѣтія успѣлъ завладѣть престоломъ хара-китайскимъ, устранивъ законнаго хана. Чингисъ-ханъ, собиравшійся въ походъ на Хиву и желая обезопасить свой тылъ, отрядилъ въ 1218 году Джебѣ-Нояна, извѣстнаго нашествіемъ на Россію въ 1224 году, съ 20 тысячами войска. Кучлукъ-ханъ, услыхавъ о приближеніи монголовъ, бѣжалъ на западъ, и

1) См. Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Bokhara; Н. Ханькова, Описаніе Бухарскаго ханства.

ОБЪЯСНЕНІЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАДПИСИ НА ПАМЯТНИКЪ КНЯЗЯ ИСУНКѢ, ПЛЕ- МЯННИКА ЧИНГИСЪ-ХАНА.

(Записки Импер. Археолог. Общества, т. III, Спб. 1851 г., стр. 268—292.)

Покойный академикъ Шмидтъ, издавая свой переводъ этой надписи въ «Запискахъ Академіи Наукъ», не представилъ ни филологическаго отчета въ переводѣ, ни достаточнаго историческаго объясненія о назначеніи памятника. Онъ только весьма положительно сказалъ, что прочиталъ надпись «очень легко», что «трещина на камнѣ не причинила надписи никакого вреда», и что приложенный къ статьѣ его снимокъ съ надписи «вѣренъ». Повѣрять г. Шмидта тогда никто не рѣшился, тѣмъ болѣе, что послѣ такихъ рѣшительныхъ увѣреній академика повѣрка казалась излишнею.

Въ 1848 году я сдѣлалъ съ надписи возможно вѣрный снимокъ во всю величину и удостовѣрился, по внимательномъ разсмотрѣніи надписи на самомъ камнѣ, что снимокъ г. Шмидта не совсѣмъ вѣренъ, а переводъ его требуетъ исправленій. Объясняя вновь надпись, я не позволялъ себѣ ни малѣйшаго произвола при чтеніи: отъ того нашлись въ ней такія слова, которыя непозвѣстны въ нынѣшнемъ языкѣ монголовъ, но могли быть въ употребленіи въ XIII столѣтіи. Г. Шмидтъ поступалъ въ этомъ случаѣ слишкомъ произвольно и всю надпись «объяснилъ» и «очень легко» современными словами. Въ этомъ-то и состоитъ суще-

оставленное имъ ханство безъ боя покорилось монголамъ; а Джебэ-Ноиянъ, преслѣдуя Кучлукъ-хана, наступилъ его въ горахъ Бедехшана, предаль его смерти и въ томъ-же 1218 году возвратился въ Монголію¹⁾. Это легкое завоеваніе, въ которомъ Чингисъ-ханъ самъ вовсе не участвовалъ, Шмидтъ называетъ событіемъ «великимъ и рѣшительнымъ», стараясь придать ему такую важность для того, чтобы тѣмъ объяснить причину сооруженія нашего памятника, который, по его мнѣнію, поставленъ Чингисъ-ханомъ въ 1219 или 1220 году.

Г. Шмидтъ впалъ въ эти ошибки во первыхъ потому, что невѣрно читалъ всю надпись; во вторыхъ отъ того, что не исправилъ критически текста изданной имъ лѣтописи Санапгъ-Сэцэна. У этого монгольскаго лѣтописца хронологія почти нигдѣ не сходится съ китайскими и мусульманскими историками, что отчасти надобно приписать искаженію текста и особенному способу монгольскаго лѣтосчисления. Монголы считаютъ года по именамъ 12-ти животныхъ съ прибавленіемъ еще 10-ти условныхъ знаковъ: изъ соединенія тѣхъ и другихъ составляется циклъ въ 60 лѣтъ, по прошествіи которыхъ начинается новый рядъ годовъ или циклъ въ томъ-же порядкѣ. При этомъ способѣ хронологіи легко можетъ случиться (и случается въ рукописяхъ), что вмѣсто одного условнаго знака, ошибкою поставятъ при названіи животнаго другой, и тогда годъ, означаемый словами, будетъ уже иной; но подобная невѣрность можетъ быть исправлена, только бы вмѣсто одного животнаго не было поставлено другое. Такъ у Санапгъ-Сэцэна сказано, что *Сартаулы* покорены Чингисъ-ханомъ въ году и-таулай (зайца), т. е. въ 1195 году; между тѣмъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что нападеніе на Хиву начато въ 1219 году. Если вмѣсто и-таулай поставимъ и-таулай, то получится 1219 годъ. Значитъ, у монголовъ начало военныхъ дѣйствій противъ Харезмъ-шаха принято за покореніе его имперіи, и Санапгъ-Сэцэнъ не ошибся ни въ имени народа, ни въ хронологіи. По его-же словамъ,

1) D'Ohsson, Histoire des Mongols, t. I, p. 163—176.

Тукмаки¹⁾ покорены въ году бинъ-лу (краснаго дракона самца), т. е. въ 1196 году,—это также не справедливо; но перемѣнивъ знакъ бинъ въ у, получимъ у-лу (желтаго дракона самца), т. е. 1208 годъ: и дѣйствительно Кучлукъ-ханъ, впоследствии уже овладѣвшій Тукмаками, былъ разбитъ Чингизъ-ханомъ въ 1208 году²⁾. Здѣсь разбитіе хана Наймановъ, который послѣ сдѣлался ханомъ Тукмаковъ, принято Санапгъ-Сэцэномъ за покореніе сего послѣдняго народа. Если бы г. Шмидтъ подобнымъ образомъ исправилъ хронологію своего автора, то могъ бы исправить и свои ошибки при помощи того-же писателя, чрезъ котораго онъ въ нихъ впалъ, и не путался бы въ своихъ примѣчаніяхъ, гдѣ онъ предлагаетъ перемѣнить имена владѣтелей Сартауловъ и Тукмаковъ³⁾.

II.

Шмидтъ читаетъ *эдэлэджу*, «овладѣвъ», совершенно произвольно. Слоговъ дз и лэ вовсе нѣтъ въ этомъ словѣ, которое должно читать *аулиджу*. Подобнаго слова у монголовъ нѣтъ; но какъ трещина задѣла слово сверху, то надобно думать, что изъ него пропала начальная *т*, и что тутъ было *таулиджу*, «напавши, послѣ нападенія».

Глаголь *таулиху*, который пишется еще *таулиху*, *таулиху* (джагатайское *тугульменъ*, «падать внизъ, соскакивать»), означаетъ всякое стремленіе сверху внизъ косвенно, и потому означаетъ налетъ хищной птицы, прыжокъ дикой лошади, «налетать, скакать, наскákatъ, набѣжать», и въ военномъ смыслѣ нападать.

III.

Шмидтъ читаетъ *эртэну* «древній»; но по палеографическому правилу слѣдуетъ читать *арат-и* или *эрэти*. *Арати* значить «людей», и это чтеніе—самое приличное смыслу надписи.

1) О словѣ *Тукмакъ* см. Charmoy, Expédition de Timour, p. 170, 245 etc.

2) См. о. Гакниоа, Исторія четырехъ хановъ, стр. 40.

3) Geschichte der Ost-Mongolen, S. 87.

Основная линия этого слова вытянута предъ и послѣ *p* съ цѣлью показать присутствіе гласнаго *a* предъ *p* и послѣ него (*āra*).

IV.

Шмидтъ читаетъ *bogha orghai хориксанъ* (*bogha orghai choriksan*), и въ нихъ *bogha orghai* переводитъ «ненависть совершенно», не указывая однако, гдѣ онъ нашелъ эти слова, совершенно неизвѣстныя монголамъ.

Въ отвѣтъ на переводъ Ванчикова, онъ увѣряетъ, что у калмыковъ *orga* значитъ «совершенно». Дѣйствительно у калмыковъ есть выраженіе *ороуга* «безъ основанія», «ни съ того, ни съ сего», которое выговаривается почти *orga*, и только при отрицаніи можетъ значить «совершенно». Вѣроятно, Шмидтъ ссылается на это выраженіе, которое однакожъ для смысла нашей надписи не годно.

Хориксанъ г. Шмидтъ переводитъ «положить преграду, конецъ»; но оно значитъ «загородить, запереть, запретить». Первые два значенія его нисколько не клеятся съ Шмидтовскимъ «ненависть совершенно», а послѣднее «запретить» также тутъ не годится, ибо монголъ скажетъ: «ненавидьте! говоря, запретилъ», а русская фраза «ненависть запретилъ» совершенно не въ духѣ монгольскаго языка.

Эти три слова надобно читать *Буга-Сучигай хуриксанъ* (въ *Сучигай*, которое сверху задѣто трещиной, пропало начальное *c*). Первые два слова суть собственное имя мѣста, а *хуриксанъ* значитъ «собрались» и есть причастіе прошедшаго времени отъ неупотребительнаго нынѣ, но извѣстнаго по производнымъ, глагола *хуримой*, «собираться» (джагатайское *курамакэ*).

Отъ этого слова происходятъ *хурумъ* «пиръ», «собраніе», — *хуригтай*, «сеймъ», — *хуриямой*, «собираю».

Д'Оссонъ въ своей «Исторіи монголовъ» сообщаетъ¹⁾, что Чингисъ-ханъ, послѣ разоренія харезмской имперіи, пустился въ обратный путь въ Монголію, причемъ лѣто и зиму 1224 года

1) Histoire des Mongols, 1834, tome I, p. 325.

провелъ въ походѣ, направляясь къ Иртышу, и на мѣстѣ, называемомъ *Bouca Soutchicou* (Буга-Сучику; *Буга-Сучигай* нашей надписи), сдѣлалъ «пиръ» для своего войска, а въ февралѣ 1225 года достигъ своей орды. Наша надпись выражается точнѣе Д'Оссона, говоря, что тутъ происходилъ сеймъ монголовъ, «хурилтай», который всегда сопровождался пиршествами.

Слова *Чингисъ-хани* и *арат-и* поставлены въ винительномъ падежѣ, какъ подлежащія причастія *хуриксанъ* («собранный»), на основаніи существующаго въ монгольскомъ языкѣ правила, похожаго на латинскій винительный съ неопредѣленнымъ (см. Бобровникова, Грамм. Монгольско-калмыцк. яз., § 477). *Буга-Сучигай* поставлено безъ знака мѣстнаго падежа потому, что оно стоитъ непосредственно предъ глаголомъ *хуриксанъ* и связь между ними очевидна.

Персидскій историкъ Мирхондъ пишетъ, что Чингисъ-ханъ, возвращаясь изъ похода противъ харезмцевъ, сдѣлалъ хурилтай на мѣстѣ Куланъ-Язы¹⁾. Эти турецкія слова значатъ «равнина кулановъ» (дикихъ ословъ), а наши Буга-Сучигай или Сучику по монгольски значатъ «олень—боиться», т. е. мѣсто, гдѣ олени пугаются. Нѣкоторое сходство въ значеніи именъ этихъ мѣстъ позволяетъ считать ихъ за одно и то же урочище, носившее

1) Вотъ это мѣсто изъ Мирхонда, сообщенное мнѣ въ переводѣ профессоромъ И. Н. Березиннымъ: «Когда зима подошла къ концу и отъ пышности прибытія весны поля и степь стали предметомъ зависти кремскаго цвѣтника, Чингисъ-ханъ отправился съ арміей изъ Самарканда и отдалъ приказъ, чтобы мать султана Мухаммеда и харемъ его шли впереди войска и громкимъ голосомъ причитали и оплакивали султана, корону, тронъ, эмировъ и визирей... На берегу рѣки Сейхуна, Джагатай и Угедей соединились съ Ордой, по міру странствующей; когда же переправились черезъ Сейхунъ, то пришли въ Куланъ-Язы. Джучи оцѣпилъ со стороны Дешти-Кыпчака, а съ той стороны повелъ облаву Чингисъ-ханъ съ дѣтьми и ноями. Черезъ нѣсколько времени произошло соединеніе охотничьихъ рядовъ на мѣстѣ охоты (ᠯᠢᠶᠢ) и кругъ ихъ сошелся. Чингисъ-ханъ сѣлъ на коня, устремился въ середину и пустилъ многочисленную охоту. Послѣ того какъ принцы, эмиры и ноины кончили охоту, помиловали остальныхъ звѣрей и, наложивъ на нихъ свои клейма, освободили. Джучи, пришедши къ отцу, преклонилъ колѣна и исполнилъ обрядъ цѣлованія руки; обнявши братьевъ, горячо спрашивалъ о здоровьи и представилъ хану многочисленныя подарки, между прочимъ подвелъ сто тысячъ лошадей, изъ среды которыхъ было двадцать тысячъ сѣрыхъ одномастныхъ. Это лѣто все провели въ томъ мѣстѣ. Когда же собрались окрестные эмиры изъ предѣловъ и окрестностей, то устроили большой сеймъ и казнили отдѣленіе изъ уйгурскихъ эмировъ». (Vie de Djenghiz-khan, par Mirkhoud, 168—169).

двойное названіе у двухъ народовъ; тѣмъ болѣе, что и хурилтаи, о которомъ говоритъ Мирхондъ, долженъ быть тотъ самый, который упоминается въ нашей надписи и у Д'Оссона. Объ урочищѣ Буга-Сучигай ничего не извѣстно по исторіи, а Куланъ-Язы извѣстно по сраженію въ 1199 году между Найманами и Онгъ-ханомъ керейтскимъ ¹⁾. Это сраженіе должно было произойти въ земляхъ Наймановъ, на которыя Онгъ-ханъ сдѣлалъ набѣгъ; слѣдовательно, урочище Куланъ-Язы или Буга-Сучигай должно находиться около Алтая и Верхняго Иртыша, гдѣ кочевали Найманы. Это будетъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ Чингисъ-ханъ, идя на харезмскую имперію и возвращаясь изъ этого похода. Здѣсь дѣйствительно водятся куланы и олени.

V.

Исункэ. Это слово помѣщено надъ строкою, какъ названіе священнаго предмета или владѣтельнаго лица; но Шмидтъ, которому впрочемъ извѣстно было это монгольское правило, находить тутъ *ирункэ*, «вообще», которое не можетъ занимать такого почтеннаго мѣста въ надписи. Здѣсь очень явственно виднѣется *Исункэ*, собственное имя одного изъ племянниковъ Чингисъ-хана; онъ-то и есть главное лицо въ нашей надписи, и потому мы поговоримъ о немъ ниже подробнѣе.

VI.

Шмидтъ предполагалъ читать *Ononodugun*, *Chondodugun* и *Chondojojun*. По моему, это слово можно читать *Онтодоръ*, *Ондодоръ*, *Онхоторъ* и *Хонхоторъ* или *Хондоторъ*. Смыслъ всей надписи таковъ, что это слово должно быть не что иное, какъ собственное имя небольшого монгольскаго поколѣнія, которое составило удѣлъ князя Исункэ. Между монголами донынѣ существуетъ поколѣніе Хонготоръ, а именно всѣ почти буряты Аларскаго вѣдомства (въ Иркутскомъ округѣ) принадлежатъ къ племени Хонготоръ, и такъ-какъ они не настоящіе буряты, а

1) О. Гакина, Исторія четырехъ хановъ, стр. 18, 384. Китайскими иероглифами это имя выражено *хуланъ джанъ-це*; но О. Гакинъ, слѣдуя нелѣпому толкованію китайцевъ, передѣлалъ эти иероглифы въ *хоронъ-джаса*.

монголы, переселившіеся въ Сибирь въ XVII столѣтіи, то очень можно допустить, что эти именно Хонготоры и упомянуты въ надписи, и, кочуя въ нѣкогда на Аргуни, могли достаться въ удѣлъ Исункэ. Во время смутъ чингисидовъ, они могли часто мѣнять мѣста своего кочеванія и доставаться новымъ владѣтелямъ. Это небольшое поколѣніе не упоминается въ исторіи, вѣроятно, по своей незначительности.

Въ этомъ словѣ, всѣхъ болѣе пострадавшемъ отъ времени, *x* ⇨ превратилось въ *m* р.

VII.

Два послѣднія слова въ надписи не могутъ быть объяснены нынѣшнимъ монгольскимъ языкомъ, хотя Шмидтъ, къ ущербу своего перевода, и сдѣлалъ это, какъ будто въ древнемъ памятникѣ не могутъ встрѣтиться слова, нынѣ забытыя. Поэтому я объясняю ихъ словами неизвѣстными нынѣ, но возможными въ монгольскомъ языкѣ, при помощи филологическаго анализа, которому монгольскій языкъ и сродные съ нимъ маньчжурскій и турецкій въ высшей степени доступны. Въ нихъ, за неизвѣстными предлогами, слова образуются и измѣняются посредствомъ прибавленія разныхъ частицъ къ концу корня. Такимъ образомъ въ каждомъ словѣ первый слогъ необходимо долженъ быть корень и притомъ всегда односложный. Если слово многосложно, то непосредственно за корнемъ слѣдуютъ одинъ или два слога, которые составляютъ лексикографическое значеніе производнаго слова; затѣмъ слѣдуютъ параніи грамматическія, опредѣляющія грамматическое значеніе слова. Слѣдовательно, въ этихъ языкахъ корнемъ можетъ быть не больше того, какое число слоговъ, съ помощію всевозможныхъ комбинацій всѣхъ гласныхъ и согласныхъ, можетъ быть получено. При такомъ образованіи языковъ средней Азіи, не подающемъ большой надежды на богатство въ словахъ, надежда эта еще уменьшится, когда скажемъ, что характеристическое значеніе односложнаго корня никогда не теряется въ производныхъ. Въ значеніи этомъ всегда выражается что-либо доступное органамъ чувствъ или содержится въ звукѣ, издаваемомъ человѣкомъ при дѣйствіи

чего-либо на чувства его, т. е. известное движение или положение предмета (органъ зрѣнія), или звукоподражаніе (органы слуха, обонянія, осязанія и пр.). Эти чисто матеріальныя представленія въ производныхъ словахъ легко переходятъ, посредствомъ сравненія, въ понятія чисто умственные, и отъ одного корня переходятъ слова, которыхъ значенія, по-видимому, не имѣютъ между собою ничего общаго.

Вотъ, наприимѣръ, производныя отъ корня *бул*, который означаетъ движеніе вверхъ: *бул-м*, «прыгать», *бул-тай*, «высунуться», *бул-акъ*, «ключъ» (бьющій вверхъ пзъ земли), *бул-чинъ*, «пкра у ноги», *бул-дакъ*, «холмъ», *бул-га*, «возстаніе», «бунтъ».

Но при всемъ томъ, всякій, кому известны значенія корня и наращеній, сообразивъ эти части слова, можетъ всегда опредѣлить приблизительно значеніе даннаго слова. Такъ мы и поступимъ съ словами, которыя намъ нужно объяснить.

Последнее слово въ третьей строкѣ надписи, по мнѣнію Шмидта, есть *эліе* (*Elije*) «демонъ», — чтеніе совершенно произвольное. На прилагаемомъ снимкѣ читается *алдакъ* или *алтакъ*. Я принялъ последнее въ значеніи «воинъ», «солдатъ», отъ слова *алъ*, «рота, эскадронъ».

Въ этомъ словѣ *л* написано почти слитно съ *т* для показанія, что между ними нѣтъ никакой гласной. — Слово *алъ* въ значеніи баталіона встрѣчается въ тарханномъ ярлыкѣ Сеадеть-Гирей¹⁾; тамъ сказано: *алымъ*, *кушунымъ*, *минимъ*, *туманымъ*, *тибъ* и пр., т. е. «не требовать (поборить)», говоря: «мой эскадронъ, мой полкъ, моя тысяча, мой туманъ (десятитысячье)».

Извѣстно, что у монголовъ войска дѣлились на десятки, сотни, тысячи и десятки тысячъ; но независимо отъ этого были хошунны, эскадроны или нѣсколько болѣе²⁾. При нынѣшнемъ устройствѣ монголовъ, хошунами называются небольшіе удѣлы, обра-

1) См. Ярлыки Тохтамыша и Сеадеть-Гирей, стр. 4.

2) Chartrou, Extrait de Timour, pp. 208, 253, 391; Journ. Asiat. 1836, sept., p. 224.

зующіе въ военномъ отношеніи дивизіи, раздѣленныя на полки (джаланъ) и роты (сомонъ). Это устройство введено манджурами, до которыхъ у монголовъ существовало устройство Чингисъ-хана. Въ вышеприведенномъ текстѣ ярлыка эти воинскія дѣленія перечислены по степенямъ отъ меньшаго къ большому, и потому надобно думать, что *алъ* былъ меньше *хошуна* (въ турецкомъ языкѣ осталось *алай*, «баталіонъ»), родъ нынѣшнихъ джалановъ или сомоновъ. Дѣленіе на сотни и тысячи было чисто воинское, тогда какъ дѣленіе на *алы* и *хошунны* имѣло песточникомъ родовое право, т. е. дѣлежъ наследственнаго владѣнія или поколѣнія между наследниками. И такъ, *алъ* можно перевести «отрядъ, участокъ»; слѣдовательно *ал-такъ* (слити *ур-такъ*, «товарищъ») значитъ «тотъ, который принадлежитъ *алу*», рядовой, воинъ известнаго отряда. Корень *алъ*, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ понятіе, выражаемое русскимъ предлогомъ *раз*, т. е. распространеніе, раздвиганіе, раздѣленіе, расширеніе, разсѣяніе, какъ видно пзъ произведенныхъ отъ него словъ: *алхумой*, «шагать», т. е. раздвигать ноги, — *алжимой*, «драться», т. е. размахивать рукой, бить какъ попало, — *алджіямой*, «утомиться», т. е. разстроиться, быть разбиту, — *алцаймой*, «раздвинуть ноги», — *алусъ*, «чрезъ», — *алда*, «сажень», длина вытянутыхъ рукъ, — *алманъ*, «широкій», — *алмай*, «полоумный», разстроенный въ умѣ, — *аланъ*, «нѣгій», т. е. гдѣ цвѣта разсѣяны, — *алия*, «шалунъ», разсѣянный, — *албинъ*, «бродячій духъ» (блудящій огонь), — *алдаръ*, «слава», т. е. что распространяется, и т. п.

VIII.

Последнее слово надписи Шмидтъ читаетъ *шиндарума*, «изгнаніе». Не говоря уже о томъ, что *шиндарума* никогда не имѣло такого значенія, и самаго этого слова вовсе нѣтъ въ надписи. Въ началѣ послѣдняго слова, много пострадавшаго отъ времени, можно разобрать *онд* или *унд*; далѣе слѣдуетъ нѣсколько неясныхъ черточекъ и, наконецъ, ясно: *лага*. По монгольской конструкціи словъ, тутъ долженъ быть глаголь, а не существительное *шиндарума*, которымъ никогда въ монгольскомъ языкѣ не оканчиваются періоды. Безъ большой натяжки можно полагать,

заняться раздачею удѣловъ своимъ сыновьямъ и родственникамъ, ибо все время до 1210 онъ провелъ въ борьбѣ съ кочевыми народами Монголіи, съ 1210 по 1218 годъ въ войнахъ съ Китаемъ, и, наконецъ, съ 1219 по 1224 г. въ походѣ на западъ. Дѣйствительно, Гаммеръ въ своей «Исторіи Золотой Орды» пишетъ¹⁾, что Чингисъ-ханъ, по возвращеніи изъ похода на Персію (послѣ нашествія на Сартагуловъ, по нашей надписи), роздалъ удѣлы своимъ дѣтямъ. При этомъ дѣлежѣ, Исункѣ нашей надписи долженъ былъ получить что нибудь по близкому родству съ Чингисъ-ханомъ, ибо онъ былъ сынъ Джучи-Хасара, роднаго брата завоевателя, и слѣдовательно приходился ему племянникъ. По словамъ Рашидъ-Эддина, знаменитаго автора Исторіи Монголовъ на персидскомъ языкѣ, Джучи-Хасаръ «имѣлъ до сорока сыновей, изъ которыхъ сдѣлались извѣстными только трое: «Бигу (читай Ъгу), Тугу и Исунку» (Исункѣ нашей надписи)²⁾. Слова Рашидъ-Эддина «сдѣлались извѣстными» надобно понимать такъ, что изъ множества сыновей Джучи-Хасара только эти трое, какъ рожденные отъ старшей изъ женъ его, получили права принцевъ, т. е. право на удѣлъ, участіе въ хурилтаѣ или въ государственномъ сеймѣ и въ избраніи великаго хана. И точно, Ъгу, Тугу и Исункѣ участвовали въ 1251 году въ возведеніи на престолъ Мѡнкэ-хана³⁾. «Исункѣ былъ», продолжаетъ персидскій историкъ, «высокаго роста, имѣлъ длинную бороду... славился прекрасными познаніями въ государственныхъ дѣлахъ и по сей причинѣ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе... При пожалованіи войсками своихъ сыновей, Чингисъ-ханъ далъ также по полку каждому изъ сыновей Джучи-Хасара, которые уже выросли, т. е. Ъгу, Тугу и Исунку, а изъ смѣшанныхъ войскъ далъ каждому по сту человекъ». Эти полки Рашидъ-Эддина суть, по всей вѣроятности, именно то, что монголы называли *ала*, и отъ того въ нашей надписи люди, составлявшіе «полкъ» Исункѣ, названы *алтакъ*. Три «полка» (или *ала*) сыновей Джучи-

1) Gesch. der Goldenen Horde, 89—90.

2) Эрдмана, Предки Чингисъ-хана, въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. 1843 г., т. XXXVIII, отд. I, стр. 104.

3) Іакинна, Исторія четырехъ хановъ, стр. 306; только въ этой исторіи изъ Ъгу и Тугу сдѣлано одно лицо Екэ-тоганъ («большой котей»).

Хасара составляли, по арміи великаго ханства, одинъ «баталіонъ» въ тысячу человекъ, какъ говоритъ Рашидъ-Эддинъ въ другомъ отдѣлѣ своей исторіи¹⁾. Этотъ баталіонъ, или по монгольскому дѣленію просто *минганъ*, «тысяча», взятый въ значеніи удѣла князей одного семейства, составлялъ, вѣроятно, одинъ *хошунъ*. Если раздѣлимъ тысячу на три между тремя братьями, то на долю Исункѣ достанется почти то самое количество людей, какое показано въ надписи, т. е. триста тридцать три. «Юртъ и мѣстопребываніе Исункѣ и семейства Джучи-Хасара», продолжаетъ Рашидъ-Эддинъ, — «были въ Могулистанѣ (Монголіи) на сѣверо-восточной сторонѣ, на границахъ Эргунэ (Аргунь), Кулѣ-науръ (озеро Кулунъ или Далай-норъ) и Хайларъ (рѣка, впадающая въ это озеро съ восточной стороны)». Близъ береговъ Аргуни, именно на рѣчкѣ Кыркыръ, и найденъ нашъ памятникъ, поставленный княземъ Исункѣ около своего дворца, котораго развалины находятся на той-же рѣчкѣ Кыркыръ, немного пониже отъ мѣста, гдѣ стоялъ памятникъ²⁾.

Наше чтеніе такъ оправдывается исторіею, что дальнѣйшія возраженія противъ толкованія г. Шмидта дѣлаются ненужными. Въ историческомъ отношеніи, наша надпись замѣчательна, какъ древнѣйшій образецъ монгольской письменности, и какъ выраженіе того памятнаго въ исторіи Азіи и Европы момента, когда Чингисъ-ханъ, на хурилтаѣ, раздавалъ царства своимъ потомкамъ, и тѣмъ надолго рѣшилъ судьбы многихъ народовъ, въ томъ числѣ и Россіи; извѣстно, что Чингисъ-ханъ назначилъ въ удѣлъ своему сыну Джучи-хану Кипчакъ, еще не покоренный, но покореніе котораго рѣшено было походомъ въ 1224 году Джебѣ и Субутая черезъ Кавказъ, предпринятымъ въ видѣ огромной рекогносцировки съ цѣлью убѣдиться въ возможности завоеванія прикаспійскихъ странъ и сосѣдственной къ нимъ Россіи. Время сооруженія памятника надобно отнести къ тому времени, когда

1) Эрдмана, Къ Исторіи Чингисъ-хана, въ Журн. Минист. Народ. Просв. 1844 г., т. XLIV, отд. I, стр. 85. Переводчикъ Рашидъ-Эддина, г. Эрдманъ, передалъ термины подлинника нынѣшними русскими словами; но любопытно бы знать, какіе эти термины, которые онъ перевелъ «полкъ» и «баталіонъ». Можетъ быть Рашидъ-Эддинъ употребляетъ настоящія монгольскія слова.

2) Исункѣ ихъ былъ изданъ г. Спасскимъ, см. предисловіе къ этой статьѣ.

Исунке построилъ себѣ дворецъ на рѣчкѣ Кыркыръ, приблизительно между 1224—1300 годами, предполагая, что Исунке могъ поставить его не задолго до своей кончины.

Къ статьѣ Д. Банзарова П. Савельевъ присоединилъ предисловіе отъ своего имени; оно знакомитъ съ положеніемъ вопроса о надписи до Банзарова и уясняетъ научное значеніе работы послѣдняго, поэтому помѣщеніе его здѣсь мы сочли не бесполезнымъ.

Ред.

Надпись, которой представляется здѣсь, въ первый разъ, полный переводъ, доселѣ была извѣстна подъ именемъ Чингисъ-хановой, по имени этого хана, которое начертано въ ней въ красной строкѣ и со времени находенія памятника читаемо было безъ затрудненія даже сибирскими толмачами. Для науки надпись эта еще болѣе важна, какъ древнѣйшій доселѣ извѣстный памятникъ письменности монголовъ. Хранищіеся въ Парижѣ ярлыки хановъ Аргуна и Олджайту къ королю французскому Филиппу IV нѣсколькими десятилѣтіями повѣе, и только немногія монгольскія слова, начертанныя на монетахъ Гулагу, могутъ быть современны нашему памятнику. Г. Банзарову принадлежитъ честь объясненія этого древнѣйшаго памятника славнѣйшей эпохи его предковъ, половины XIII вѣка. Еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ, въ 1848 году, г. Банзаровъ пытался прочесть надпись вполне, но нѣскольکو печеткихъ словъ его оставаливали. Снявъ съ подлинной плиты снимокъ сквозъ прозрачную бумагу, онъ продолжалъ изучать эту надпись въ Сибири, куда отправленъ былъ по дѣламъ службы, и, наконецъ, въ Иркутскѣ, въ августѣ 1850 года, добился полного и отчетливаго уразумѣнія всѣхъ доголѣ таинственныхъ словъ надписи. Ислѣдованія его представляются здѣсь читателямъ. Но какъ ученый монголистъ нашъ, пиша въ Иркутскѣ, не имѣлъ подъ рукою книгъ, нужныхъ для изложенія исторіи находенія этого памятника и прежнихъ попытокъ объяснить надпись, и не сообщилъ о томъ извѣстій, то мы сочли за нужное, для полноты статьи, предпослать краткое историческое обозрѣніе вопроса объ этомъ памятникѣ. Первые, довольно обстоятельныя, извѣстія объ этомъ памятникѣ сообщили г. Спасскій въ 1818 году ¹⁾. «На сѣверѣ (отъ рѣчки Урулюнгу, впадающей въ Аргунь съ лѣвой стороны) — писалъ г. Спасскій — идутъ гранитныя, лѣсистыя горы, а на полдень, въ предѣлы Китая, обширная и пріятная степь. Отъ сихъ горъ къ рѣкѣ текутъ многіе ручьи, которые однакожъ, не дойдя оной, скрываются въ каменные розсыпи. На двухъ изъ этихъ ручьевъ, Кыркыръ и Малой Кондуѣ, открыты слѣды прежде бывшихъ нѣкоторыхъ здапій. Въ первомъ мѣстѣ (т. е. при Кыркырѣ) остаются оныя допынѣ безъ всякаго ислѣдованія; но сколько по достав-

¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ, 1818, ч. IV, отд. II, стр. 116—124.

ленному мнѣ плану ¹⁾ заключить можно, оныя существовали разстояніемъ одно отъ другаго на 90 сажень. Нѣкоторые изъ валовъ или насыпей имѣютъ странное и многоразличное направленіе; но есть и такіе, которые имѣютъ видъ четвероугольника, составляющаго какъ будто бы основаніе ограды. Въ пяти верстахъ отъ сихъ достопамятностей, вверхъ по ручью, находится нѣсколько древнихъ кургановъ, заслуживающихъ вниманіе тѣмъ, что, по утврѣнію нѣкоторыхъ, близъ оныхъ стоялъ большой гранитный камень съ прекрасно выфѣченною на немъ восточными буквами надписью; но большая часть утверждаетъ, что сей камень принадлежитъ къ числу памятниковъ, найденныхъ при разрытіи древнихъ развалинъ на Кондуѣ...» Далѣе говоритъ г. Спасскій, что камень этотъ перевезенъ былъ въ Нерчинскій заводъ и хранился тамъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими древностями. Изъ извѣстія г. Шмидта узнаемъ, что, по ходатайству г. Спасскаго, приказано было въ 1829 году перевезти этотъ памятникъ въ С.-Петербургъ ²⁾. Г. Шмидтъ, описывая кондуйскія развалины, куда относили памятникъ, не упомянулъ однакожъ о кыркырскихъ, гдѣ, по утврѣнію многихъ и свидѣтельству г. Спасскаго, стоялъ первоначально этотъ камень. Въ 1832 году онъ привезенъ былъ въ Петербургъ и хранился въ министерствѣ финансовъ; въ 1839 г. выставленъ былъ, для публички, въ залѣ выставки произведеній промышленности, а послѣ закрытія выставки переданъ въ Академію Наукъ, которая распорядилась поставить этотъ историческій памятникъ на лѣстницѣ передъ дверьми своего Азіятскаго Музея. Здѣсь онъ находится и теперь. Памятникъ этотъ состоитъ изъ гранитной плиты, имѣющей 2 аршина 13 вершковъ длины, $14\frac{3}{4}$ вершковъ ширины и 5 вершковъ толщины. Камень треснулъ почти въ самой серединѣ, вѣроятно, во время перевозки въ Нерчинскій заводъ. Эта трещина, какъ видимъ изъ статьи Банзарова, не мало затрудняетъ чтеніе, коснувшись буквъ надписи. Первые попытки въ чтеніи надписи сдѣланы были сибирскими толмачами и ламами, еще во время находенія тамъ памятника. Они безъ труда разобрали нѣкоторыя слова, которыми не представляли затрудненія, именно:

Чингисъ-ханъ... послѣдую временамъ... всѣ монгольскіе народы ³⁾.

Г. Ванчиковъ, учитель монгольскаго языка въ Кяхтѣ, разобралъ еще нѣсколько словъ; но, къ сожалѣнію, непонятныя арханзмы онъ перевелъ гадательно. Надпись переведена имъ вполне такъ:

¹⁾ Этотъ планъ составляетъ XIX-й листъ рисунковъ, приложенныхъ къ Сибирскому Вѣстнику.

²⁾ Mémoires de l'Acad. Impér. des sciences de St. Pétersb. (1833), VI série, t. II, 1. — J. Schmidt's Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft, S. 249.

³⁾ Сиб. Вѣст., loc. cit., стр. 123.

Когда Чингисъ-ханъ соизволил овладѣть сартольскимъ народомъ и присоединить къ древнему становищу всего монгольскаго народа, находящіеся вообще по Онону побѣждены тремя стами тридцатью пятью посланными ¹⁾).

Г. Шмидтъ, когда памятникъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ, составилъ новый переводъ надписи и помѣстилъ его въ Запискахъ Академіи Наукъ. Вотъ его переводъ:

Отъ Чингисъ-хана, когда онъ, покоривъ сартагольскій народъ, воротился и положилъ конецъ враждѣ отъ прежнихъ временъ всѣхъ монгольскихъ народовъ всѣмъ тремъ стами тридцати пяти Елѣ (демонамъ)... въ знакъ изгнанія ²⁾.

Накопецъ г. Банзаровъ представляетъ свой переводъ съ объясненіемъ всѣхъ словъ, затруднявшихъ прежнихъ переводчиковъ.

Сравнивъ съ этимъ переводомъ два прежніе, вяхтинскаго учителя и петербургскаго академика, читатель увидитъ, что оба они равно далеки отъ истины, а въ отношеніи здраваго смысла вяхтинскій переводъ беретъ верхъ надъ петербургскимъ, который заставляетъ могучаго Чингисъ-хана ставить монуменъ въ честь 335 демоновъ!! Мы бы не уномянули объ этомъ обстоятельстве, если бы самъ Шмидтъ не назвалъ перевода Ванчикова «безсмысленнымъ и вздорною болтовнею сумасшедшаго», а свой — «имѣющимъ логическій смыслъ» ³⁾. Это сравненіе обоихъ переводовъ напоминаетъ полемику, которую желательно бы забыть для чести ученой литературы: увидѣвъ переводъ г. Ванчикова, бывшій сарептскій толмачъ, почитавшій себя тогда монополистомъ «по монгольской части», вооружился противъ почтеннаго о. Іакимова, которому произвольно приписалъ переводъ, и наговорилъ ему печатно незаслуженныя несприятности. О. Іакимовъ отвѣчалъ съ достоинствомъ и скромностью ученаго, и председатель комитета объ устройствѣ выставки печатно подтвердилъ свидѣтельство знаменитаго нашего синолога о неучастіи его къ новому переводу надписи ⁴⁾.

1) Этотъ переводъ былъ помѣщенъ при памятникѣ, на выставкѣ 1839 г.

2) Mém. de l'Acad., loc. cit., стр. 252. По нѣмецки выражено такъ: «Von Tschinggis-Chan, als er nach Unterwerfung des Sartagolschen Volkes zurückgekehrt war und aller mongolischen Volksstämme von früheren Zeiten her herrschenden Groll ein vollständiges Ende gemacht hatte, den sämtlichen drei hundert fünf und dreissig Eljé (Dämonen) des... als Bannung».

3) Я. Шмидтъ: О новомъ переводѣ монг. надписи на извѣстномъ памятникѣ Чингисъ-хана, С.-Петерб. Вѣд. 1839 г., № 224.

4) Всѣ три статьи г. Шмидта, о. Іакимова и г. Комарова, перепеч. вмѣстѣ

въ заключеніе, должно сказать о снимкахъ съ нашей надписи и въ особенности о приложенномъ къ этой статьѣ.

Г. Спасскій, первый, издалъ рисункъ памятника и уменьшенный въ осьмую долю списокъ надписи ¹⁾. Надпись, сдѣланная незнавшимъ монгольскаго языка, весьма невѣрна.

Г. Шмидтъ приложилъ новый, также уменьшенный, снимокъ надписи къ своей статьѣ ²⁾. Но и этотъ списокъ также неудовлетворителенъ, потому-что списыватель переписывалъ, а не снималъ надпись; не сохранилъ характера письма, и произвольно возстановилъ буквы, не ясныя въ подлинникѣ.

Г. Банзаровъ желалъ, чтобы къ статьѣ его приложенъ былъ снимокъ съ надписи, во всю ея величину, который и былъ прислать имъ вмѣстѣ со статьёю. Желаніе законное, понятное всякому, знающему важность палеографическихъ признаковъ и невозможность сохранить характеръ надписи въ уменьшенномъ рисункѣ, дѣлаемомъ литографами, незнающими копируемыхъ ими писемъ! Но литографическій листъ въ два аршина длинны и аршинъ ширины трудно и неудобно приложить къ статьѣ, печатаемой въ 8-ю долю листа; а между тѣмъ необходимо было издать вѣрный и точный снимокъ для оправданія предлагаемаго чтенія. Какъ быть! Не довѣряя руцѣ европейскаго художника въ дѣлѣ правильнаго уменьшенія монгольскихъ буквъ XIII вѣка, я прибѣгъ къ солнцу. Листъ чувствительной бумаги положенъ былъ въ камеру-обескуру, поставленную противъ подлиннаго снимка надписи, и солнечные лучи, по способу Дагѣрра и Тальбота, перевели надпись въ уменьшенномъ видѣ на дно камеры. Затѣмъ, укрѣпленный на чувствительной бумагѣ рисунокъ былъ отлитографированъ обыкновеннымъ порядкомъ. Тутъ уже не можетъ быть ни умышленныхъ, ни произвольныхъ ошибокъ. Возьмите увеличительное стекло, увеличивающее въ восемь разъ, и вы будете имѣть передъ глазами нашу надпись въ настоящемъ ея видѣ, въ подлинную величину ³⁾.

въ Отеч. Зап. 1839 г. (т. VI. Смѣсь, стр. 27—33) подъ заглавіемъ: «Процессъ о монгольской надписи на памятникѣ Чингисъ-хана».

1) Сибирск. Вѣстн., I. с., рисун. XXII.

2) Mémoires etc., I. с.

3) Снимокъ Савельева былъ помѣщенъ при статьѣ Банзарова въ Записк. Археол. Общ., т. III. Мы отказались отъ мысли приложить его къ нашему изданію прежде всего за неимѣніемъ средствъ на это. При томъ простое перепечатаніе снимка Савельева при улучшенныхъ способахъ эстампированія, придуманныхъ нынѣ, было бы анахронизмомъ, а изготавленіе новаго снимка при помощи современныхъ средствъ будетъ болѣе уместно, когда надпись подернется новому ученому изслѣдованію. *Ред.*

ПИСЬМА 1).

I.

Казань, 15 марта 1847 2).

Алексѣю, Александрову сыну, по фамиліи Бобровникову, сѣящему сѣмена языка храбрыхъ монголовъ въ великомъ училищѣ, распространяющемъ вѣроученіе великаго народа русскаго 3).

Привѣтъ отъ Дорджи, сына Банзарова, изъ поколѣнія Урянхайцевъ, прибывшаго изъ страны монгольской для переправы черезъ море мудрости, но претерпѣвшаго крушеніе отъ бури и оставшагося въ Казани, подобно плѣннику.

Міръ сей подобенъ океану, наполненному подводными скалами. Жизнь наша сопряжена съ мученіями, которыя ожидать должно каждую минуту. Четыре моря мученій, отъ которыхъ еще мы не освобождены, и каждую минуту находимся мы въ опасности быть захваченными ихъ волненіями!

Настоящее мученіе достопочтеннаго вашего тѣла есть слѣдствіе дурнаго дѣянія, сдѣланнаго вами еще въ вашихъ прежнихъ перерожденіяхъ; поэтому вы должны заниматься, мыслить и читать, и держать книгу, вмѣщающую въ себѣ *парамитъ*: это лучшій способъ для излеченія; это амброзія, которая гаситъ пламя мученій міра сего.

1) Примѣчанія къ письмамъ принадлежатъ ориенталисту Савельеву. *Ред.*

2) Писано на монгольскомъ языкѣ, «въ женское лѣто огня и овна, 15-го дни перваго весенняго мѣсяца», что и соотвѣтствуетъ означенному здѣсь году, мѣсяцу и числу нашего лѣтосчисленія.

3) То есть Духовной Академіи.

Узнавъ, что принесетъ пользу вамъ и всѣмъ изъ шести рядовъ существъ, посылаю вамъ эту великую книгу, называемую *Элдибъ биллкъ-парамитъ*. Да очистятся ваши грѣхи, скопившіеся во многихъ вашихъ перерожденіяхъ; да возродится мысль и стремленіе къ *Бодди*. Да успокоится тѣло, языкъ и душа ваша! Все это должно быть слѣдствіемъ чтенія этой книги.

Уповающій на добродѣтель, гѣцуль Галсанъ, будучи ограбленъ разбойниками *терсовъ* 1), по спасенный по милости трехъ драгоцѣнностей 2), прибылъ въ Казань и поступилъ въ клинику, дающую убѣжище страждущимъ, пользоваться леченіемъ великаго и искуснаго пандита — Элатича 3), который рѣжетъ мясо и кости, сковывающія насъ съ этимъ міромъ.

II.

Петербургъ, 7 февраля 1848 4).

Любезный лама! Вы навѣрно, по благословенію Будды, здоровы. Я также здѣсь здоровъ. Каждый день хожу по присутственнымъ мѣстамъ. Не знаю, какъ скоро уѣду. Если ѣхать, такъ скоро уѣду. Если остаться, такъ останусь до 1-го числа марта. У васъ, что новаго? Нѣтъ ли съ нашей стороны писемъ? Покуда я еще не ознакомился съ городомъ. Понемногу привыкаю къ здѣшней жизни. Вы хотѣли ѣхать на родину вмѣстѣ со мной; подумайте объ этомъ. Какъ бы то ни было, но къ 15 числу непременно буду въ Казани 5). Если дѣйствительно думаете ѣхать на родину, то приготовьтесь...

III.

Петербургъ, 7 февраля 1848.

... Я здѣсь живу ни хорошо, ни худо. Ходъ моего *дѣла* такой: рѣшено, что меня пошлютъ въ Иркутскъ чиновникомъ осо-

1) Иновѣрцевъ, небуддистовъ.

2) Лама Галсанъ Гомбоевъ дѣйствительно подвергся нападенію разбойниковъ, близъ Сызрани.

3) Профессоръ Еллагичъ, искусный хирургъ въ Казани.

4) Писано по-монгольски къ ламѣ Галсану Гомбоеву, поздне преподала-телю монгольскаго языка при Петербургскомъ университетѣ.

5) Такъ скоро думалъ сначала Банзаровъ покончить свое дѣло!

быхъ порученій; но не рѣшено, съ какимъ окладомъ и на какихъ правахъ. Дѣло стоитъ вотъ за чѣмъ: сенатъ затрудняется исключить меня изъ казаковъ, хотя соглашается освободить меня отъ обязанности нести 25-лѣтнюю казацкую службу; поэтому дѣло мое перенесется въ государственный совѣтъ, такъ какъ съ исключеніемъ меня изъ казаковъ сопряжено измѣненіе закона ¹⁾).

IV.

Петербургъ, 8 марта 1848 ²⁾.

... Увѣряю васъ, что поѣздка въ Пекинъ на одинъ годъ есть вещь невозможная... Почему знать? Можетъ быть, вмѣстѣ съѣздимъ въ Пекинъ. Вы узнаете тамъ еще нѣсколько восточныхъ языковъ и будете совершенный въ своемъ родѣ ученый. «Въ Пекинѣ жить все равно, что въ ссылкѣ, въ заточеніи» скажете вы; но развѣ, въ Казани, вы не такъ же дома сидите? Скажете, что «лучшіе годы жизни убьешь тамъ безъ толку»; а какой толкъ будетъ, если эти шесть лѣтъ пробьетесь учителемъ, и въ добавокъ, при мало-дѣятельной жизни, привыкнете лѣниться и на всю жизнь засидите на одномъ мѣстѣ? Что за неволя, портить, или лучше сказать закабалить, задержать свою будущность, когда вамъ есть случай идти впередъ, разнообразить вашу жизнь, посмотрѣть кое-что? Повѣрьте, — я скажу вамъ по опыту, — человѣку, привыкшему къ извѣстному кругу и мѣсту, очень тяжело его оставить; но оставьте разъ, вы не будете о немъ сокрушаться, хотя не перестанете любить старыхъ знакомыхъ, старое житье, мѣсто воспитанія и проч. Все это будетъ всегда храниться въ вашей памяти, — и этого довольно. Вы, можетъ быть, будете смѣяться надъ моимъ двухмѣсячнымъ опытомъ; но сами знаете, какъ неприятно было оставить мнѣ Казань, не смотря на то, что всѣ торопили меня оставить ее, судя чудеса. Сожалѣлъ я о Казани, возвращусь туда съ восторгомъ; но все-таки здѣсь теперь живу ладно, не скучаю, не плачу, хотя и не веселюсь слишкомъ.

1) Какъ бурятъ, Банзаровъ принадлежалъ къ казацкому сословію, обязанному военною службою.

2) Писано къ одному изъ казанскихъ ориенталистовъ, желавшему ѣхать въ Пекинъ съ духовною миссіею, но только на одинъ годъ.

... Я живъ и здоровъ постоянно. Хожу каждый день въ Академію; а скоро ли ворочусь въ Казань, не знаю еще.

Дѣло мое благоприятно рѣшено въ общемъ собраніи, но пойдеть еще въ государственннй совѣтъ и къ Государю на утвержденіе. На это нужно мѣсяца четыре. Поэтому я уже думаю ѣхать въ Казань и тамъ дожидаться конца.

V.

Петербургъ, 12 апрѣля 1848 ¹⁾.

Достигшему предѣла всей премудрости, — сіяющему какъ лѣтнее солнце среди моря грамматки, — родомъ Ойрату калмыцкому ²⁾, прославившемуся подъ русскимъ пменемъ Бобровникова,

Небольшое посланіе.

Вашъ ничтожный братъ, желающій вамъ спокойствія и здоровья, получивъ многозначущее письмо ваше, обрадовался ему, подобно тѣмъ пяти стамъ купцамъ, которые нашли въ морѣ драгоценность величиною съ лошадиную голову. Содержаніе вашего письма глубже рѣки *Идилъ* ³⁾. Такой глубины можетъ достигнуть лишь тотъ, кто предается созерцанію о пользѣ шести *парамитъ* ⁴⁾. Что до этого касается, то гдѣ мнѣ, ничтожному вашему брату, скитающемуся по городамъ и странамъ, достигнуть до такого глубокомыслія! Русскіе, живущіе на пути, по которому я ѣхалъ, угнетены суетою, вслѣдствіе чего они никогда не избавятся отъ рукъ полчища *шимбусовъ* ⁵⁾. Силою злой судьбы, родившись *терсами* ⁶⁾, они не только не въ состояніи понять грѣхъ и добродѣтели, но и не слышали даже о десяти черныхъ грѣхахъ и десяти бѣлыхъ добродѣтеляхъ. Вообще, благочестивыхъ людей между ними очень мало. Здѣсь-то сосредоточивается *орчиланъ* ⁷⁾. Хотя и есть люди, знающіе санскритскій и тибетскій языки, и читаютъ они священныя и буддійскія книги, но сущно-

1) Писано по-монгольски.

2) А. А. Бобровниковъ, авторъ «Монгольско-калмыцкой грамматки».

3) Волги.

4) Шести разрядовъ существъ, по буддійскому ученію.

5) Шимбусы, по буддійскому ученію, представители материи.

6) Терсы — противники Будды, не-буддисты, иновѣрцы.

7) Матеріальный міръ.

сти ихъ не понимаютъ; они подобны опрокинутому сосуду, во внутрь котораго ничего не попадетъ. Изъ этихъ книгъ не извлекаютъ они понятія о добродѣтели, а стараются только о существенной (для себя) выгодѣ. Вообще, что касается до этихъ ученыхъ инородцевъ, то занятія ихъ подобны представленію десяти игрищъ.

Если вникнуть въ обычаи и обращеніе здѣшняго народа, то увидимъ, что они отличаются отъ другихъ. Люди ходятъ здѣсь, какъ бѣшеные. Языковъ много: кто говоритъ по-чухонски, кто по-нѣмецки, другіе по-французски и т. д. По моему мнѣнію, буддѣйское ученіе сюда еще не проникло. Невинныхъ, безгрѣшныхъ и простодушныхъ здѣсь легко обманываютъ и надуваютъ. Къ полученію грѣшныхъ денегъ всѣ стремятся съ такою же жадностью, съ какою благочестивые должны стремиться къ полученію благословенія. Еще безстыднѣе черты характера ихъ. Каждый пишетъ на желѣзныхъ доскахъ, что онъ дѣлаетъ: «Я шью сапоги», — «я дѣлаю гробы», — «я стригу волосы», — «я дѣлаю телеги», — «я убиваю быковъ» и т. д., и доски эти привѣшиваютъ на стѣнахъ своихъ домовъ. Нѣкоторые выставляютъ на окнахъ такія соблазнительныя вещи, что отъ нихъ рождаются грѣшныя мысли. Всѣ эти люди отрасли шимнусовъ. По опредѣленію судьбы, прїѣхавъ сюда, теперь въ продолженіе двухъ недѣль постоянно занимаюсь добрыми дѣлами и мысленно живу съ вами.

Есть здѣсь огромное зданіе, которое называется Академія, гдѣ хранится множество вещей, принадлежащихъ буддистамъ; я привелъ ихъ въ порядокъ, также какъ и книги маньджурскія, и сдѣлалъ имъ опись. У меня есть нѣсколько книгъ *тертиковъ* ¹⁾, и еще надѣюсь пріобрѣсти ихъ, потому что здѣшніе инновѣрцы-ученые, въ надеждѣ распространить свою славу, раздають свои сочиненія даромъ.

Какъ ни прїятно вообще письмо ваше, но еще прїятнѣе и глубокомысленнѣе обѣщаніе, что вы приготовите новую колоду картъ и хорошую водку къ моему прїѣзду. Если это исполнится, для пользы всѣхъ существъ, то добродѣтель ваша будетъ такъ ве-

1) Не-буддистовъ.

лика, что и сказать нельзя! Первое дѣло — *мизеры*; безъ того, что мы за люди!

Если И. влюбился въ татарку, то это признакъ, что онъ хочетъ обратиться въ мухаммеданство, и хоть онъ живетъ въ чистомъ домѣ, но не соблюдаетъ обѣта *шахшабатъ* (цѣломудрія), вслѣдствіе чего грѣхъ его удваивается или удвоитъ татарку, такъ что изъ одного дурнаго дѣла выйдетъ два.

У обитателей Запада настало теперь смутное время ¹⁾: они повыгоняли своихъ хановъ и владѣльцевъ и потомъ стали враждовать другъ съ другомъ. Кажется, такое же время было тогда, когда Гэсэръ-ханъ родился въ семъ мирѣ. Судя по характеру настоящаго времени, не явится ли снова Гэсэръ. Тогда намъ предстанетъ случай быть въ числѣ тридцати трехъ богатырей его.

Уповайте на *гурбанъ эрдени*! ²⁾.

Младшій братъ вашъ, Банзаровъ сынъ.

VI.

Ламбагаи

(Петербургъ, 25 мая 1848) ³⁾.

Любезный ламдагаи! Я живу здѣсь въ добромъ здоровьѣ. Какъ ваше здоровье? Желалъ бы отправиться поскорѣе въ Казань, но разныя обстоятельства удерживаютъ меня. Впрочемъ скоро выѣду. Сегодня вторникъ, а намѣреваюсь уѣхать въ концѣ этой недѣли.

Три года тому назадъ найдена была одна серебряная дощечка съ квадратною надписью, которая была причиною спора между Шмидтомъ и Григорьевымъ. Теперь найдена еще такая же дощечка съ монгольской надписью; содержаніе ея сходно съ предъидущей. Я занимаюсь объясненіемъ ея; поэтому я и не писалъ къ вамъ. Теперь уже печатается статья. Здѣсь нѣкоторые дѣла скоро дѣлаются. Если увидите Ковалевскаго и Попова, скажите имъ объ этой дощечкѣ. Вотъ эта надпись:

1) Февральская революція во Франціи.

2) *Гурбанъ эрдени*, «три драгоценности», чрезъ посредство которыхъ буддисты думаютъ спастись, т. е. слиться съ верховнымъ началомъ.

3) Писано по-монгольски къ ламѣ Галсану Гомбоеву.

*Мѣнкэ теерингъ кучунъ-дуръ, экэ су джисалингъ илэгэнъ-дуръ.
Абдулаингъ джисарликъ: кэнъ улу буширэху, кумунъ алдаху, укужу.*

Вотъ какая удивительная вещь нашлась! *Илэгэнъ* — ну какъ объяснить это слово ваши казанскіе ученые? До моего пріѣзда приготовьте мнѣ объясненіе. Посмотримъ! Если неправильно объясните, то съ васъ взыщется бутылка меду; а если вѣрно, то я заплачу.

VII.

Казань, 4 августа 1848 ¹⁾.

... Здѣсь умеръ отъ холеры профессоръ Диттель; не слышали-ли, кто будетъ на его мѣсто?

Я живу здѣсь, какъ истинный провинціалъ...

... Пишу о знаменитыхъ *пай изы*, да ожидаю отъ васъ обѣщанныхъ свѣдѣній; здѣсь же открытія я не сдѣлалъ никакого. Мы все ломаемъ голову надъ Чингисовою надписью; но пока ничего не придумали.

Бобровниковъ кончилъ монгольско-калмыцкую грамматику и получилъ отъ Ковалевскаго блистательную рецензію.

VIII.

Казань, 18 августа 1848 ²⁾.

... Здѣсь я иногда скучаю, и сожалею о Питерѣ, а въ особенности о томъ кружкѣ, въ которомъ я бывалъ. Ученія мои занятія теперь состоятъ въ составленіи статьи для П. С. Савельева; да еще замышляю кое-что, но не знаю, какъ удастся. Мнѣ сильно хочется писать къ В. В. Григорьеву, да онъ самъ сказалъ, чтобы безъ дѣла и безъ толку не писать. Что онъ говоритъ о моихъ нѣмецкихъ грѣхахъ? Увѣрьте его, пожалуйста, что я давно уже переродился въ русскаго. Это случилось со мной дорогой...

1) Къ о. Палладію Кагарову, нынѣшнему начальнику русской духовной миссіи въ Пекинѣ.

2) Къ о. Палладію.

IX.

Казань, 23 сентября 1848.

Благодарю васъ и нѣкотораго жителя улицы Шестилавочной ¹⁾ за добрую память и благодарственный адресъ, котораго я удостоился отъ васъ по строгомъ изслѣдованіи моего поведенія и образа мыслей... Но прежде бывшій *геллертеръ* ²⁾, хотя и избѣгъ счастливо всякихъ метаморфозъ, кромѣ ниже поименованной, не смотря на свое постоянство, кругомъ виновать передъ вами, промолчавъ ровно три мѣсяца. Дѣло въ томъ, что я рѣшился не писать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока статья о *пайзе* не будетъ готова. Между тѣмъ о. Палладіи не присылалъ ожидаемыхъ для статьи выписокъ, а я, въ ожиданіи ихъ, не слишкомъ торопился оканчивать статью, и слѣдовательно не писалъ къ вамъ. Наконецъ ваше письмо развязало мнѣ руки.

Путешествіе мое изъ Петербурга въ Казань кончилось благополучно; только досталось моимъ бокамъ, да еще я ужасно загорѣлъ, сдѣлался мѣдно-краснымъ, какъ индѣецъ, и только недавно началъ бѣлѣть, т. е. желтѣть. По пріѣздѣ въ татарскую столицу, занялся я, разумѣется, официальными дѣлами: ходилъ являться по начальству, написалъ письма къ нѣмцамъ, и т. д. А что дѣлалъ я послѣ того, — не стоитъ и писать.

Однако статью для васъ ³⁾ давно окончилъ и ждалъ только извѣстій отъ о. Палладія; но боюсь, что она будетъ слишкомъ коротка и не будетъ соответствовать вашему ожиданію. Затрудненій, при составленіи ея, не мало; первое — недостатокъ въ книгахъ; вы не повѣрите, что я не могъ найти здѣсь даже Д'Оссона *Histoire des Mongols*. Но впрочемъ вы увидите статью мою скоро; черезъ недѣлю она будетъ готова и немедленно будетъ отправлена.

Между прочимъ, я досталъ сочиненіе Висковатова объ одеждѣ и вооруженіи русскихъ войскъ и пашель въ немъ съ десяткомъ

1) В. В. Григорьева.

2) Такъ, въ шутку, называетъ Банзаровъ самого себя потому, что писалъ нѣсколько статей на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанныхъ въ *Bulletin Académii Nauck*.

3) Изслѣдованіе о *пайзе*, которое онъ не успѣлъ кончить въ Петербургѣ и обѣщалъ выслать изъ Казани.

названій чисто-монгольскихъ; но этого, мнѣ кажется, мало для того, чтобы составить статейку для вашихъ «Записокъ». Вы должны рѣшить, что дѣлать мнѣ: писать или не писать? Будетъ ли такая малость годна для тѣхъ, которые съ помощью нашей братіи, восточниковъ, надѣются опредѣлить, что и какія оружія русскіе замѣтывали отъ монголовъ ¹⁾.

Надпись на столбѣ Чингисовомъ ²⁾ сводитъ меня съ ума. Сколько я ни старался, не могъ разобратъ въ ней ровно ничего; только узналъ, что слово, которое Шмидтъ переводилъ «вообще», есть *собственно* имя племянника Чингисова. Остается ожидать вдохновенія отъ «сняго и вѣчнаго неба!»...

Но оставимъ древность и обратимся къ настоящему. На дняхъ я былъ у А., съ которымъ познакомился и надѣюсь видѣться почаще... Б. оплѣшивѣлъ такъ гладко, что ужъ больше никогда не будетъ стричься... Изъ поѣздки своей онъ бѣжалъ, «холерѣ гоняще его»...

X.

11 октября 1848.

Я обѣщаль скоро прислать вамъ статью; наконецъ она поспѣла; но, ожидая почты, пролежала у меня цѣлую недѣлю. Въ одинъ день съ этимъ письмомъ получите и ее; но я долженъ предупредить васъ на счетъ достоинства этого новаго произведенія своего. Боюсь, что вы и Василій Васильевичъ ³⁾ будете недовольны ею, ея краткостью и незрѣлостью. Что дѣлать! еще не опытенъ въ писаніи, да и книгъ-то нѣтъ; въ самомъ изложеніи и слогѣ замѣтите неловкость, которой я никакъ не могъ побѣдить. Посылая статью на ваше распоряженіе, во всемъ полагаюсь на васъ и надѣюсь, что вы безъ церемоніи поправите все, что вамъ будетъ угодно, прибавите и убавите въ ней, что можно. Въ одномъ мѣстѣ я оставилъ пробѣлъ, чтобы можно было написать изъ *Histoire des Mongols* Д'Оссона, если въ ней вы най-

1) Эта статья предпринята имъ вслѣдствіе помѣщенной въ Запискахъ Археол. Общ. статьи г. Жили о монголо-татарскомъ вооруженіи, хранящемся въ Царскосельскомъ арсеналѣ.

2) То есть на плитѣ съ именемъ Чингиса, находящейся нынѣ въ Азіатскомъ музеумѣ Академіи Наукъ.

3) В. В. Григорьевъ.

дете еще какія подробности... Съ братомъ вашимъ А. С. ¹⁾ я уже говорилъ на счетъ наставленія меня въ барометрическихъ наблюденійхъ и онъ обѣщаль научить меня, сколько нужно.

Теперь же я хожу заниматься—чѣмъ бы, вы думали?—дѣлами, т. е. писать доклады, отношенія и проч. и проч., чтобы приготовиться сколько нибудь къ будущей службѣ. Между тѣмъ изъ Петербурга нѣтъ извѣстій, и ничего не знаю, что тамъ дѣлается съ моимъ дѣломъ. Еще менѣе знаю, что дѣлается въ ученномъ мірѣ, потому что здѣсь не очень часто толкуютъ о такихъ вещахъ....

Сюда пріѣхали какіе-то девять нѣмцевъ-музыкантовъ, угощать казанцевъ музыкой за деньги; также «итальянскій балетмейстеръ», у котораго впрочемъ главныя роли играютъ мароканцы. Ничего нѣтъ удивительнаго, что нѣмцы пріѣхали сюда за русскими и татарскими деньгами; но какъ догадались о томъ мароканцы! Вотъ это новость!

XI.

14 января 1849.

...Очень радъ, что моя статья ²⁾ удостоилась вашего вниманія, и прекрасно, что вы хотите придѣлать къ ней два хвоста. Только предложу вамъ одно условіе: слава міра сего мнѣ прискучила, и потому не помѣщайте въ хвостѣ отчета обо мнѣ, какъ сдѣлалъ это Böhrlingk; а цитатъ и примѣчаній—сколько вамъ угодно. Не знаю, какъ думаетъ о семъ писаніи В. В. Григорьевъ; боюсь, чтобы не попасться ему въ лапы и какъ нибудь невзначай не подвергнуться участи Шмидта! Да сохранитъ меня Будда! Чингисова надпись ставитъ меня въ тупикъ: какъ, въ четырехъ строкахъ, четыре слова монгольскихъ, которыхъ не знаешь! Увѣренъ только въ одномъ,—что слово, которое Шмидтъ переводитъ «вообще», имѣетъ самое частное значеніе, и что оно—имя Чингисова племянника, *Исункэ*. Мое мнѣніе подтверждается, кромѣ выноски этого слова въ красную строку, еще тѣмъ, что удѣлъ этого Исункэ былъ именно тамъ, гдѣ нашли памятникъ.

1) Профессоръ физики въ Казанскомъ Университетѣ.

2) «О пайзе».

Монгольскихъ названій старинныхъ русскихъ вооруженій я нашелъ хоть немного, но зато все несомнѣнно вѣрныя. Доставить объ этомъ въ скорости вамъ статью я не могу, или не рѣшаюсь; думаю, что, можетъ быть, удастся мнѣ сдѣлать статью получше той, какую я могу теперь написать, такъ сказать, съмаху.

Какъ писать *пайзе*? Лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ — вы да о. Палладій, персіянинъ и китаецъ. Достопочтенный житель Грязной улицы ¹⁾ рѣшитъ вамъ, которое изъ китайскихъ удареній приличествуетъ первоначальной формѣ *пай* — *дзы*. Я полагаю, что честь ударенія достанется первому слову; а монгольская форма этого слова, сокращенная *бай*, безъ слова *дзы*, которое есть только хвостъ его, не приличествовала устами побѣдителей.

Что дѣлается у васъ въ Географическомъ Обществѣ? Нѣтъ ли чего новенькаго? Тезка вашъ Петровъ ²⁾ преподаетъ здѣсь англійскій языкъ, на томъ основаніи, вѣроятно, что нынче Индія стала Англійей.

ХІІ.

12 октября 1849 ³⁾.

Благодарю васъ за письмо, доставившее мнѣ удовольствіе извѣстіемъ о моемъ безконечномъ дѣлѣ. . . Извините меня за долговременное молчаніе: тому были причины, а именно поѣздки по уѣздамъ Казанской губерніи съ знакомыми мнѣ чиновниками. Уѣзжая въ уѣзды, каждый разъ намѣревался я заняться чѣмъ-нибудь для науки; но гостепріимство уѣздныхъ жителей отнимаетъ у меня возможность заняться чѣмъ бы то ни было. Вы вѣрно знаете, что я временно причисленъ къ здѣшнему губернскаму правленію; а кто изъ губерніи пріѣдетъ въ уѣздъ, тому воздается почетъ непременно, хотя бы даже онъ не хотѣлъ того. Такимъ-то образомъ, разъѣзжая съ чиновниками губернскими, я долженъ былъ безпрестанно бывать на обѣдахъ, чаяхъ и проч. Такъ у меня все лѣто прошло. Въ подобныхъ путешествіяхъ можно услышать или слушать много смѣшного, но не чего-нибудь другого. . . Впрочемъ въ городѣ Чистополѣ я приобрѣлъ 300 мѣд-

1) О. Палладій.

2) Санскритологъ П. Я. Петровъ.

3) Годъ, мѣсяцъ и число написаны по-монгольски, также какъ и мѣсто писанія: *Тоюнг-хотонгъ* «Котель-городъ», т. е. *Казань*, Казань.

ныхъ болгарскихъ монетъ и держу ихъ у себя. Судьба ихъ въ вашихъ рукахъ: прикажете зарыть ихъ въ землю, онѣ будутъ зарыты; прикажете прислать ихъ къ вамъ, онѣ будутъ присланы. Къ чести Казанской губерніи, я долженъ прибавить, что эти монеты собраны секретаремъ земскаго суда.

Я очень радъ, что статья моя (о пайзе) скоро напечатается. Статью о монгольскихъ названіяхъ древнихъ русскихъ вооруженій пришлю вамъ скоро; но предупреждаю васъ, многого отъ нея не ждите.

Дипломъ Общества и двѣ книги Записокъ получилъ я уже давно. . . Вотъ выходитъ у насъ другая монгольская грамматика ¹⁾, по поводу которой я хочу сравнить объ грамматике и показать Азіи, какіе успѣхи можетъ сдѣлать филологія въ одинъ годъ. . .

ХІІІ.

9 января 1850.

. . . Посылаю вамъ, въ видѣ *hommage* (извините за французское слово) отъ автора, «Грамматику монгольскаго языка» ²⁾. О достоинствахъ ея я не буду распространяться потому, что вскорѣ будетъ говорено о томъ печатно. Во вторыхъ, посылаю давно обѣщанную статью о восточныхъ названіяхъ вооруженій ³⁾. Я ею не доволенъ, потому что слишкомъ коротка она. Но чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ. Другая бѣда — слогъ; не знаю почему-то не могъ изложить ее ясно и толково. Передѣлывать, если найдете нужнымъ, можете сколько угодно.

Скоро ли отпечатаются *пайзе*? Мнѣ очень хочется получить статью. Въ Сибирь ѣду я еще не скоро, мѣсяца черезъ полтора, и потому если оттиски готовы, то присылайте ихъ. . .

Я читаю много, но пишу мало. Хотя постоянно копаюсь надъ исторіей Монголіи, но у меня бываетъ, въ извѣстное время, за недостаткомъ большихъ работъ, мономанія на особенные сюжеты. Теперь мнѣ покою не даетъ извѣстная надпись на камнѣ, вѣланномъ въ стѣну въ сѣняхъ Азіятскаго музеума Академіи Наукъ, приписываемая Чингису. Надпись эта особенно прославлена ру-

1) Монгольско-калмыцкая, г. Бобровникова; первая была г. Попова.

2) А. А. Бобровникова.

3) Напечатана во II томѣ Записокъ Археол. Общ., стр. 72—98.

ганкою, которую нѣмецъ Шмидтъ задалъ по русски почтенному о. Іакинѣу. Мнѣ хочется теперь посрамить «черныя кости» нѣмца и косвенно оградить о. Іакинѣа. Въ разборѣ этой надписи я теперь уже столько сдѣлалъ, что, если-бы я имѣлъ $\frac{1}{100}$ той смѣлости, съ какой разбиралъ ее Шмидтъ, то давно отправилъ бы свой переводъ къ вамъ. Если со временемъ случится такое проществіе, то дайте слово отпечатать литографіею мой снимокъ въ той величинѣ, какъ онъ есть. Дѣло остановилось у меня вотъ на чемъ. Въ этой надписи главную роль играетъ *Исуикэ*, по китайской транскрипціи *И-сунг-кхэ* (Истор. четырехъ хановъ, стр. 306—376), племянникъ Чингиса, сынъ знаменитаго его брата Джучи-Хасара или Хаджара. Мнѣ нужно знать его біографію, которая вѣроятно находится въ Исторіи династіи Юань (каталогъ книгъ Азіат. Департам. № 24 и можно еще посмотреть въ № 55), и также нужно бы знать, что досталось ему въ удѣлъ, какое мѣсто онъ занималъ между князьями; а о Чингисъ-ханѣ посмотрѣть, что онъ дѣлалъ непосредственно по возвращеніи изъ хивискаго похода, а именно въ 1225 году, — и вообще, что сказано объ Исуикэ въ исторіи. Объ этомъ я писалъ и къ Василю Васильевичу; но онъ ничего не могъ сдѣлать, а взялся за дѣло Щукинъ, и увы! о злодѣйство! — В. В. сыгралъ вѣроятно съ нимъ штуку: Щукинъ искалъ, вмѣсто благороднаго племянника Чингисова, Исуикэ, какого-то Хабака, котораго имя, по сходству съ однимъ русскимъ словомъ, весьма оскорбительно для каждаго монгола и срамить искателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ я писалъ къ Щукину, по просьбѣ котораго Розовъ рылся въ исторіи династіи Юань. Помогите и вы, Павелъ Степановичъ, побудите о. Іакинѣа, ради собственной его амбіціи, принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, опытнѣе Розова въ чтеніи историческаго китайскаго текста...

Вы знаете, что я ѣду въ Сибирь, гдѣ можно найти развѣ сказку о Баламирѣ, царѣ Уиновъ. Поэтому сообщите, сдѣлайте милость, цѣны на Рашидъ-Эддина (изданіе Катрмера), на Д'Оссона, Гаммерову Истор. Золот. Орды и другія замѣчательныя сочиненія по исторіи монголовъ¹⁾.

1) Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ высланы были къ нему, частью въ Казань, частью въ Иркутскъ.

XIV.

Иркутскъ, въ августѣ 1852 1).

... Буряты простодушный народъ, и потому они думаютъ, напримѣръ, что одинъ русскій человекъ поставилъ на Селенгѣ желѣзный ящичекъ и молилъ вечернюю звѣзду сойти съ неба, а только спустилась она въ ящичекъ, какъ онъ унесъ его съ собою. Я хотѣлъ утѣшить добрыхъ людей и началъ слѣдствіе (не забудьте, что я — чиновникъ!), чтобы открыть преступника и предать его закону. Оказалось — боюсь сказать вамъ правду — кто бы, думали вы, былъ преступникъ? — академикъ! ... Подъ предлогомъ, будто бы онъ измѣрялъ широту и долготу Селенги, пригласилъ онъ Венеру въ свой ящикъ и уѣхалъ съ ней въ Петербургъ. Недавно, впрочемъ, звѣзда эта опять возвратилась къ бурятамъ.

XV.

Иркутскъ, 4 сентября 1852 2).

Я былъ до сихъ поръ въ безпрестанныхъ хлопотахъ по случаю отъѣзда генераль-губернатора изъ Иркутска въ Красноярскъ, и наконецъ-то собрался написать къ вамъ.

Во первыхъ, я не писалъ къ вамъ долго потому, что былъ въ улусахъ, деревняхъ, изъ которыхъ многія отстоятъ отъ города на нѣсколько сотъ верстъ; я былъ между бурятами, которые, изъ преданности ко мнѣ, не давали мнѣ покоя, т. е. или осаждали меня дома, или зазывали къ себѣ, съ непремѣннымъ желаніемъ разузнать отъ меня подробно все, что я имѣлъ случай видѣть, и наконецъ пить *тарасунг* (по не «спиться съ круга»), какъ вы писали.

Во вторыхъ, денегъ у меня нѣтъ потому, что я живу однимъ жалованьемъ, хотя на рукахъ у меня бывали такія дѣла, отъ которыхъ другіе толстѣютъ; я же отъ нихъ худѣю потому, что ѣздить по уѣздамъ всегда стоитъ мнѣ дороже, чѣмъ жить въ Иркутскѣ постоянно. Получать въ Иркутскѣ 2000 рублей жало-

1) Писано къ г. Шифнеру, которому Банзаровъ сообщилъ образчики шаманскихъ молитвъ, напечатанные только недавно, въ приложеніи къ «Бурятской грамматикѣ» Кастрена (Versuch einer Burjät. Sprachlehre. 1857), на стр. 234—239.

2) Писано къ И. Н. Березину.

ванья, то же, что получать въ Казани только 300 руб. сер. Такова здѣсь дороговизна во всемъ! Я долго прожилъ между бурятами, производилъ слѣдствія строго, однимъ словомъ, дѣла велъ не политично; меня на десять дней посадили на гауптвахту, но все-таки ничего со мною нельзя было сдѣлать. Я остался на мѣстѣ, и теперь съ губернаторомъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и прежде. Но всего того, что ему было на сказано на меня тѣми, которымъ правится мое мѣсто, не хочу описывать, потому что для описаній всегда найдутся сюжеты болѣе благородные, нежели эти вещи.

Въ третьихъ, учеными дѣлами заниматься во время командировки нельзя потому, что всѣхъ книгъ съ собой не повезешь, голова занята другими предметами, нѣтъ людей, вопросы и мнѣнія которыхъ могли бы навести на ученость. Наконецъ, если бы я и жилъ постоянно въ Иркутскѣ, и то ничего не могъ бы сдѣлать потому, что у меня нѣтъ книгъ. Но при всемъ томъ, я занимался сколько было можно: изучалъ бурятскія нарѣчія, собиралъ свѣдѣнія о древностяхъ и нѣкоторыя изъ нихъ разсмотрѣлъ. Но что нашелъ въ этихъ памятникахъ, теперь не скажу. Подождите. За Байкаломъ рѣдкихъ книгъ очень мало, и можно сказать, что въ Казани больше дѣльныхъ книгъ, чѣмъ у бурятъ.

Четвертое: въ Шейбаниадѣ, которой экземпляры у меня теперь лежатъ (но я надѣюсь сколько нибудь ихъ сбить), пужно бы поправить: 1) Примѣчанія 60—61, подлинникъ стр. 37: вмѣсто *التجيه*, въ текстѣ, переводѣ и примѣчаніи надобно поправить: *البايجيه فونكقور* *Эбулджис-Хонгоръ* «ложбина» (котловина), «зимникъ» (зимнее кочевье). Этимъ очень просто объясняется значеніе имени *Хонкиратъ*, которое затрудняло всѣхъ любителей толкованія собственныхъ именъ монгольскихъ, начиная съ Рашидъ-Эддина до васъ, любезный абагай: *Хонкиратъ* есть только смягченное произношеніе имени *Хонхоратъ*, «жители ложбины»: отъ того-то по турецки это имя выговаривается то *Конкратъ*, то *Конрадъ* (какъ у Киргизовъ. 2) Примѣч. 37: вмѣсто *كنت* надобно читать *كبدوت* (*Кубдуть*). Китайскіе историки говорятъ, что Хайду ушелъ къ племенамъ Па-л-ху и Цзѣ-гу; но при этомъ случаѣ, имъ нельзя вѣрить безусловно; они или ихъ письменность часто смѣшиваютъ виды собственныхъ именъ, т. е. вмѣсто городъ, пишутъ племя, и

наоборотъ. *Palhou* и *Tsieou* суть рѣки Чикой (у бурятъ Цѣкѣ) и Баргу (см. на картѣ къ Стат. Опис. Китайск. Имп., о. Іакинѣа). Именемъ *Баргу* называлась не только рѣка, но и племя монгольское, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ *Баргу-Бурятъ*. Отъ этихъ Баргу-Бурятъ происходятъ Буряты *Хоринскіе* (Забайкальской обл., Верхнеудинскаго округа), а между Хоринскими Бурятами есть родъ, называемый *Кубдуть*: если Хайду ушелъ къ *Баргутамъ*, какъ говорятъ китайцы, то естественно могъ попасть къ отдѣлу ихъ, *Кубдутамъ*, что говорятъ и мусульманскіе историки. Нѣкоторыми мѣстами Тохтамышева ярлыка, т. е. перевода его, я не доволенъ: сообщу вамъ свои замѣчанія, и прошу васъ напечатать ихъ гдѣ-нибудь.

Вы безъ моего участія напечатали уже вѣроятно ярлыкъ Тимуръ-Кутлука; сожалѣю объ этомъ потому, что я было уже приготовилъ половину перевода, какъ обстоятельства заставили меня уѣхать за «Богатое море» (*باي كور*) *Байкалъ*, а съ тѣхъ поръ забылъ объ немъ.

Я желалъ бы представить вамъ очерки восточно-сибирскихъ нравовъ; но не могу, потому что они едва-ли дадутъ вамъ хорошее понятіе о моей родинѣ.

«Алтанъ Тобчи»¹⁾ оказывается очень труднымъ для перевода по сжатости слога, множеству стиховъ и искаженныхъ мѣстъ. Скоро пришлю къ вамъ образчикъ моего перевода, чтобъ вы разсмотрѣли его и дали мнѣ совѣты. Наконецъ, если хотите, то я доставлю переводъ грамматы, писанной квадратными буквами и уже изданной по-нѣмецки, но съ невѣрнымъ переводомъ²⁾.

1) «Золотая Пуговка», названіе древнѣйшей доселѣ извѣстной монгольской лѣтописи.

2) Г. Габеленцемъ, во II томѣ *Zeitschrift der morgenl. Gesellschaft*.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Замѣчаніе о монголизмахъ въ ярлыкѣ Тохтамышъ Хана ¹⁾.

(«Ярлыкъ хана Золотой Орды, Тохтамышъ, къ польскому королю Ягайлу», Казань, 1850, стр. 41—42 и 47—48).

Ярлыкъ Тохтамышъ писанъ четкимъ уйгурскимъ шрифтомъ; въ палеографическомъ отношеніи онъ отличается точностью правописанія и по шрифту близко подходитъ къ надписи на каменной плитѣ, найденной въ Нерчинскомъ округѣ, а еще ближе къ пайзѣ, найденной въ имѣніи барона Штиглица въ Екатеринославской губерніи; въ каллиграфическомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ двумъ письмамъ персидскихъ Чингизидовъ къ французскому королю Филиппу Прекрасному.

Разбирая этотъ ярлыкъ прежде всего въ палеографическомъ отношеніи, я нашелъ въ немъ довольно словъ, нынѣ неизвѣстныхъ. Я такъ и ожидалъ: требовать отъ памятника XIV столѣтія непременно нынѣшняго татарскаго языка—значить отвергать всякую перемену въ языкѣ народа, продолжающаго жить и подвергнувшася съ той поры довольно многимъ преобразованіямъ въ общественной жизни, значить въ древностяхъ отыскивать только современность. Поэтому я не могъ согласиться не только съ произвольнымъ чтеніемъ прежнихъ толкователей Тохтамышева ярлыка, но даже съ точнѣйшимъ чтеніемъ профессора Березина. Такъ стоящее въ концѣ 10-й строки слово можетъ быть прочитано не иначе, какъ *жманъ* или *жижанъ*, первое въ слѣдующей строкѣ *джэдэ*, *іедэ*, *джада* или *яда*; послѣднее изъ

¹⁾ Эту статью слѣдовало помѣстить передъ письмами, но она была пропущена. Г. П.

нихъ неизвѣстно и не легко можетъ быть объяснено изъ языка татарскаго или монгольскаго. Посему лучше оставить его безъ объясненій, тѣмъ болѣе, что пропускъ его почти не вредитъ смыслу цѣлаго.—Торжество Тохтамышъ надъ измѣнниками выражено неизвѣстнымъ глаголомъ, который лучше всего чтутъ *мунханалды*. Въ указѣ калмыцкаго хана Галдана Цэрэна, помѣщенномъ въ собраніи монголо-калмыцкихъ законовъ, упоминаются рабы или работники, называемые *бэдэргэ* (батракъ!); эти рабы раздѣлены въ законѣ на *олзолосанъ бэдэргэ*, военнопленныхъ и *манханіулъ бэдэргэ*, подъ которыми, безъ сомнѣнія, должно разумѣть рабовъ, отданныхъ въ кабалу за долгъ или для заработка наложенной за преступленіе пени, которой они не въ состояніи заплатить. Если *мунханалды* примемъ за корень *монханіулъ*, то смыслъ Тохтамышева выраженія *мунханалды* будетъ: «Небо предало въ мои руки какъ бы въ кабалу враговъ моихъ».

Настоящій ярлыкъ, писанный уйгурскими буквами, доказываетъ, что Золотая Орда, не смотря на введеніе ислама и арабской азбуки, долго сохраняла династическое, такъ сказать, письмо—уйгурское, особенно для внѣшнихъ сношеній и важныхъ бумагъ по внутреннимъ дѣламъ; послѣднее подтверждается найзой Абдуллы, писанной уйгурскими же буквами въ 1362—1363 годахъ; въ дѣлахъ же, или касавшихся мусульманъ, или небольшой важности, или наконецъ требующихъ всенароднаго свѣдѣнія, употреблялось, вѣроятно, арабское письмо, какъ мы видимъ въ тарханномъ ярлыкѣ того же Тохтамышъ.

Указатель собственных именъ, встрѣчающихся въ изданіи.

Абдулла-ханъ, 53, 63.
 Агачери, пл., 84.
 Алтанъ-Аргинакъ, гора, 81.
 Алтанъ-тѣши, 81.
 Амгуснапды, 29.
 Ангара, р., 83.
 Аргунъ, 47, 53, 61, 102.
 Аргунъ, р., 75, 80, 94, 101, 102.
 Аримапъ, 25.
 Багатуръ-Хонгъ-тайчи, 28.
 Багагутъ, пл., 84.
 Байджу, 53, 57.
 Байкаль, оз., 121.
 Баргу, мѣстн., 82, 121.
 Баргу-Бурятъ, пл., 84, 85, 121.
 Баргуджинъ Тукумъ, мѣстн., 82, 85, 86.
 Баргуты, пл., 83.
 Бата, нар., 72.
 Батасъ, 71.
 Батачи, 71.
 Батула-Чинсапъ, 83.
 Батутъ, пл., 85.
 Вей-хаджи, 63.
 Вердибекъ, 63.
 Богатуръ-Тенгри, 26.
 Бодонцаръ, 9, 76.
 Борджигинъ, 33.
 Бѣртѣчино, 71, 72, 75.
 Буга-Сучигай, Буга-Сучику, мѣстн., 92—94, 99.
 Булагачинъ, пл., 82.
 Бургуты, пл., 82, 85.
 Бота, нар., 71, 75.

Будала, 20.
 Будапцаръ, 76.
 Бурханъ-халданъ, гора, 21.
 Бурхагу-ханъ, гора, 25.
 Бутъ-тенгри, 78.
 Булту-ханъ, 49, 53, 57.
 Бѣртѣчэна, 70.
 Бѣтэ, нар., 71.
 Бѣтэсъ, Бѣтэчи, 71.
 Бюгъ-тенгри, 12, 13.

Ваджрадара Мѣргѣнъ Дилчи, 18, 19, 21.

Галай-ханъ, богъ, 22.
 Гоа-мараль, 71.
 Гуль-Эрги, мѣстн., 80.
 Гурбанъ-Тамиръ, р., 87.
 Гѣнтѣй-ханъ, гора, 21.

Дайчинъ-тенгри, 26.
 Далай-поръ, оз., 101.
 Дамебе-Нояпъ, 89, 90, 101.
 Джучи-ханъ, 101.
 Джучи-Хасаръ, 13, 101, 118.
 Дзагутъ, пл., 86.
 Дзая-бандида, дух. л., 45.
 Дзаягачи-тенгри, 28, 29.
 Дзолъ-Дзаягачи, богъ, 27.
 Дзуль-гаръ, пл., 84, 85.
 Дэвту-ханъ, 21.
 Добо-мѣргѣнъ, 76.
 Дологатъ, пл., 86.
 Дурбетъ, пл., 84, 86.
 Дурбѣцъ-Ойратъ, нар., 83.

Желтая рѣка, 21, 72, 75.
 Жужанъ, 75.

Земархъ, 11, 22.

Изецъ-Адеръ, богъ, 23.
 Илндже, 70.
 Индра, богъ, 11.
 Ипъ-шанъ, горы, 74.
 Прога, богъ, 17.
 Иртышъ, р., 94.
 Исунэ, 94, 99—102, 118.
 Исутъ, пл., 86.
 Итога, богъ, 16, 17.
 Итугепъ, богиня, 16.

Каяпъ, 70.
 Кидапъ, нар., 75.
 Кишчакъ, пл., 55, 63, 101.
 Киргизы, нар., 83, 85, 86.
 Кисаганъ-тенгри, 27.
 Кюкѣ-поръ, оз., 80.
 Команы, нар., 16.
 Кондуй, р., 102, 103.
 Конкратъ, пл., 120.
 Кубдугъ, пл., 120, 121.
 Кубечи, племя, 68.
 Кулапъ-Язи, мѣстн., 93, 94.
 Кулунъ, Куле-науръ, оз., 101.
 Курласъ, пл., 71.
 Кучлукъ-ханъ, 89, 90.
 Кыркыръ, р., 101, 102.
 Кѣргутъ, пл., 84—86.
 Кѣрѣлунъ, р., 21.
 Кѣрѣмучинъ, пл., 82.
 Кѣстѣми, пл., 82, 85.

Магада, 20.
 Маньханъ, 21.
 Маньджунри Далай Нѣйджитойпъ, 3.
 Мингатъ, пл., 86.
 Моганъ-ханъ, 10.
 Моналуи, женщ., 72.
 Мона-ханъ, гора, 21, 72—74.
 Монгольчинъ, пл., 73.
 Монгъ-у, нар., 75.
 Мѣнкѣ-ханъ, Мункѣ-ханъ, 50, 51, 55, 56, 58, 63, 83.

Мопъ-ханъ, 72.
 Мохо, нар., 74.
 Мохолы, 62.
 Мунѣ-ханъ, 21.
 Мѣргѣнъ-дилчи, 29.

Наймапъ, пл., 86, 89, 91, 94.
 Натигапъ, богъ, 17.
 Нѣгусъ, 70.
 Нѣйджи-тойпъ, дух. л., 45.
 Нью-чжи, нар., 75.

Ойпъ-Иргепъ, пл., 84.
 Ойпъ-Уряпха, пл., 82.
 Ойраты, нар., 82, 85—87.
 Ойхоры, нар., 44.
 Ѡлѣтъ, нар., 84.
 Олджайту, 47, 102.
 Олхонуты, 72.
 Опгъ-ханъ, 94.
 Опонъ, р., 21, 48.
 Опъ-Орхонъ, р., 87.
 Ордосъ, стр., 72.
 Ормуздъ, 11, 22.
 Орхонъ, р., 87.
 Отъ, богиня, 22.

Пакба, дух. л., 48—50, 52, 54, 57.

Салджуты, пл., 72.
 Сартагутъ, нар., 89—91, 99, 100.
 Селенга, р., 21.
 Сембадъ, арм. царь, 63.
 Сумѣру, гора, 20.
 Сильби, нар., 9, 75.

Тайджуты, пл., 83.
 Тангутъ, царство, 73.
 Таншихай, 9.
 Та-та, Татапъ, нар., 74.
 Та-та-гупъ-о, 55.
 Теленгутъ, пл., 82, 85.
 Темучинъ, 12, 13.
 Тимуръ-Пуладъ, 63.
 Тобо-ханъ, 44, 76.
 Тогопъ, 33.
 Тогонъ-Тимуръ, 44, 45.
 Тогузъ-Уйгуръ, пл., 87.

- Тоно, гора, 81.
 Торгутъ, пл., 84, 85.
 Тохтамышъ, 63.
 Тую, 10, 11, 14, 16, 22, 44, 75, 76.
 Тукмаки, нар., 91.
 Туларъ, р. (Тула), 87.
 Тумэть, пл., 85, 86.
 Тэмуджинъ, 78.
- Угэлэть, пл., 84, 85.
 Угэтэй, 83, 87.
 Удіана, 20.
 Узбекъ, ханъ, 53.
 Уйгуръ, 9, 48, 55, 75, 86, 87.
 Улукэнь, 25.
 Унь-Уйгуръ, пл., 86, 87.
 Урасутъ, пл., 82, 85.
 Урулюнгу, р., 102.
 Урианхалъ, Урианхайцы, 15.
 Утикэнь, р., 87.
 Уть, богиня, 22—25, 41.
 Утэгэ-Хулапъ, гора, 87.
 Учъ-Табинъ, р., 87.
- Хаджиръ Чингисъ теугри, 12, 13, 78.
 Хайларъ, р., 101.
 Хамъ, 16.
 Хангай-ханъ, гора, 21, 25.
 Хара-Хорумъ, гор., 82, 87.
 Хадъ, 70.
 Хиунъ-пу, нар., 78, 79.
 Хонгъ, Хойтъ, пл., 84—86.
 Хойхэ, 9.
- Хонгиратъ, пл., 120.
 Хонгодоръ, пл., 94, 95, 99.
 Хори, пл., 85, 86.
 Хоринскіе буряты, 82, 121.
 Хормузда, 9, 12, 25.
 Хошутъ, пл., 84, 85.
 Хуанъ-хо, р., 72.
 Хубилай, 31, 39, 40, 48—50, 56, 58, 62, 63.
 Хунну, 9, 16, 31, 38, 39, 75.
- Цѣкѣ, р., 121.
- Чеуну, 33.
 Чжамуха, 77.
 Чикой, р., 121.
 Чингисъ-ханъ, 7, 8, 10—12, 21, 25, 31, 33, 47, 48, 55, 62, 71—75, 77, 78, 83, 85, 89—91, 93, 99, 101, 104.
 Чоросъ, пл., 85.
- Шайтанъ, 25.
 Ширайголы, нар., 72.
- Эмэгэльджи, 28.
 Эргунэ или Эргэнэ-хонъ, 70, 80, 81.
 Эргэнэкъ, гора, 81.
 Эрликъ-ханъ, богъ, 25.
 Эсэлбэйиъ-ки, 28.
 Эсець, 33.
 Этугеъ, Этугэ, 16, 17.
- Юанъ-хао, танг. царь, 50, 52.

Предметный указатель къ статьямъ: „Черная вѣра“, „Пайзе“
 и „О восточныхъ названіяхъ русск. вооруженій“:

- Ада, духъ, 30.
 Албинъ, духъ, 30.
- Бахтерець, 66, 68.
 Бехтерець, 66.
 Большая Медвѣдница, созв., 3, 14.
 Бубенъ шам., 42.
 Бугырлякъ, 67.
 Бѣлый баранъ, 25; бѣлый мѣсяць, праздн., 39; бѣлыя кобылы, 33; б. юрты, 33.
- Вино, 15.
 Волкъ, 9, 71.
 Восемь бѣлыхъ юртъ, 33.
- Гадапье, 42.
 Гаруда птица, 19.
 Геній, 6, 19, 22.
 Гора, 18.
 Градъ, 9.
 Громъ, 10, 15, 24, 43.
- Девяносто девять, 18.
 Девять бунчуговъ, 29; геніевъ, 12; звѣздъ, 14; теугри, 28, 29; девять Уйгуровъ, 87.
 Джидъ, 67, 68.
 Дзаркииъ, 9.
 Дзал, дзала, 8.
 Драконъ, 15, 19.
- Желтоголовый баранъ, 25.
 Жертва, 14, 19, 23, 24, 38, 40, 41.
- Звѣзда, 6, 14.
 Земля, 6, 7, 16, 17.
 Змѣй, 16.
 Идоганъ, удоганъ, 16.
 Иней, 15.
 Ильмъ дерево, 25.
- Кремень, 25.
 Кречеть, 60.
 Кровавая жертва, 19.
 Кулчинъ, духъ, 30.
 Кумысъ, 14, 15, 17, 38.
 Куякъ, 66.
- Левъ, 60.
 Лопатка, гадапье на ней, 42.
 Лу, луць, 15, 16.
 Луна, 6, 13, 14, 60.
- Медвѣдница (больш.), созв., 3, 14.
 Молнія, 15, 43.
 Молоко, 14, 15, 17, 28, 38.
- Нага (змѣй), 16.
 Небо, 6—11.
 Нефритъ, 62.
- Обо, 18—20.
 Огонь, 3, 8, 11, 22—25.
 Онгонъ, 6, 26, 30—32.
 Оргой, шаман. шлемъ, 42.
- Рашіанъ, 20.
 Рѣка, 18.

Саадакъ, сагадакъ, сайдакъ, 67.	Тегилэй, 66, 68.
Северга, 67.	Тенгри, небо, 7, 26.
Семь старцевъ, созв., 3, 14.	Токтуй, 67.
Семьдесятъ семь, 18.	Тэгри, гений, 6, 26.
Созвѣздіе, 3.	
Солнце, 6, 13, 14, 60.	Урусъ-сара, праздн., 38.
Сталь, 25.	
Судьба, 8.	Цаганъ-сара, праздн., 39, 40.
Сулдэ, 28, 29.	
Сыпъ неба, 12, 13.	Элье, духъ, 30, 48, 96, 104.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Отъ редакціи.....	III
Очеркъ жизни и дѣятельности Дорджи Банзарова.....	IX
Письмо Сельскаго. Подробности о сибирской жизни и послѣднихъ дняхъ Банзарова.....	XXXV
Списокъ сочиненій Банзарова (въ хронологическомъ порядкѣ). XXXVIII	
Черная вѣтра или Шаманство у монголовъ.....	1
Названіе и происхожденіе черной вѣтры 4; небо 6; небесныя тѣла и воздушныя явленія 13; земля 16; огонь 22; тенгри или второстепенные боги 26; онгоны 30; шаманы 34; паденіе шаманства 43.	
Пайзе или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ.....	47
О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій.....	56 65
О происхожденіи имени Монголь.....	70
О происхожденіи слова Чингисъ.....	77
О названіи Эргэнэ-хонъ.....	80
Объ ойратахъ и уйгурахъ.....	82
Объясненіе монгольской надписи на памятникѣ князя Исунке, племянника Чингисъ-хана.....	128 88
Письма Банзарова.....	106
Приложеніе. Замѣчанія о монголизмахъ въ ярыкѣ Тохтамышъ-хана.....	122
Указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ изданіи.....	124
Предметный указатель къ статьямъ: «Черная вѣтра», «Пайзе» и «О восточныхъ названіяхъ русскихъ вооруженій».....	127